

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

«Смерть дублера»
Стаут считал
своим лучшим
детективным романом,
и кто я такой,
чтобы спорить
с великим мастером?

*Из отзывов
на Thriftbooks.com*

• ВСЕ • РАССЛЕДОВАНИЯ • НИРО • ВУЛФА •

РЕКС
СТАУТ

Смерть
дублера

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Классика детектива

Рекс Стаут

Смерть дублера

«Азбука-Аттикус»

1939, 1940, 1941

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стаут Р. Т.

Смерть дублера / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус», 1939, 1940, 1941 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-23466-6

Рекс Стаут, создатель знаменитого цикла детективных произведений о Ниро Вулфе, большом гурмане, страстном любителе орхидей и одном из самых великих сыщиков, описанных когда-либо в литературе, на этот раз поручает расследование запутанных преступлений частному детективу Текумсе Фоксу, округ Уэстчестер, штат Нью-Йорк. В уединенном лесном коттедже найдено тело Ридли Торпа, финансиста с незапятнанной репутацией. Энди Грант, накануне убийства посетивший поместье Торпа и первым обнаруживший труп, обвиняется в совершении преступления. Нэнси Грант, сестра Энди, обращается к Текумсе Фоксу, чтобы тот снял с ее брата обвинение в несовершенном убийстве. Фокс принимается за расследование («Смерть дублера»). Очень плохо для бизнеса, когда в банки с качественным продуктом кто-то неизвестный добавляет хинин. Частный детектив Эми Дункан берется за это дело, но вскоре ее отстраняют от расследования. Перед этим машина Эми случайно сталкивается с машиной Фокса – к счастью, без серьезных последствий, – и девушка делится с сыщиком своими подозрениями относительно того, кто виноват в порче продуктов. Виновником Эми считает хозяев фирмы, конкурирующей с компанией ее дяди, Артура Тингли. Девушка отправляется навестить дядю и находит его мертвым в собственном офисе... («Плохо для бизнеса») Все началось со скрипки. Друг Текумсе Фокса, бывший скрипач, уговаривает частного детектива поучаствовать в благотворительной акции по покупке ценного инструмента для молодого скрипача-виртуоза Яна Тусара. Фокс не поклонник музыки, но вместе с другом он приходит в Карнеги-холл, чтобы послушать выступление Яна. Концерт проходит как назло неудачно, и, похоже, всему виной скрипка. Когда после концерта Фокс с товарищем спешат за кулисы, чтобы утешить Яна, они обнаруживают скрипача мертвым – он застрелился на глазах у свидетелей, а скрипка в суматохе пропала («Разбитая ваза»).

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-23466-6

© Стаут Р. Т., 1939, 1940, 1941
© Азбука-Аттикус, 1939, 1940, 1941

Содержание

Смерть дублера	7
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Рекс Стаут

Смерть дублера (сборник)

Rex Stout

DOUBLE FOR DEATH

Copyright © 1939 by Rex Stout

BAD FOR BUSINESS

Copyright © 1940 by Rex Stout

THE BROKEN VASE

Copyright © 1941 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

All rights reserved

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. Б. Ковжун, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Рекс Стаут (1885–1975) родился в городе Ноблсвилл, штат Индиана. После окончания школы он поступил в Университет Канзаса, но вскоре бросил его и завербовался в военный флот. В течение нескольких лет Рекс Стаут служил на яхте «Мэйфлауэр», принадлежащей президенту США теодору Рузвельту.

Первые рассказы Рекса Стаута стали печататься в журналах через четыре года после завершения им флотской службы, а через восемь лет он изобрел программу накопления сбережений для школьников, которая была внедрена по всей Америке и принесла автору 400 тысяч долларов (почти 9 миллионов современных долларов).

Рекс Стаут пробовал свои силы в самых разных жанрах, но основная масса его произведений – детективы. Именно они принесли Стауту шумный успех, а в особенности серия книг об экстравагантном детективе Ниро Вульфе и его остроумном помощнике Арчи Гудвине.

Я порекомендовал бы прочитать всего «Ниро Вульфа», перед тем как взяться за книгу о Текумсе Фоксе, – впрочем, для читателей Рекса Стаута она не менее интересна, чем другие его романы. Тем более что друзья писателя утверждали, что Фокс – вылитая копия самого Стаута.

Из отзывов на Amazon.com

Книги Рекса Стаута переведены на 35 языков и выпущены общим тиражом 70 миллионов экземпляров по всему миру.

«Смерть дублера» Стаут считал лучшим своим романом, и кто я такой, чтобы спорить с великим мастером?

Из отзывов на Thriftbooks.com

Смерть дублера

Глава 1

Стояло утро понедельника. Мужчина, чьи смуглые щеки как раз по такому случаю были гладко выбриты, а на джинсовой рубашке – ни пятнышка, мирно перегонял своих джерсейских коров через мощеную дорогу из хлева на пастбище. Завидев вдали автомобиль, фермер коротко чертыхнулся. Совсем уж некстати, скотину-то зря пугать. Даже если шофер за рулем опытный и осторожный, при появлении машины коровы все равно будут нервничать. А ежели нелегкая занесла сюда ньюйоркца после разгульных выходных, так и вообще не угадаешь, что может произойти. Город, он ведь всего в полусотне миль к югу... Встав посреди дороги, мужчина вперил раздраженный взгляд в стремительно приближавшееся чудище, но слегка успокоился при виде того, как машина замедляет ход, и вовсе остыл, когда она осторожно обогнула флегматичную Дженнифер, выписав дугу футов в шесть, не меньше, и остановилась рядом с ним так близко, что рукой можно было коснуться дверцы. Последние следы недовольства испарились, когда он увидел, кто сидит за рулем. Он, конечно, предан коровам, но пока не настолько безнадежен, чтобы не улыбнуться милой девушке. Та и заговорить еще не успела, а фермер разглядел даже теплые рыжеватые крапинки в радужке серых, отчего-то беспокойных глаз. А заговорила девушка практически сразу:

– Простите, я правильно еду в поместье Фокса?

Мужчина хмыкнул, и от уголков его глаз поползли морщинки неодобрения.

– Вон оно что... – протянул фермер. – В «Зоосад», значит, собрались?

– Верно, – без улыбки согласилась девушка. – Слышала, так его называют в округе. Я правильно еду?

Кивнув, фермер поднял большой палец:

– Еще с миллю вперед. Большой белый дом на холме среди деревьев, чуток в стороне от дороги.

Коротко поблагодарив фермера, девушка потянулась к рычагу коробки передач, а ее губы сжались и побелели. При виде этого мужчина не сдержался:

– Что ж вы злитесь в чудесный летний денек?

– Это не злость, а тревога. Благодарю вас.

Фермер проследил за тем, как удаляется ее небольшой двухместный автомобиль-купе – далеко не новый, хотя и не развалюха, – а когда тот скрылся за поворотом, со вздохом пробормотал:

– Если все ее тревоги из-за мужика, это точно не про меня... – И завопил с раздражением в голосе: – Давай, Квинни, шевели копытами, черт тебя!..

Проехав положенную миллю, девушка увидела большой белый дом на холме в окружении деревьев и свернула на ведущую к нему частную подъездную дорожку. Живописные изгибы дорожки, мостик через ручей, вяза и клены, затенявшие добрые две трети лужайки, даже четверо или пятеро человек невдалеке, которые оборачивались, чтобы взглянуть на машину, – все эти детали скользнули мимо, едва коснувшись ее внимания. Оказалось, что подъездная дорожка не ведет к крыльцу с колоннами, поэтому девушка свернула за угол дома и выехала на широкую гравийную площадку. Ее дальней границей служил громадный старый сарай, часть которого, судя по воротам, была превращена в гараж.

Остановившись на краю площадки, девушка вышла из машины. Из-за кустов сразу выскочили две большие собаки и одна маленькая, бесцеремонно обнюхали девушку и убежали.

Без всякого воодушевления прокричал петух. Из небольшой двери в дальнем углу сарая вышел человек, бросил на машину и ее владелицу короткий взгляд и ретировался, посчитав, что появление обеих – не его дело. Девушка направилась напрямик к заднему входу в дом, практически скрытому буйными зарослями выющихся желтых роз, и почти достигла цели, когда дорогу ей заступила рослая круглолицая женщина в зеленом халате. В ее взгляде ясно читалось нетерпение, свойственное людям, давно привыкшим не поспевать за вереницей срочных дел, которые вечно подкидывает им жизнь.

– Здравствуйте, – произнесла она хриплым от нетерпения голосом, однако не лишенным приятности.

– Здравствуйте, – ответила девушка. – Меня зовут Нэнси Грант. Это я звонила примерно час назад. Мистер Фокс уже здесь?

Женщина покачала головой:

– Мистер Текумсе Фокс еще не вернулся. Можете дождаться его на парадном крыльце, если только не предпочитаете войти в дом с этой стороны. Признаться, сама я несколько занята. Мне нужно готовить обед.

– Я... – Прикусив губу, девушка замолчала. – А скоро он вернется?

– Может, и скоро, не мне судить. Он собирался быть дома еще вчера вечером. Разве мистер Крокер не рассказал вам по телефону?

– Да, он говорил, но я...

– Ну, когда-нибудь мистер Текумсе Фокс уж точно вернется. Всегда возвращается... У вас какие-то неприятности? Все совсем плохо?

– Да.

– Выбросьте это из головы. Пойдите лучше нарвите цветов. Они тут повсюду. Можете нарвать любые, какие понравятся. Я бы с удовольствием составила вам компанию. В такой день, как сегодня, хочется сходить в церковь, или посидеть на свежем воздухе, или нарвать цветов... Но, увы, надо готовить обед! – Резко повернувшись, женщина направилась к двери и уже скрылась было за розами, однако вдруг появилась снова и объявила: – Меня зовут миссис Тримбл! – и лишь затем ушла.

Состроив розам безрадостную гримасу, девушка распрямила опущенные плечи и двинулась в обход дома. Пока она шла вдоль стены, ее внимание вновь пытались привлечь разнообразные детали окружающей природы: подстриженные кусты и раскидистые деревья, мягкая трава на солнце и в тени, клумбы и цветочные бордюры – все говорило об уходе и заботе, но не чрезмерной. Поднявшись по ступенькам на крыльцо с колоннами, она обнаружила, что здесь прохладно, чисто и просторно, правда ощущалась странная неуравновешенность: в правой половине стояло около десяти летних кресел, а в левой – не было ни одного. В одном из кресел сидел мужчина в полосатом пиджаке и серых слаксах, его лицо и лоб были обезображены вздутыми, воспаленными пятнами. Один глаз мужчины заплыл вовсе, а другим он пристально смотрел на что-то зажатое в руке. Откуда-то доносился звук, словно где-то пилили дерево, хотя источника звуков видно не было. Бросив направо быстрый взгляд, девушка свернула в другую, лишенную кресел сторону и села на перила террасы.

– Лучше присядьте здесь! – окликнул ее мужчина, перекрывая голосом шум пилы.

Девушка сдержанно ответила, что ей и тут не плохо.

– Вы тут ни при чем! Там феба свила гнездо, и потому мы передвинули кресла! Садитесь ближе! Я не заразный, это меня пчелы покусали!

Во избежание дальнейших споров девушка соскочила с перил и направилась к креслам, в то время как мужчина вернулся к созерцанию предмета в руке, который при ближайшем рассмотрении оказался небольшим будильником. Но не успела она сесть, как вновь вскочила, пораженная почти одновременно раздавшимися резкими звуками: оглушительным треском и шумом падения позади террасы и истеричным звоном будильника. Девушка так и застыла,

недоуменно глядя на толстую сухую ветвь, рухнувшую сквозь листву на лужайку у дома. Между тем звуки пилы наконец стихли.

– Ну и как? – донесся сверху чей-то веселый голос.

Искусанный пчелами закинул голову и проорал:

– За секунду до звонка! Ты выиграл! Ей-богу, всего одна секунда!

Послышались царапающие звуки и довольный вопль, а затем по стволу клена съехал вниз и спрыгнул на землю еще один мужчина. Совсем молодой парень, грубоватого вида здоровяк в покрытой пятнами пота рабочей рубашке. Встав у подножия ведущей на террасу лестницы, он распорядился:

– Давай прибери здесь!

– Завтра все уберу. Укусы болят.

– Нет, сейчас! Таков был уговор. Но сперва ты пойдешь нальешь мне выпить и принесешь сюда, а я сяду поудобнее и буду за тобой наблюдать. Ты выжал из меня свои восемь минут, но я все равно справился! Так что принеси мне ржаного вис... – Оборвав себя на полуслове, он развернулся, чтобы взглянуться в подъездную дорожку.

Коротко прозвучал автомобильный гудок, и уже секунду спустя стало видно саму машину – большой черный кабриолет с хромированными деталями капота. Вверх по склону она забралась практически бесшумно.

– Возвращается, – объявил мужчина с будильником и встал. – Вот погоди, Фокс еще увидит, что ты сотворил с его лужайкой! Схожу верну часы миссис Тримбл...

Почти бегом он скрылся в доме. Парень с грубоватым лицом в три прыжка взлетел по ступеням и широким шагом направился туда же. Тем временем машина описала плавный поворот и скрылась из виду за углом особняка. Лишь тогда Нэнси Грант позволила себе опуститься в кресло.

За пять минут ожидания она раз пятьдесят оборачивалась, чтобы бросить исполненный надежды взгляд на открытые двери, но тот, кого она ждала, появился незамеченным. Заслышав легкие, стремительные шаги, Нэнси в очередной раз повернула голову и увидела мужчину в легком коричневом костюме и без шляпы, лет на пятнадцать старше Нэнси, которой было двадцать два года. Уже вставая, она успела подумать, что в лице мужчины и впрямь читается что-то лисье, но затем, когда он повернулся к девушке, та увидела, что его скулы и нос вовсе не узки, а карие глаза открыты слишком широко, чтобы казаться хитрыми. Глаза эти с быстротой молнии окинули ее фигуру целиком и так стремительно нырнули в ее собственные, что Нэнси растерялась.

– Я Текумсе Фокс. Миссис Тримбл представила вас как Нэнси Грант. Вы хотели со мной поговорить?

Кивнув, она бросила взгляд по сторонам, приоткрыла рот и тут же захлопнула снова.

– Снаружи будет вполне удобно, – заверил девушку Фокс. – Нам никто не мешает и не подслушает. Выглядите уставшей. Принести вам что-нибудь выпить?

– Спасибо, не надо.

– Нет? Что ж, тогда присаживайтесь... – Он пододвинул свое кресло и сел напротив, а когда Нэнси тоже села, протянул руку и трижды успокаивающе похлопал по тыльной стороне ее ладони, затем откинулся на спинку кресла и произнес: – Итак...

– Речь об убийстве. – Нэнси сжала руку, по которой только что хлопал Фокс, в кулак. – Убийстве Торпа.

– Вот как? Получается, убили кого-то по фамилии Торп?

– Ну... да, – изумленно выдавила она. – Сегодня в утренних газетах...

– Еще не заглядывал. Приношу свои извинения. Вчера я ездил в Бостон взглянуть кое на что и только сейчас вернулся. Значит, Торп был вашим другом?

– Нет, не другом. Ридли Торп – это который... Вы должны были слышать о нем. Глава «Торп контрол».

– Ах тот... Его убили?

– Да.

– И что же?

– Моего дядю арестовали. Дядю Энди... то есть Эндрю... Вот почему я приехала к вам. Вы ведь с ним знакомы. Эндрю Грант?

– Конечно, – кивнул Фокс. – Он жил у меня какое-то время, года три назад. Собирался написать что-то, но так и не смог начать.

Легкий румянец, появившийся на щеках Нэнси, давал понять, как девушка выглядит, когда не слишком утомлена.

– Я в курсе, – произнесла она. – Он рассказывал мне... как и о людях, которым вы позволяете гостить сколько вздумается. Знаю, тогда он был довольно... непутевым человеком. Но потом, когда я задумалась о карьере и переехала в Нью-Йорк... Думаю, это из-за меня он взялся писать рекламные тексты, чтобы помогать мне, хотя тогда я об этом не подозревала... В любом случае сейчас я восхищаюсь им, благодарна ему, очень его люблю... и посчитала, что вы захотите ему помочь, и это не он направил меня сюда, хотя, полагаю, ваше мнение о нем, поскольку вы знали его в те времена, когда... ну...

– На убийцу он, на мой взгляд, не очень тянет. Это он убил Торпа?

– Нет!

– Прекрасно. Так почему же его арестовали?

– Он... Мне придется все вам рассказать.

– Чего же мы ждем? Приступайте.

– А вы поможете моему дяде? Вытащите его из этой переделки?

– Сперва расскажите все по порядку.

– Он был там прошлым вечером... Там, где убили Торпа.

– Где именно? Вновь прошу меня простить, в доме точно есть газеты. Может, мне стоит взять одну и прочесть?

Нэнси покачала головой:

– Лучше я сама расскажу. Мне известны вещи, которые в печать не попали. Убийство произошло в местечке близ Маунт-Киско... У Торпа есть бунгало в лесу, куда он уезжал на уик-энд. Никого больше – ни гостей, ни членов семьи, – за исключением одного цветного, который на пару дней становился и шофером, и слугой, и поваром. Больше никому не позволялось там бывать. И вот прошлым вечером кто-то пробрался туда сквозь лес, выстрелил через открытое окно и убил Торпа.

– А Энди Грант тоже там был?

– Да. Это как раз и не попало в газеты. Я сама его туда отвезла.

– Вот как? Вашему дяде повезло получить особое приглашение?

– Нет. Он... Дядя Энди зарабатывал на жизнь, составляя рекламные тексты для агентства «Уиллоуби». А «Торп контрол» – их самый крупный клиент. Дядя сочинил серию материалов для рекламной кампании нового продукта, который вот-вот выпустят на рынок, но члены правления предприятия Торпа остались недовольны. А дядя считал, что в жизни не написал ничего лучше, и для него эта рекламная кампания должна была стать большим прорывом... Он принялся отстаивать свою точку зрения и, наверное, вспылал... Наговорил лишнего... В общем, из агентства его уволили. Все это случилось неделю назад. Дядя был твердо уверен, что, если ему удастся поговорить с Ридли Торпом, тот утвердит предложенную рекламную кампанию, однако не смог и близко подобраться к Торпу. Дядя знал про бунгало, где Торп уединялся по выходным, – почти всем в агентстве про это было известно – и решил застать его

там. А еще он знал, что я... он знал... я же сама его... – Голос Нэнси, сбившийся на шепот под конец рассказа, и вовсе стих.

Она виновато посмотрела на Текумсе Фокса, но затем зажмурилась и с такой силой сжала ладонями виски, что побелели пальцы. Открыв глаза, Нэнси попыталась улыбнуться, лишь уголки губ слегка дрогнули, не более.

– Наверное, я просто немного бесхарактерная, – рассудила Нэнси. – И наверное, мне все же нужно что-то выпить. Понимаете, меня всю ночь продержали в полицейском участке или, может быть, в тюрьме в Уайт-Плейнсе. И я ни минутки не спала, а потом, едва смывшись оттуда, сразу позвонила...

– То есть от полицейских вы сбежали?

– Да, меня оставили одну в кабинете, и я тихонько улизнула, прошла по переулку, позвонила сюда, а потом взяла чужую машину и...

– Вот как? Вы угнали чью-то машину? Ту, что стоит за домом?

– Да. Мне нужно было поскорее сюда добраться, и я не решилась взять какую-нибудь напрокат или даже ловить такси, боялась, что...

– Секунду, – сдвинул брови Фокс. – Взгляните на меня. Нет, прямо в глаза... Вот так. Скажите, вы в ладах с законом?

– Я вполне благоразумна. – Губы Нэнси снова дрогнули. – Бывает, порой я совершаю глупости, но в целом я честная девушка.

– Позвольте взглянуть на вашу руку.

Не колеблясь, Нэнси исполнила просьбу. Фокс принял протянутую руку в свои, чтобы внимательно осмотреть тыльную сторону и ладонь, костяшки и кончики пальцев, каждый маленький твердый бугорок.

– Это не гадание, – негромко произнес он. – Красивая рука. В той машине осталось что-нибудь ваше?

– Нет.

– Совсем ничего? Вы уверены?

– Ничего.

Повернув голову, Фокс повысил голос до зычного баритона:

– Дэн!

Чуть погодя за дверью раздались шаги, гораздо более тяжелые, чем у Фокса, открылась сетчатая дверь и на террасу вышел мужчина в рубашке и без галстука. Ему было где-то под сорок. В глаза бросались очень широкие плечи и смуглое лицо, такое квадратное, что его контур с легкостью можно было бы изобразить с помощью линейки. Сдержанные движения его челюсти указывали, что он еще что-то не успел дожевать. Мужчина подошел ближе и пророкотал, словно из глубокой пещеры:

– Уже здесь, Тек.

– М-да, – протянул Фокс. – Заправь рубашку. Мисс Грант, перед вами мистер Пейви, мой, так сказать, вице-президент. Дэн, мисс Грант приехала сюда на той двухместной машине, что стоит позади дома. Сегодня утром она угнала ее с парковки в Уайт-Плейнсе. Скажи Биллу, пусть берет наш универсал и едет по грунтовой дороге в сторону Кармела, свернет налево у Миллерс-Корнер и дальше, через холм, к озеру. Ты поедешь за ним в той машине и бросишь ее где-нибудь за холмом. Захвати с собой тряпку, тщательно протри дверцы, ручки и рулевое колесо. Будешь садиться в универсал – проследи, чтобы тебя никто не увидел.

Дэн Пейви помотал головой:

– Слишком близко, отсюда мили четыре всего. Не лучше ли будет заехать за...

– Нет.

– Как скажете, – проворчал Дэн и тяжелой поступью удалился.

– Прошу прощения, – сказал Фокс, встал и последовал в дом за своим вице-президентом.

Голова Нэнси резко качнулась вперед и вниз, точно бутон тюльпана с пересохшим стеблем. Она вновь с силой сжала виски и все еще сидела в этой позе, когда спустя десять минут Текумсе Фокс вернулся со сложенной газетой под мышкой и с подносом в свободной руке. На подносе стояли тарелка сэндвичей с цыпленком, бутылка хереса, бокал и хайбол.

– А теперь, – сказал он, ногой пододвигая к себе стол, – вы сможете спокойно позавтракать, пока я посмотрю, о чем тут пишут.

Глава 2

Изучив раздел новостей, Фокс сложил газету и бросил на стол. На тарелке остался один сэндвич, а уровень хереса в бутылке упал на два дюйма.

Хмурясь, Фокс уставился на девушку.

– Ваш дядя был знаком с Люком Уиром? – с нажимом спросил он.

– Люком?.. – озадаченно переспросила Нэнси. – А кто это?

– Цветной слуга, бывший в бунгало с Торпом. Вы сказали, что утром читали газету.

– Вообще-то, не читала. Я остановилась по пути сюда... думаю, в Бедфорд-Хиллз... и купила сегодняшней номер, но не стала читать, только пробежала взглядом... – На лицо девушки вернулось немного краски, да и голос заметно окреп. – Но дядя Энди не мог знать того цветного парня. Откуда бы? И что насчет него?

– Исчез. Ищут, но его нигде нет. Если вы не прочли об этом, читали вы и вправду небрежно. Газета предполагает – с оговорками, чтобы не быть уличенной в клевете, – что Энди и Люк Уир могли состоять в тайном сговоре... – Осушив свой хайбол, Фокс поставил его на стол. – А вот и другие детали, которые вы могли упустить. Карманы Торпа оказались пустыми: ни бумажника, ни ключей, совсем ничего. Исчезли и наручные часы. Его поразили две пули, ни одной не было выпущено мимо. Торп проводил в этом своем убежище каждый уик-энд начиная с апреля. Его жена умерла много лет назад. Его сына Джеффри отыскали в придорожном ночном клубе на Лонг-Айленде и уже доставили для опознания тела. Дочь новость о трагедии застигла где-то вблизи Адирондакских гор, и она возвращается самолетом. Вы знакомы с кем-либо из них?

– Нет, конечно. Откуда мне знать подобных людей?

– Подобных кому?

– Ну как... сыновьям и дочерям миллионеров.

– Ясно. Еще полиция не может найти личного секретаря Торпа, человека по имени Вон Кестер. Он проводил выходные, играя в гольф в клубе «Грин медоу». В полночь его разбудили звонком, и, узнав о смерти Торпа, он немедленно отправился к месту происшествия, но по дороге куда-то исчез. И до сих пор так и не появился. Его вы знаете?

– Нет, не знаю. Говорю же, я не знакома ни с кем из Торпов или из их окружения, да и дядя Энди не знаком. Все было, как я вам рассказала. Мы приехали на уик-энд к моим друзьям Бэскомам, которые живут близ Уэстпорта, и дядя как раз поведал нам, как его уволили и как всю неделю он пытался пробиться к Торпу, а потом упомянул про бунгало, где миллионер скрывается в выходные, и мы с Деллой Бэском уговорили его отправиться туда. Делла одолжила мне машину, и я отвезла его...

– Почему же он сам не сел за руль?

– Потому что ехать дядя на самом деле не хотел, и мне пришлось его уговаривать. Отваги в нем хоть отбавляй, человек он действительно смелый, но... не особо упорный. Дядя не знал, где прячется Торп, и нам пришлось ездить кругами, расспрашивая людей. Наконец один мужчина на заправочной станции милях в трех от Маунт-Киско объяснил нам, куда ехать. И мы...

– В каком именно часу?

– Около одиннадцати. Может, чуть раньше. Мы уехали от Бэскомов примерно в девять и провели довольно много времени в поисках дороги, да и до самого Маунт-Киско, разумеется, еще нужно было добраться. Мужчина на заправке сказал, что владения Торпа обнесены забором, а ворота всегда на замке. Так и вышло, проехать внутрь нам не удалось. От дороги бунгало скрывали деревья, и оно, похоже, стояло где-то вдали... ну, или там уже легли спать, потому что не было видно ни единого огонька. Мы оставили машину на обочине рядом с воротами, и дядя Энди перелез через забор. Я хотела последовать его примеру, но он не позволил. Сказал, внутри может бегать злая собака.

Фокс шевельнулся в своем кресле.

– Не могу даже вообразить, как Энди Грант лезет через забор навстречу злым собакам.

– Он вовсе не трус!

– Ладно. Но он и не... Как вы выразились? Не особо упорен.

– Мне ли не знать! – всплеснула руками Нэнси. – Я же сама его... вот поэтому я сама во всем виновата! Как вы не понимаете! Я убедила дядю... своими руками буквально запихнула туда!

– А теперь хотите, чтобы я вытащил его обратно. Продолжайте.

– Вы и вытащите! Правда?

– Продолжайте. Он перелез через забор. Что делали вы? Ждали в машине?

– Да. Сидела и ждала, пожалуй, с четверть часа и была очень довольна собой, поскольку решила, что он, должно быть, увиделся с Торпом, иначе давно бы вернулся, а потом услышала, как кто-то перемахнул через забор, и дядя Энди крикнул, чтобы я включила фары. Он подошел и сел в машину. Я спросила, что случилось, а он велел мне ехать, пообещав все рассказать по дороге, но я настояла на своем и заставила его рассказать все немедленно. Энди сказал, что прошел триста ярдов по извилистой дорожке и та привела его к дому. Однако, вместо того чтобы постучать в дверь, дядя направился туда, где в окне горел свет. Окно было открыто, и он встал за деревом всего в нескольких футах от него, чтобы заглянуть внутрь. Торп был там; удобно устроившись в кресле, он курил сигару и слушал по радио джаз.

– От ворот передачу было слышно?

– Да. Я отлично слышала музыку, она довольно громко играла. Я посмотрела на часы на приборной доске, а потом на свои наручные. Было десять минут двенадцатого, и я решила: наверное, станция WRK транслирует оркестр Эла Рикетта в клубе «Ридженси». Включила тихонько приемник в машине – и точно. Дядя Энди сказал, что музыка в доме прямо грохотала. Он простоял там еще минуту или две, наблюдая за Торпом через окно, а затем опять завернул за угол и по крытой террасе подошел к двери. Там он стоял еще две или три минуты, дожидаясь перерыва в музыке, чтобы стук могли услышать, но потом раздались выстрелы.

– Так-так... – пробурчал Фокс. – Это он рассказал, пока сидел в машине?

– Ну конечно. Сказал, стреляли дважды. И тут опять я виновата. Я объявила дяде, что он наверняка просто струсил и придумал себе такое нелепое оправдание. А выстрелы, скорее всего, что-то из радиотрансляции. Я и сама слышала звук, похожий на стрельбу, но посчитала, что это смелая находка Эла Рикетта, не иначе. Я... Я начала смеяться над дядей. Он собирался как можно скорее убраться оттуда, так как с самого начала не хотел этой поездки. В общем, мы начали спорить, оба сорвались, и я наговорила дяде такого, за что сейчас мне чертовски стыдно. В итоге я вышла из машины и заявила, что дядя может уезжать один, если ему так хочется. Мы все еще спорили, когда увидели огни автомобиля, двигавшегося в нашу сторону по подъездной дорожке. Он остановился перед воротами, а через минуту они распахнулись, и машина едва вписалась в поворот, резко сорвавшись с места. Я стояла на обочине, и мне пришлось прыгнуть в сторону, чтобы не попасть под колеса, а когда я выпрямилась, машины уже и след простыл. Задним бампером она зацепила наше левое переднее колесо, почти наполовину разорвав покрывку.

– У вас же горели фары?

– Дядя Энди успел их выключить.

– Кто сидел за рулем, вы видели?

– Нет, ведь мне пришлось спасать свою жизнь, а дядя был занят тем, что продолжал на меня орать. Естественно, меня так это выбесило, что всю затрясло. Дядя вышел из машины, осмотрел колесо, выругался и занялся поиском инструментов. А я прошла через ворота и по дорожке направилась к дому. Дядя крикнул мне вслед, но я ему не ответила. У меня ведь появилась замечательная причина самой вломиться к Торпу. Так я тогда думала.

– После выстрелов? Храбрая девочка.

– Ну нет, не храбрая я была, а разъяренная. И в любом случае не принимала звуки за выстрелы. Сейчас сами поймете, какая я храбрая. Входная дверь была распахнута, а из комнаты в конце холла, дверь которой тоже была открыта, падал свет. Я поднялась на террасу и громко крикнула пару раз, но ответа не получила и зашла без приглашения. Направилась прямо в комнату, где горел свет, и увидела там на полу мертвое тело. Одного взгляда хватило, чтобы понять: это труп, а не живой человек. Я повернулась и бросилась бежать. Неслась по подъездной дорожке назад к воротам, как никогда еще не бегала. Рассказала обо всем дяде Энди и умоляла скорее поставить запаску, чтобы уехать оттуда подальше.

– Беру обратно свои слова про храбрость. И добавлю: глупо.

– То же сказал и дядя Энди. Он сказал, может, Торп еще дышит, мы обязаны это выяснить... К тому же у Бэскомов всем известно, куда мы отправились, да мы еще с десятков раз спрашивали дорогу к убежищу Торпа. Сбежим – и сразу попадем в неприятности. Дядя взял фонарик и побежал по подъездной дорожке обратно, а я потащила следом. Тогда я тоже не отличилась храбростью. Меня всю трясло, когда я стояла там и глядела, как дядя опускается на колени и осматривает тело. Поднявшись, он объявил, что это Ридли Торп и что он мертв, нашел телефон и вызвал полицию. Довольно быстро подъехала машина с полицейскими штата, а за ней еще какие-то. Нас долго держали в доме, а потом отвезли в Уайт-Плейнс, рассадили по разным комнатам и весь остаток ночи задавали мне вопросы. Думаю, дяде Энди тоже, потому что...

– Вы потребовали себе адвоката?

– Ни с одним не знакома. Да и дядя Энди тоже вряд ли их знает. Откуда ему знать адвокатов?

– Может и знать. Многие знакомы с адвокатами. Продолжайте.

– Вот и все. – Нэнси повернула красивые руки ладонями вверх. – Меня оставили в комнате одну, я выбралась в окно, повисела немного на карнизе и спрыгнула. Потом пробежала по переулку, позвонила, угнала ту машину и примчалась сюда.

– Вы сбежали через окно?

– Пришлось. Дверь была заперта.

Фокс хмыкнул:

– Вы разве не слышали о своем праве на телефонный звонок?

– Телефон был мне нужен только затем, чтобы спросить, на месте ли вы. Кроме вас, помочь дяде некому. Мне нужно было убедить вас заняться этим делом, и я боялась, что разговора по телефону окажется мало. Видите ли, денег у меня нет, да и у дяди тоже негусто. Наверное, я могла бы наскрести долларов сто и одолжить еще...

– О чем вы умолчали?

– Умолчала? – сдвинула брови Нэнси. – Вы насчет денег?

– Я насчет фактов. О чем вы умолчали?

– Как, ну... Ни о чем. Честно, я все вам рассказала, ничего не тая. Я ведь упомянула об угнанной машине?

– Не про машину. Про убийство. Про случившееся прошлой ночью и про события, которые к этому привели. Каких деталей не хватает в вашем рассказе?

– Все детали на месте. – Губы девушки вновь дрогнули, тщетно пытаясь изобразить улыбку. – Понимаете, почему я просто обязана была приехать сама, а не обойтись звонком? Сейчас мы смотрим друг другу в лицо, и вам ни за что не поверить, будто я способна на бесстыдную ложь. Разве вы... Умоляю вас! Это моя вина... Во всем, что случилось, виновата только я сама...

– Прошу прощения, – произнес Фокс, поднялся и оставил девушку наедине с так и не высказанной мольбой.

За сетчатой дверью был просторный холл с воощенным паркетом, лестницей наверх, довольно безвкусными песочно-коричневыми обоями в золотую полоску и шестью дверями, четыре из которых были открыты, а за другими прятались стенные шкафы. В комнате слева, очень большой и битком набитой книгами, стульями, охотничьими ружьями, теннисными ракетками, горшками с геранью, гитарами, биноклями, попугаями и всем таким прочим, Фокс задержался, чтобы положить ладонь на плечо мужчине со следами пчелиных укусов, который со стаканом виски в руке наблюдал за тем, как парень с грубоватыми чертами лица азартно преследует муху, шелкая мухобойкой.

– Содой прижигал? – осведомился Фокс.

– Нет, я...

– Нанеси на укусы раствор соды.

Миновав смежную комнату, где за столом смогли бы с удобством разместиться два десятка гостей, Фокс оказался в кухне – большой, чистой, жарко натопленной и напоенной аппетитными ароматами. Миссис Тримбл ему удалось перехватить на пути от плиты к мойке.

– Ну, дорогая моя, как идут дела?

Мужчина, моющий в раковине красный редис, громко фыркнул:

– Рад слышать, что она хоть кому-то дорога.

– Даже не сомневаюсь, Билл. Ты всего-навсего женат на ней, и я волен обожать ее сколько мне угодно. Я уезжаю по делу.

Миссис Тримбл вонзила в Фокса свирепый взгляд:

– К обеду вернетесь?

– Постараюсь.

– Не вернетесь. Ну и голодайте...

Фокс вышел на крыльцо черного хода и, высунув голову из-за розового куста, стал свидетелем тому, как Дэн Пейви протирает замшей капот черного кабриолета.

– Дэн! Все в порядке?

Дэн тяжело протопал к нему, что показалось довольно долгой прогулкой для такого короткого ответа:

– В полнейшем.

– Ты оставил машину на дальнем склоне холма?

– Точно.

– Убери инструменты и надень пиджак. Мы отправляемся в Уайт-Плейнс и, может, поедем немного по округе. Срочные дела.

– Не лучше ли будет взять универсал, и...

– Нет.

– Как скажете.

Дэн повернулся к нему спиной, помахивая куском замши, но вдруг снова развернулся к Фоксу и застыл в смущении.

– В чем дело? – спросил Фокс.

– Так, пустяк. Просто вспомнилось кое-что. Я про тот раз, когда красотка Беннетт приехала сюда, надеясь убедить вас помочь ей, но после разговора мы посадили ее в машину и отвезли в Нью-Йорк, чтобы сдать полицейским как отравительницу собственного мужа.

– Все было совсем иначе, – покачал головой Фокс. – Ты что-то путаешь. В любом случае сейчас речь о другом. Мисс Грант никого не травила.

– А Торпа не отравили, в него стреляли. Если верить газетам.

– Она и не стреляла ни в кого. Согласен?

– Пожалуй.

– Отлично! Если передумаю, сразу дам тебе знать.

На том и расстались. Вновь оказавшись в доме, Фокс направился наверх, в большую угловую комнату, где, помимо обычной для спальни мебели, имелись письменный стол, сейф до потолка высотой и шкафы с картотекой. Девять минут спустя, вымыв лицо и руки, почистив ногти, причесавшись и сменив рубашку, галстук и костюм, Фокс сбежал по ступеням вниз и вышел на парадное крыльцо, чтобы объявить Нэнси Грант:

– Вставайте, нам пора ехать.

Глава 3

Рослого грузного мужчину в синем костюме и черных ботинках, который сидел, откинувшись на спинку стула, упертого в стену, звали Бен Кук. Он был шефом полиции Уайт-Плейнса. За большим столом, в сшитом на заказ сером летнем костюме из камвольной ткани, с прилизанными волосами и цепким взглядом, устроился Ф. Л. Дервин, окружной прокурор Уэстчестера. Молодой человек в белом смокинге и черных брюках, с взъерошенными волосами и налитыми кровью глазами был Джефффри Торп, а безупречно одетая и ухоженная молодая женщина по имени Миранда, чьи опущенные веки придавали ее лицу несколько сонный вид, приходилась Джефффри родной сестрой.

Миранда, чья фамилия была не Торп, а Пембертон – единственное, что ей осталось от бывшего мужа, – подняла голову:

– Ни малейшей догадки на этот счет.

– Как и у меня, – кивнул ее брат. – Люк состоял при отце больше двадцати лет, едва ли не с самого моего рождения. Не скажу, что Люк был бесконечно ему предан, но... Черт, вы же понимаете! Покладистый малый, неизменно честный и доброжелательный. И я готов спорить, что отец доверял ему больше, чем кому-либо еще в целом свете. Так или иначе, зачем ему это? У Люка имелась отличная работа, совсем не пыльная. Быть у отца слугой – да ничего проще и придумать нельзя. Люку доводилось готовить или садиться за руль только по этим распроклятым уик-эндам. Деньгами он был обеспечен по гроб жизни.

– Смехотворно, – согласилась Миранда.

Окружной прокурор сложил руки домиком.

– Разумеется, я учту ваше мнение, – заявил он тем тоном взвешенного терпения, какой всякий чиновник на избираемой должности приберегает для общения с уважаемыми гражданами вроде скорбящих миллионеров. – Но факт остается фактом: Люк Уир бесследно исчез. Если верить рассказу Гранта и его племянницы, он спешно покинул место преступления в автомобиле вашего отца спустя считанные минуты после роковых выстрелов, а предварительно опустошил карманы убитого. Никто не знает, какая сумма наличных или иные ценности были у вашего отца при себе или хранились в доме.

– Люк просто не мог этого сделать, – убежденно подытожил Джефффри Торп и потер глаза костяшками пальцев.

– Но кто-то же сделал, – пробурчал Бен Кук и тут же осекся под предостерегающим взглядом окружного прокурора.

– Меня и самого сомнения терзают, – задумчиво протянул Дервин. – Сомневаюсь, что он... э-э-э... нажимал на спусковой крючок, но он вполне мог бы... э-э-э... воспользоваться ситуацией. Лично мне вполне ясно, что стрелял именно Грант. К несчастью... Да, Болан?

Вошедший мужчина гнусаво доложил:

– Грант сказал, он готов, сэр, но на новые вопросы отвечать не станет.

– Я не собирался устраивать допрос. Веди его сюда. – Полицейский вышел, и Дервин вновь повернулся к Миранде. – Мне не по себе, что приходится обращаться к вам с этой просьбой, миссис Пембертон. Знаю, вам сейчас нелегко...

– Ничего. – Миранда поджала губы, но тут же их расслабила. – То есть все и так довольно болезненно. Если мне дадут взглянуть на человека, который сотворил это с нами, хуже не будет.

Когда дверь открылась, все повернули голову. Человеку, который вошел, а точнее, которого ввели в кабинет, было лет сорок. И хотя он выглядел крайне усталым, а одежда была мятой и несвежей, весь его облик говорил о неординарности и прямоте. В теперешних обстоятельствах, не учитывая которые он не мог, такому человеку было бы сложно не выказывать открытого вызова или презрения, однако его лицо и манеры выдавали лишь сдержанное негодование. Он почти подошел к письменному столу, остановился и посмотрел на сидящего молодого человека, а затем резко повернулся к молодой женщине и, глядя прямо на нее, сказал срывающимся от усталости голосом:

– Вашего отца я не убивал. Все это бред. Напротив, мне очень жаль, что все так обернулось. Я хотел вернуть потерянную работу, и ваш отец был моей последней надеждой. Впрочем, вы кажетесь более разумными людьми, чем эти недоумки. Надеюсь, я не ошибся? Если так, бога ради, велите им прекратить надо мной измываться. Пусть наконец приступят к поискам чертова убийцы... А сюда меня привели, чтобы посмотреть, не опознаете ли вы во мне типа, который недавно ошивался у двери в ваш подвал или еще где неподалеку. Ну что, узнаете меня?

– Нет.

– Достаточно хорошо рассмотрели?

– Да, спасибо.

Развернувшись, Грант направился к выходу.

Миранда взглядом проводила его до двери, а затем обратилась к окружному прокурору:

– Я... – но осеклась и вновь плотно сжала губы.

– Да, миссис Пембертон?

– Я ему верю.

– Чушь! – фыркнул ее брат. – У тебя нет ни малейших причин верить ему или не верить, дорогая сестрица. Может, он одаренный лгун? У него отлично получается кружить женщинам голову, глядя им прямо в глаза... – Джеффри перевел взгляд на Дервина. – Но одно я знаю точно. Прежде я никогда его не видел.

– А вы, миссис Пембертон?

– Нет. Ни разу.

– Тогда почему вы сказали, что верите ему?

– Верю, и все тут, – повела плечом Миранда. – И мне кажется...

Прокурору вновь пришлось ее подбодрить:

– Да, миссис Пембертон?

– Мне кажется, вы скоро обнаружите такие вещи, от которых нам с братом станет еще больнее. Думаю, это неизбежно. Не стала бы и говорить такого, если бы не считала, что вы все равно узнаете... У вас, наверное, создалось впечатление, будто внезапная кончина отца оставила меня почти равнодушной, но Ридли Торп не особенно годился в отцы. Он был слишком занят, будучи финансистом, филантропом и великим человеком... Фактически после смерти нашей мамы... мне было тогда десять... мы с братом осиротели, хотя наши счета и оплачивались. Своего отца я знала куда лучше, чем он меня, потому что интересовалась его жизнью...

когда-то, по крайней мере... а он моей никогда не интересовался. И вот, как мне кажется, рано или поздно вы обнаружите... если расследуете это убийство как полагается... что отец приобрел это бунгало не для уединения, что он оставался там не для размышлений в компании Люка. Этот дом был нужен ему для... полагаю, я слишком вас шокирую... для тайных встреч с женщинами.

– Господи боже! – с недоверием выдавил ее брат. – Отец?

– Да, Джефф, я о нем сейчас говорю, – бесстрастно подтвердила Миранда. – Я знала отца гораздо лучше, чем ты. К тому же я и сама женщина. Он не желал вновь связывать себя браком, так как был слишком эгоистичным, чтобы хоть чем-то себя связать, а открытое донжуанство ударило бы по его репутации национального символа. Что вовсе не означает, будто он напрочь был лишен плотских потребностей. Я ни к чему вас не призываю. «Ищите женщину» – слишком банальный шаблон. Я лишь предвижу, что вы много чего узнаете о бунгало, если приложите хотя бы каплю усилий, а не будете сваливать вину на Гранта только потому, что бедняге не повезло оказаться...

– Прошу прощения, – потеряв терпение, остановил ее Дервин. – Уверю вас, миссис Пембертон, мы ни на кого не сваливаем вину. Каждый аспект этого дела будет изучен самым тщательным образом. Полиция Нью-Йорка готова оказать любое содействие ради установления истины, и уже ведутся активные поиски троих пропавших: это Люк Уир, Нэнси Грант... племянница этого типа... и Вон Кестер, личный секретарь вашего отца. Мы ничего не сваливаем на Гранта, хотя, повторюсь, против него говорит немало весомых улик. В момент стрельбы он присутствовал на месте преступления. Ничто не указывает, будто, кроме него и Люка Уира, там еще хоть кто-то находился. Грант – недовольный начальством работник, недавно уволенный. И мы уличили Гранта во лжи насчет точного времени его прибытия на место. Слуги в нью-йоркской резиденции и другие лица подтвердили ваши с братом слова о неизменной привычке вашего отца каждый вечер с одиннадцати до половины двенадцатого слушать передачи Дика Барри. Выходит, Грант соврал нам, как и его племянница. Но мы не отбрасываем и прочие ниточки, значимые для следствия. Взять хотя бы один очень важный вопрос: куда исчез Вон Кестер? Возможно, он сумел бы поведать нам о Гранте нечто такое, чего мы еще не знаем. И где он, черт подери?! Неужели тоже убит? Кстати, именно так считает полковник Бриссенден... Что касается ваших предположений об отцовской... э-э-э... об уик-эндах, которые он проводил в бунгало, то... Да, Болан?

Гнусавый мужчина плотно закрыл за собой дверь, подошел ближе и прокашлялся:

– Прошу прощения... Даже не знаю, но он так настаивал...

– Кто и на чем настаивал?

– Текумсе Фокс. Хочет увидеться с вами.

– Что ему нужно?

– Только одно и повторяет: ему срочно нужно с вами встретиться.

– Скажи Фоксу, я сейчас занят. Смогу принять его где-то через час.

– Так точно, сэр, – кивнул полицейский и направился к двери.

Миранда остановила его, придержав за рукав:

– Речь идет о Текумсе Фоксе, детективе?

– Да, мэм. Вероятно, он один такой.

– Тогда не могли бы вы... Я бы хотела на него посмотреть. – Миранда обратилась к Дервину: – Видите ли, в ту пору, когда я собирала у себя знаменитых и важных особ, то трижды приглашала Фокса на обед, и он всякий раз отвечал отказом... А обеды у меня, между прочим, были превосходные.

– Я понятия не имею, зачем он здесь, миссис Пембертон.

– Так позовите его и спросите.

Дервин поморщился, но все же уступил:

– Пригласите его, Болан.

– Ранда, дорогуша, да ты собственные похороны остановишь, чтобы выйти и расспросить человека о собаке, – заметил Джеффри и вновь потер костяшками пальцев воспаленные глаза.

– Если это тот самый Фокс, то он скорее хитрый лис, – хмыкнул Бен Кук.

Дверь распахнулась, послышались быстрые легкие шаги, и, прежде чем кто-либо успел обернуться, Фокс возник прямо у стола, внимательным взглядом окинул брата и сестру, а затем дружелюбно обратился к окружному прокурору:

– Доброе утро, мистер Дервин. Прошу извинить за вторжение.

– Доброе утро. Чем могу быть полезен?

– Я хотел бы увидеться с Эндрю Грантом. Тем парнем, который обнаружил тело Ридли Торпа и сообщил о находке. Он где-то у вас, так ведь?

– Зачем он вам понадобился?

– Я работаю на него.

Дервин поджал губы, сложил руки на груди и втянул голову в плечи. Создалось впечатление, будто он мгновенно усох.

– С каких это пор вы на него работаете? Насколько я знаю, он ни с кем не пытался связаться.

– И все же связался, только не лично. Через свою племянницу Нэнси. Она приезжала ко мне.

– Племянницу? – округлил глаза Дервин. – Она приехала к вам, чтобы нанять?

– Совершенно верно.

– Она сбежала от полиции! Где она сейчас?

– Неподалеку. Не знал, что ее разыскивают, прошу прощения. Как и не подозревал, что ей предъявлено обвинение.

– Она была задержана для дачи показаний.

– Что ж, ее несложно найти. Говорите, обвинения не было? – примирительно улыбнулся Фокс. – Между прочим, она одолжила доллар у кого-то из ваших людей. Вас не затруднит выяснить, у кого именно, и вернуть? – Он положил на стол долларовую купюру. – Заранее благодарен. Она оставила сумочку в машине своей подруги – в той, у которой спустило колесо, – а для срочного звонка требовались деньги. Ее не вызывали официально для дачи показаний, так? Просто задержали без всяких на то оснований? Замечу, что порой подобные действия полиции справедливо называют сомнительными. Я прошу вашего разрешения встретиться с Эндрю Грантом.

Запрокинув голову, окружной прокурор хмуро уставился в карие глаза, которые Нэнси Грант посчитала слишком широко распахнутыми, чтобы их можно было назвать хитрыми. Затем Дервин опустил голову, увидел соринку на краю своего бювара, которую с четвертой попытки ему удалось сбить на пол кончиком пальца, и обратил взгляд в сторону Бена Кука. Шеф полиции едва заметно дернул головой сперва влево, а потом вправо. окружной прокурор Дервин поднял свою со словами:

– Вы не сможете с ним встретиться. Исключено.

– А обвинение в убийстве ему уже предъявили, мистер Дервин?

– Не то чтобы... Нет.

– Его обвиняют в чем-то другом?

– Нет.

– Могу я поинтересоваться: при Гранте было найдено какое-то оружие? Или на месте преступления? Есть ли какие-то данные в пользу того, что Грант хоть когда-нибудь владел огнестрельным оружием?

– Пока нет.

– Вы продержали его здесь почти двенадцать часов, но так и не арестовали? Боюсь, придется напомнить, что и он сам, и я – мы оба вправе...

– Я уже сказал: встречи не будет. Точка! – вспыхив, Дервин обрушил на стол сжатый кулак. – И я требую, чтобы та девчонка, его племянница, вернулась сюда как можно скорее.

Фокс развернул плечи, словно собираясь уйти, но остался на месте. Посмотрев на сидящую за столом пару, он обратился к молодому человеку:

– Очень жаль, что я помешал разговору, ребята. Прошу меня простить. Я хотел лишь спросить разрешения, получить его и убраться с глаз долой, но теперь, надо думать, придется обсудить еще и...

– Никаких обсуждений! – отрезал Дервин. – Я желаю знать, где прячется племянница Гранта...

Его прервала Миранда, чьи сонные веки приподнялись, чтобы сфокусировать взгляд на Текумсе Фоксе:

– Меня зовут Миранда Пембертон, я дочь Ридли Торпа. Пару лет назад я трижды приглашала вас на обеды, но вы так и не явились. А это мой брат Джеффри.

– Не люблю наряжаться на официальные приемы.

Фокс сделал шаг к Миранде, принял протянутую руку и склонился над ней. Джеффри привстал для рукопожатия и сразу плюхнулся на стул.

– Вы собирались что-то обсудить, – напомнила Миранда.

– Благодарю. – Фокс вновь повернулся к окружному прокурору, и его бесхитростный взгляд теперь буквально лучился дружелюбием. – Дело обстоит так, мистер Дервин. Я уже звонил Нату Коллинзу, и он готов прибыть сюда менее чем через час. Вы не сможете отказать адвокату Гранта увидеться с клиентом. Но настроение у Коллинза будет прескверным, ведь я вытащу его за город ради сущей ерунды. В таком настроении он насует вам в колеса столько палок, сколько сможет. Сами знаете, что вас ждет, особенно если вы пока не готовы обвинить Гранта в убийстве... А я не думаю, что готовы. Вполне вероятно, Гранту вообще не потребуется защитник, и тогда будет крайне досадно расставаться с суммой из тех, какие Нат Коллинз привык получать в качестве гонорара за свои услуги. Не будет ли проще для всех, если вы все же позволите мне потолковать с Грантом?

– Нат Коллинз не станет вмешиваться.

– Я же сказал, что позвонил ему. А по понедельникам я никогда не вру.

Дервин помолчал, разглядывая Фокса, бросил взгляд на Бена Кука. Тот поджал губы, поднял и опустил плечи и отказался таким образом от роли советчика. Тогда Дервин встал и, поманив шефа полиции, увел его в дальний угол кабинета, где они принялись шептаться.

– Мистер Фокс, – начала Миранда, – я не верю, что этот самый Грант убил моего отца.

– Не дури, сестрица! – вырвалось у Джеффри. – Этот тип – детектив и работает на Гранта.

– Почему вы в это не верите, миссис Пембертон? – не удостоив Джеффри взглядом, поинтересовался Фокс.

– Потому что он был здесь незадолго до вашего появления. Я смогла на него взглянуть, а он кое-что мне сказал.

– Такая причина мне по душе, – весело улыбнулся Фокс молодой женщине.

– Говорю же, не дури, – повторил Джеффри.

– Помолчи, малыш! – парировала его сестра.

Тем временем окружной прокурор занял место за своим столом и, бросив взгляд на Фокса, спросил без обиняков:

– Сколько нужно времени, чтобы доставить Нэнси Грант сюда?

– Немного.

– Хорошо. Доставьте ее. И потом сможете поговорить с Грантом, но не более десяти минут и в присутствии офицера полиции.

– Нет уж, спасибо, – покачал головой Фокс. – Если вам действительно нужно задать мисс Грант какой-то вопрос, я доставлю ее, хотя она уже рассказала вам все, что знала, и не один раз. Когда я уйду, мисс Грант уйдет со мной. Десяти минут на беседу с Грантом мне мало, и нам не требуется помощь полиции.

– Как хотите, – пожал плечами Дервин. – Уговаривать не стану.

– Уговаривать и не придется. Я предлагал вполне разумные условия... – Заложив руки за спину, Фокс выпрямился, и на его загорелых щеках проступил легкий румянец. – Вот теперь вы меня рассердили. В прошлом вам это уже удавалось. И как ощущения?

Он стремительно развернулся и быстрыми легкими шагами направился к двери, но тут Бен Кук прохрипел ему вслед:

– Эй, Фокс, вернитесь!

Фокс замер и медленно повернулся к сидящим.

Покосившись на Дервина, Кук произнес:

– Будь по-вашему. Я бы предпочел встретиться на ринге с Джо Луисом¹.

Минуту Дервин сидел неподвижно, затем снова стукнул кулаком по столу и рывкнул:

– Пусть так! Но сперва я хочу увидеть мисс Грант!

Фокс немедленно откликнулся:

– Мои условия вы слышали. Когда я встречу с ее дядей, мисс Грант будет со мной.

– Хорошо-хорошо, приведите ее сюда.

Фокс вышел. В приемной окружного прокурора скучали трое детективов в штатском и двое полицейских в форме. Приличная коллекция, да и суеты в коридорах окружного суда было больше обычного. Сбегая по ступеням парадного крыльца, Фокс миновал еще одного человека в форме, который поднимался навстречу. Судя по знакам отличия, полковник, в лице – угрюмая озабоченность. Едва ли это мимолетное столкновение как-то отразилось в погрязшем в тяжких раздумьях сознании полковника. Бодро шагая, Фокс достиг угла здания и повернул направо, прошел квартал, повернул налево и через сто ярдов открыл дверцу черного кабриолета. Он поставил ногу на подножку и замер, обнаружив пустые сиденья. Нахмурившись, он захлопнул дверцу и быстро обежал взглядом улицу, рассматривая вывески на зданиях по обеим сторонам. Очевидно, он обнаружил то, что искал, поскольку прошел шагов пятьдесят, решительно открыл сетчатую дверь и оказался в помещении с выложенным плиткой полом, в котором жужжали электрические вентиляторы. Дойдя примерно до середины длинной стойки с газированной водой, Фокс остановился.

Дэн Пейви развернулся на табурете и объявил:

– Мисс Грант решила попробовать «Восторг Уэстчестера».

– Лучшая содовая в мире! – похвалила Нэнси, бросая соломинку. – Просто потрясающая! – Тут ее взгляд уперся в плотно сжатые губы Фокса. – А вы... вы уже виделись с дядей Энди?

– Нет. Мы встретимся все втроем. Вы отправитесь со мной к окружному прокурору. Помните, о чем я вам говорил, и будьте пайнкой. – Фокс не сводил глаз с горки розового мороженого, стоявшего перед его вице-президентом. – Когда мы в деловой поездке и я говорю: «Подождите здесь», это следует понимать буквально. Я повторил это тысячу раз.

– Как скажете, – утробно прогудел Дэн и быстро проглотил мороженое. – Это я виноват. Мисс Грант всего лишь приняла мое приглашение. Она вообще собиралась поспать. Она не спала прошлой ночью. Думаю, сейчас она не в том состоянии, чтобы ссориться с окружным прокурором. Не лучше ли будет...

– Нет.

¹ Джо Луис (1914–1981) – американский профессиональный боксер, выступавший в тяжелой весовой категории. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Дэн даже не ответил: «Как скажете». Что еще поразительнее, он смерил сердитым взглядом свой стакан с «Восторгом Уэстчестера» и, не допив, отодвинул его. Он и Нэнси слезли с табуретов и последовали за Фоксом к кабриолету.

Фокс завел машину, и они двинулись по тому маршруту, по которому он прошел пешком, только в обратном направлении. Он припарковался у здания суда и велел Дэну оставаться в машине, а Нэнси вылезать. В приемной окружного прокурора кто-то из полицейских поднялся с места, явно намереваясь остановить его, но двигался при этом излишне медленно. Они уже открыли дверь и вошли в кабинет.

Их появление прервало чью-то гневную речь. Громкие и не терпящие возражений слова срывались с губ полковника полиции штата, который стоял навтыжку в конце стола, меча яростные взгляды сразу во все стороны, но при появлении новых слушателей резко замолчал. Фокс начал было говорить, а вместе с ним и Дервин, но обоих прервал Джеффри Торп, который вскочил и неожиданно выпалил:

– Да чтоб меня! – Он в изумлении таращился на Нэнси Грант. – Из всех... Нашлась-таки! Богом клянусь, она попалась!

Отшатнувшись, девушка замерла и уставилась на него, надеясь заморозить наглеца взглядом.

– И вовсе я не попалась! – с негодованием заявила Нэнси. – А вы... вы...

– Нет? Ага! Нашлась! – Джеффри шагнул было вперед, но предпочел резко развернуться. – Вы видели? Это что... она? Это и есть Нэнси Грант? Боже ты мой!

– Да, – ответил ему Дервин. – Племянница Эндрю Гранта. Очевидно, вы с ней знакомы?

– Он впервые меня видит, – холодно процедила Нэнси.

– Ты что, опять надрался, малыш? – прошипела Миранда.

Совсем сбитый с толку, Джеффри вновь пригляделся к Нэнси.

– Будь я проклят!.. – пробормотал он. – Я гонялся за вами... Нанял детектива, чтобы найти...

– Случайно, не Текумсе Фокса? – встрепенулся Дервин.

– Что за чушь! – бросил Джеффри, глядя на окружного прокурора, на сестру и снова на Нэнси. – Бред какой-то... – подвел он черту. – Я веду себя как последний болван. Это было... потрясение. – Он опять посмотрел в глаза Нэнси. – Прошу меня простить. Думаю, я уже встречал вас раньше, но при весьма странных и трудных обстоятельствах. И вот теперь выясняется, будто ваш дядя убил моего отца...

– Это ложь! – сверкнула глазами Нэнси. – Он не убийца!

– Очень хорошо, не убийца. Либо да, либо нет. Так или иначе... – Оборвав себя, Джеффри вновь посмотрел на остальных. – Джентльмены, это такая уловка, которую я перенял от сестры. Вы называете имя человека, к которому обращаетесь... ну, или нескольких людей, коллективное такое обращение, а после – пауза. Джентльмены. Пауза. Моя прошлая встреча с этой девушкой... с мисс Грант... не имеет ни малейшего отношения к преступлению, которое вы сейчас расследуете. Это было знакомство чисто личного свойства. Забудьте об этом. На чем мы там закончили? Продолжаем. – Выпалив это, он сел.

– И тем не менее, мистер Торп, – с напором в голосе произнес Дервин, – одним из важных направлений следствия остаются... э-э-э... факты биографии как самого Гранта, так и его племянницы. Боюсь, нам придется задать вам...

– Еще как зададим, черт подери! – встрял полковник Бриссенден. – У нас набралось чересчур много...

– Тихо-тихо! – оборвал его Джеффри. – В том, чтобы быть сыном миллионера, есть немало недостатков, но есть и свои преимущества. Одно из них – я сам в любой момент могу послать вас к черту.

Бен Кук поперхнулся, но быстро вернул себе способность дышать нормально.

– Прошу прощения, – учтиво произнес Текумсе Фокс, – но мне еще нужно работать. Если вы намерены задать вопросы мисс Грант после того, как я побеседую с ее дядей...

– Исключено! – выпалил Дервин.

Фокс с недоумением уставился на него:

– Но мы же договорились: если я приведу мисс Грант...

– Договор расторгнут. Я посоветовался с полковником Бриссенденом, и он категорически возражает...

– Вот как? Да неужели? Я-то думал, окружной прокурор возглавляет следствие по...

– Так подумайте снова! – заявил Бриссенден тоном полковника, которого только что послали куда подальше. – И займитесь этим где-нибудь в другом месте! Дервин говорит, вы угрожали натравить на нас Ната Коллинза? Вперед, вызывайте его! Да хоть десять Коллинзов! Убирайтесь! Это ж надо, столько о себе возомнить, чтобы так грубо вмешиваться в процедуры следствия...

Фокс, с трудом протолкнув немного воздуха сквозь одеревеневшую гортань, сказал напряженным голосом:

– Я ни в коей мере не вмешивался в...

– Отлично. И не начинайте.

– Я получил официальное разрешение на встречу с Эндрю Грантом.

– Это мы уже слышали. Убирайтесь!

Сделав два шага в сторону, Фокс взял Нэнси за локоть:

– Идемте, мисс Грант.

– Стойте! – шагнул к ним Бриссенден. – Мисс Грант останется тут. Она нам нужна.

– Как и мне. Не прикасайтесь! – Фокс встал у полковника на пути, заслонив девушку. – И меня не вздумайте тронуть. Я предупредил. У вас есть ордер на арест? Нет. Хотя бы пальцем ее троньте – и я преподам вам практический урок соблюдения законности.

– Ах ты, чертов бесстыжий...

– Полегче, полковник, – вмешался Дервин. – Я не потерплю, чтобы в моем кабинете...

– Идемте, мисс Грант, – повторил Фокс и, снова взяв девушку за локоть, быстро повел ее к двери.

Глава 4

Они вышли из здания и направились к машине, однако благополучно улизнуть им все же не удалось. Едва они забрались в машину под громкие протесты Нэнси, желавшей знать, что им теперь делать, Дэн Пейви пророкотал с заднего сиденья:

– Эй, вы забыли расплатиться по счету! Вон уже и официант бежит.

Через секунду Джеффри Торп, в белом смокинге, без шляпы и с еще более красными глазами, вспрыгнул на подножку машины, просунул голову в салон и торопливо выпалил:

– Мисс Грант, я хочу, чтобы вы понимали...

Нэнси вцепилась Фоксу в рукав и взмолилась:

– Поехали прочь отсюда! Ну пожалуйста!

Дэн деловито подался вперед с вопросом:

– Мне его спихнуть?

– Нет! – отрезал Фокс, меряя Джеффри пристальным взглядом. – Машина у вас есть? Она где-то рядом?

– Да, вон тот «везерилл-спешл» через улицу. Я лишь хочу сказать ей...

– Здесь вы ничего ей не скажете. Отдайте...

– Он ничего и нигде мне не скажет!

– Мисс Грант, вы сами говорите слишком много, слишком часто и слишком быстро. Мистер Торп, человек на заднем сиденье – мистер Пейви, мой вице-президент. Отдайте ему ключи от своей машины и займите его место. Дэн, заводи «везерилл» и следуй за нами. Никаких глупостей, просто постарайся не отстать.

– Но мне только...

– Мы уезжаем немедленно.

Порывшись в кармане, Джеффри вытащил ключ и отдал его Дэну. Тот выбрался из кабиолета и направился к «везериллу», уступив свое место Джеффри. Как только Дэну удалось развернуть «везерилл», чтобы следовать за ними, Фокс тоже завел двигатель, встроился в поток автомобилей и обратился к Нэнси:

– Для начала, если не возражаете, я хотел бы кое-что прояснить. Вы говорили мне, что не знакомы ни с кем из Торпов или из их окружения. Ваши собственные слова.

– Но я действительно их не знаю!

– Правда? Так он впервые вас видит?

– Позвольте, я... – раздался голос с заднего сиденья.

– Нет уж, мистер Торп. Я работаю на мисс Грант и предпочел бы услышать ее версию...

Так он вас знает?

– Нет, и не узнает. Просто случилась одна... неприятность. Прошлой зимой в Метрополитен-опере этот самонадеянный дурак обвинил меня в краже чего-то там из горностаия у его жены или невесты.

С заднего сиденья раздалась протесты:

– Я не женат, и даже не собирался! Это всего лишь девица, с которой я...

– Стоп! – велел ему Фокс. – Прошу вас, сохраняйте молчание. Что вы делали в Метрополитен-опере?

– Оперу слушала, что же еще? Билет у меня, конечно, был на стоячие места, и оделась я соответственно... Я ведь уже говорила, что приехала в Нью-Йорк делать карьеру... Мечтала стать примадонной и брала уроки... а дядя Энди помогал их оплачивать... но в итоге поняла, что в моем голосе не достает пары нужных нот, и устроилась манекенщицей в «Хартлспун», чем и зарабатываю себе на хлеб с маслом. Все произошло в театральном буфете. Она оставила свои меха на столике, и я имела полное право пододвинуть их в сторону... Обладатели дешевых билетов – они что, не люди?.. А этот придурок, он... Меня чуть не арестовали...

– Я тут ни при чем! Это все моя спутница! Безмозглая...

– Уладьте это недоразумение, – посоветовал Фокс, останавливая машину у обочины напротив аптеки почти на выезде из города. – А мне нужно позвонить.

Он вылез из машины и вошел в аптеку, где сразу занял телефонную кабину. После пятиминутной беседы он снова вышел и сел на водительское сиденье.

– Спор разрешен? – осведомился Фокс, трогаясь с места.

– Тут и спорить не о чем! – резко выдохнула Нэнси.

– Угу... – хмыкнул Фокс. – Я звонил Нату Коллинзу. Он будет у окружного прокурора через полчаса. Быть может, у Ната не получится без помех добыть судебное предписание на освобождение без скандала, но перья полетят.

– Почему мы не подождали его у здания окружного суда?

– Потому что мне не хотелось звонить оттуда, и мы в любом случае только путались бы у Ната под ногами. К тому же когда я зол, то не могу ни стоять, ни сидеть. А еще мне хотелось поскорее увезти вас подальше.

– Да кому я вообще нужна? Какая от меня польза? Не могу даже оплатить услуги своего адвоката. Вы прямо... Вот черт!..

– Слушайте, – вставил Джеффри, подаваясь вперед с заднего сиденья. – Позвольте, я заплачу вашему адвокату... Нет, подождите! Пусть я самонадеянный дурак, пусть я вам про-

тивен и неприятен. Ладно. Но я вам кое-что задолжал. Вы могли бы, вероятно, потребовать огромную сумму в возмещение ущерба. Та безмозглая особа – дочь делового партнера мужа моей тети – первая подняла крик, но, должен признать, я тоже принял участие и сейчас объясню почему. Меня затащили туда против воли. Я ненавижу оперу. Мне подумалось, если устроить скандал, то появится шанс выбраться оттуда. А потом я хорошенько разглядел вас и ваши сияющие глаза и теперь хочу сказать: вы произвели на меня огромное впечатление... прямо там, и тогда во мне поднялась... ну, в общем, я был поражен в самое сердце. И когда у той девицы от волнения скрутило живот, она принялась настаивать на том, чтобы мы ушли, тогда как я решил для себя, что хочу остаться. Я проводил ее домой, рванул назад и даже успел вернуться до окончания оперы, но вы тоже успели уйти... по крайней мере, я вас не нашел. А я искал. И на следующий день нанял детектива. Дал объявления в газеты. Надеялся, наш адвокат вот-вот позвонит, чтобы сообщить: вы требуете компенсации, – но звонка все не было. А вам стоило бы подать на меня в суд. В общем, я всего лишь заглажу часть своей вины перед вами, если оплачу услуги юриста, который станет защищать вашего дядю... даже если он виновен. Преступники тоже имеют право на адвоката, и...

– Заставьте его молчать, – с угрозой процедила Нэнси, – или я открою дверь и выпрыгну!

– И еще одно, – добавил Джеффри, подавая еще больше вперед. – Я успел поговорить с тем экспер...

Нэнси схватилась за ручку дверцы и дернула ее вниз. Сразу же убрав ногу с педали газа, Фокс рывкнул:

– Прекратите!

– Сейчас выпрыгну! Клянусь, я...

Автомобиль съехал с асфальтового покрытия, еще несколько футов прокатился по ухабам широкой, заросшей травой обочины и встал. Фокс протянул руку мимо Нэнси, чтобы захлопнуть приоткрытую дверцу, обернулся и, увидев, как «везерилл» тормозит в десятке ярдов от них, обратился к Джеффри:

– Вы можете больше не говорить с ней?

– Боже ты мой, я всего лишь начал...

– Придется замолчать. Она выпрыгнет и свернет себе шею. Или можете пересест в вашу машину.

– Мне и здесь неплохо.

– Вам запрещено говорить с мисс Грант.

– Хорошо, больше ни слова. Буду молча сидеть, глядя ей в затылок.

– Не вижу в этом никакого смысла... для себя. А ведь это я оплачиваю бензин.

– Хорошо, черт возьми! Чего вы от меня хотите? Чтобы я говорил с вами?

– Почему бы и нет?

– О чем?

– Ну... расскажите мне про Люка Уира, доверенного слугу вашего отца. Полиция напала на его след?

– Нет.

– Что он за человек?

– У него темно-коричневая кожа. Он высокий и худой, глаза чуть навывкате. И как я только что сказал этому... как-там-его... Люк – покладистый малый, предельно честный и доброжелательный. Отец полностью ему доверял. Люк работал на него больше двадцати лет.

– Машину вашего отца уже нашли? Ту, в которой укатил Люк?

– Нет.

– Куда вас возили на опознание? Тело еще оставалось в том бунгало?

– Нет. Меня разыскали на Лонг-Айленде после двух часов ночи, и его... тело забрали в Уайт-Плейнс для вскрытия. Туда я и ездил.

– Вы сами бывали когда-нибудь в том бунгало?

– Нет. Никто там не бывал.

– Что, совсем никто?

– Никто, насколько мне известно. Конечно, возможно, туда ездили десятки людей, но я об этом не имею понятия. Про своего отца я знал только то, что писали в газетах. Впрочем, погодите. Я точно знаю, что в бунгало бывал Кестер.

– Вон Кестер? Личный секретарь вашего отца?

– Да. Он только вчера мне рассказал. Дескать, ездил туда пару недель назад, чтобы договориться о каких-то ремонтных работах...

– Дайте разобраться. Видимо, я что-то упускаю. Мне казалось, прошлой ночью Кестер находился в «Грин меду», неподалеку от Плезантвиля, а когда ему сообщили об убийстве, тут же выехал на место преступления, но по дороге растворился в воздухе?

– Так все и было.

– А вы вчера развлекались на Лонг-Айленде, – сдвинул брови Фокс. – Где же вы общались с Кестером?

– В «Грин меду». Мы с сестрой пообедали там с ним, а уже потом я отправился на Лонг-Айленд.

Фокс нахмурился, и на лбу появилась еще одна морщина.

– Кажется, газеты можно уже не читать. Там писали, что ваша сестра была в Адирондакских горах?

– Была, только вчера днем прилетела на встречу, которую я устроил нам с Кестером. Он был нашим офицером связи со штабом отца, то есть, по сути, выполнял функции родителя. Я не открываю каких-то секретов. Все наши друзья обожают об этом сплетничать. Когда у нас возникает нужда в деньгах, мы обращаемся к Кестеру. Когда несколько лет назад я решил стать коммунистом, именно Кестеру я и сообщил.

– Ого! Так вы коммунист?

– Уже нет. Увлечение длилось пару месяцев, не больше. Мне было чертовски скучно, я чувствовал такое бессилие... Мне нужно найти себе занятие, но ничего толкового не подворачивается. Может, мне стать детективом? У вас нет свободной вакансии в штате?

– Прямо сейчас вакансий нет, – совершенно серьезно ответил Фокс, – но я над этим подумаю. По завершении обеда с Кестером ваша сестра отправилась на Лонг-Айленд вместе с вами?

– Дурдом... – скривился Джефффри. – Мистер Фокс, ни я сам, ни моя сестра не убивали нашего отца. Этот как-там-его почти убедил меня, что это сделал Эндрю Грант, но теперь, когда я знаю, *кто* его племянница, от души надеюсь, что он просто болван. Этот из полиции, как-там-его.

– Ваши надежды выглядят обоснованными, – подтвердил Фокс. – У окружного прокурора нет доказательств, что у Гранта имелось оружие. Единственный мотив, который можно на него повесить, – неприязнь, возникшая на почве увольнения. Детский лепет. У Дервина вообще нет улик, не считая единственной: Грант действительно был там.

– Да нет, у окружного прокурора есть кое-что. Грант ему соврал.

– Солгал в своих показаниях? В каких именно?

– Насчет времени своего прибытия или, возможно... Короче, соврал. Грант заявил, что, когда он заглянул в окно, отец сидел там, курил сигару и слушал оркестр по радио, и все это в начале двенадцатого. Не может такого быть. Если Грант приехал между одиннадцатью и половиной двенадцатого, отец мог слушать только передачу Дика Барри. За три года ни разу ее не пропустил.

Фокс пренебрежительно хмыкнул:

– И только? Может, он не сумел настроиться на нужную волну, или в уединенной обстановке у него радикально менялись вкусы, или радио включил кто-то другой... Это и не улика вовсе...

– Нет же, так и есть! – возмутился Джеффри. – Говорю вам, это твердая улика. Грант наверняка врет. Спросите любого, кто знаком с привычками отца. Когда год назад Дик Барри сдвинул время своего эфира с семи на одиннадцать вечера, отец просто стал позже ложиться. Не хочу сказать, что он дал бы отсечь себе ногу, лишь бы не пропустить передачу, но ставлю миллион к одному, что отец, будучи в сознании, не связанным по рукам и ногам и находясь в комнате с приемником в одиннадцать часов вечера, обязательно включил бы WLX, чтобы услышать Дика Барри. Десять миллионов к одному! Наверное, мне не следует говорить вам, но все-таки расскажу. Этот как-там-его считает, что Грант был в комнате, держал отца под прицелом и специально настроил приемник на оркестр, чтобы музыка скрыла звук выстрелов. Потом, само собой, Гранту пришлось сказать, что там играла громкая музыка, ведь ее мог услышать и кто-нибудь еще. Меня мутит при этой мысли, но такой вариант представляется мне... На что вы так пристально смотрите?

– Простите, – тихо произнес Фокс. – Приношу вам свои извинения, мистер Торп. Заодно хочу извиниться и за внезапно принятое решение. Мне нужно как можно скорее попасть кое-куда. Поэтому, если вы будете столь любезны перебраться в собственную машину... – Высунув голову из окна, он крикнул: – Дэн! Двигай сюда! В темпе!

– Но, господи ты боже... – взмолился Джеффри. – Я же из шкуры вон лез, чтобы...

– Я это понимаю и ценю. Благодарю. Почему бы вам не попробовать написать мисс Грант письмо? Садись, Дэн, садись! Если не возражаете, мистер Торп... Спасибо... Женщины всегда читают почту, перед тем как вернуть нераспечатанный конверт отправителю. Еще увидимся. Осторожно, я...

Кабриолет тронулся, выехал на асфальт и за считанные секунды развил приличную скорость. Баритон Фокса выводил при этом некое подобие мелодии «The Parade of the Wooden Soldiers»:

– Ладе-да тум-тум, ладе-да тум-тум...

– За нами что, гонятся? – пробасил Дэн с заднего сиденья.

– Ди-ди-ди... Нет! Мы делаем ставку при шансах миллион к одному!

Нэнси прокричала ему в ухо:

– Но вы свернули на юг! Я не... Куда мы вообще едем?

– Работать, мисс Грант. Хей-хо! Мы едем в Нью-Йорк, чтобы найти там кое-кого, кто знаком кое с кем, кто знаком с Диком Барри.

Спустя два часа Дэн и Нэнси сидели за столиком в углу громадного зала с кондиционером на Мэдисон-авеню, близ Шестидесятой улицы. Девушка потягивала оранжад, он приканчивал мороженое с содовой.

Дэн уговаривал Нэнси ни о чем не беспокоиться.

– Фокс его найдет, не сомневайся, – басил он. – Из-под земли достанет, если нужно. И о дяде своем тоже не переживай. Все образуется. Если хочешь переживать, переживай лучше обо мне. Считается, я должен не давать тебе уснуть. Может показаться, не так уж и важно, бодрствуешь ты или нет, однако ты сама слышала, как я предлагал... Ага. Вот и он сам. Отыскал, Тек?

Текумсе Фокс, со шляпой в руке, встал рядом с их столиком и покачал головой:

– Нет еще. Дэн, когда-нибудь у тебя живот заболит. Пошли!

Еще два часа спустя Дэн и Нэнси сидели в кабинке в ресторане отеля «Черчилль». Она потягивала ананасовый сок со льдом, а он трудился над «Клубничной мечтой».

– Ты в корне не права, – с жаром доказывал Дэн. – Это я так считаю. Идеальный возраст мужчины для вступления в брак – где-то между пятьюдесятью и пятьюдесятью пятью. Могу с

ходу привести с десятков отличных доводов, но не стану делать это прямо сейчас, потому что ты почти засыпаешь и не сможешь оценить их по достоинству, к тому же ты слишком молода. Полагаю, я женюсь лет через пятнадцать. Представь, что я женился бы в двадцать пять. Где бы я сейчас был? Один мой приятель, по фамилии Покорни, совсем недавно уверял меня, будто... А вот и он. Отыскал, Тек?

– Нет, – обронил Фокс, возникая рядом с кабинкой. – Пошли.

Летние сумерки застали Дэна и Нэнси за столиком на приподнятой площадке эскимосской деревни на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Перед Дэном медленно таял «Карамельный айсберг», а Нэнси охлаждала пальцы о бокал ледяного чая с лимоном.

Дэн гулко побряхтел:

– Если ты выдержишь, то и я тоже.

Нэнси с удивлением посмотрела на него:

– Выдержу что?

– Да ладно, – проворчал он. – Бьюсь об заклад, ни за что не догадаешься.

– Мне жарко, и я чересчур измотана, чтобы играть в угадайку. Мне вообще все это кажется напрасной затеей. Знаменитый Текумсе Фокс гоняется по пяти городским районам в напрасных поисках болтуна с радио, таская нас за собой. Я не в настроении угадывать.

– Как скажешь. Но, повторяю, я выдержу это, если выдержишь ты.

Нэнси устало всплеснула руками.

– Что я должна выдержать? – потребовала она ответа. – О чем вы вообще говорите?

– Я говорю про того хмыря за столиком у колонны, который глаз с тебя не сводит.

– Да? – Нэнси осторожно покосилась в сторону. – Я его и не заметила.

– Ну еще бы!

– Представь себе. А если бы заметила, что с того? – Она бросила еще один взгляд в сторону. – Пусть себе пялится. По-вашему, с ним что-то не так?

– Этого я не говорил. Но раз уж ты спросила, спрошу и я: ты заметила аппарат на спинке его стула? Выглядит профессионально. Будь ты в настроении угадывать, сразу узнала бы фотографа. Вернее, фоторепортера.

– И что с того?

– Ну, твое имя успело мелькнуть в новостях, разве нет?

– И что... но он же... – залепетала встревоженная Нэнси. – Откуда он может знать?

– Может, если внимательно читает таблоиды и не страдает близорукостью, – скривился Дэн на таявший «Карамельный айсберг». – Готов признать: ты могла и не заметить, что он вовсю на тебя глазеет. Естественно, ты к такому привыкла. На тебя смотрят целые залы, полные зрителей. Работа у тебя такая – надевать чужие наряды и прохаживаться туда-сюда, чтобы люди могли поглазеть. В придачу ясно же, что ты отлично сознаешь: твои лицо и фигура весьма взглядогенные, поэтому не станешь...

– «Взглядогенные»? Это что еще за слово такое?

– Объясню. Суффикс *ген* означает «производящий» или «провоцирующий». Отсюда легко вывести, что «взглядогенные» попросту означает «притягивающие взгляды».

– То есть вам вроде бы очевидно, что я считаю, будто мое лицо и фигура заставляют людей на меня пялиться?

– В общих чертах.

– Как бородатая леди на ярмарке или, к примеру, Альбертелла как-то-там – не то мужчина, не то женщина, и за каких-то десять центов можно...

– Я ничего не говорил про бороды или что-то там еще, я всего лишь...

– Мисс Грант!

Спор отвлек внимание обоих от хмыря за столиком у колонны, а потому его ловкие и спорые манипуляции с аппаратом остались незамеченными. И теперь, когда тот внезапно выкрик-

нул имя Нэнси, оба повернулись к нему и моргнули, ослепленные фотовспышкой. Дэн вскочил, еще не разлепив толком глаза, и тогда хмырю пришлось моргать самому: кулак Дэна врезался ему в челюсть и отправил в полет сквозь скопление столов и стульев. Фотокамера упала на пол и, кувыркаясь, отлетела в сторону. Раздались крики, кругом все пришло в движение, к упавшему уже спешили официанты.

Среди суматохи прозвучал чей-то властный голос:

– Скажи, зачем ты это устроил?

Дэн вполборота прищурился на Текумсе Фокса и покачал головой:

– Кажется, у меня все-таки схватило живот.

– Надеюсь, это что-то серьезное, – процедил Фокс, хватая Нэнси за руку. – Идемте, нам пора.

Следуя за ними, Дэн напустил на себя вид человека, скрутить которого можно, единственно приложив значительную силу и будучи заранее готовым получить жесткий отпор. Никто и не пытался.

Когда до конца этого долгого понедельника остался лишь час, Нэнси Грант уже крепко спала на втором этаже дома Фокса. Крепость ее сну обеспечивало отчасти присущее юности здоровье, отчасти предельная усталость и отчасти таблетка, которую специально для нее растворила в стакане воды миссис Тримбл. Присутствие Нэнси у Фокса в столь позднее время объяснялось тем простым фактом, что дом этот находился заметно ближе к Уайт-Плейнсу, чем нью-йоркская квартирка, которую девушка снимала с подругой, еще одной манекенщицей в «Хартлспуне». Ее дядя Энди спал или, возможно, не спал где-то в Уайт-Плейнсе, хотя она не была уверена, что он именно там. Его задержали как важного свидетеля и выпустить под залог никак не смогут до утра вторника, хотя Нат Коллинз рвал и метал всюю. Если же Энди предъявят обвинение в убийстве, что являлось практически решенным, тогда ни о каком залоге не будет и речи. Так или иначе, благодаря трем указанным причинам Нэнси спала крепким сном.

Внизу, в большой комнате, заставленной множеством самых разных вещей, собралось шесть человек. Дэн Пейви и мужчина, покусанный пчелами, играли в триктрак. Паренек с грубыми чертами лица, склонившись над кроссвордом, спорил о чем-то с обладателем короткой шеи и обвислых седых усов. Текумсе Фокс исполнял гитарный дуэт с маленьким черноволосятым латиноамериканцем с узкими раскосыми глазами. Но в 23:58 Фокс отложил гитару, подошел к радиоприемнику и включил его, затем нашел нужную станцию, добился необходимой громкости и застыл, хмуро глядя на него. Тот принялся вещать:

– ...Итак, представляюсь сам, поскольку в прошлый раз ведущий ошибочно назвал меня Дюбарри и мне еще с полчаса пришлось изъясняться исключительно фальцетом, причем на французском, на котором я обычно не пою без аккомпанемента. В общем, с вами снова Дик Барри, и я рад приветствовать...

Парень с грубоватым лицом не выдержал:

– Впервые вижу, чтобы любопытство заставило вас пасть так низко...

Отповеди не последовало. Фокс простоял без движения еще десять минут.

– Так вот, сию я как-то в холле отеля «Черчилль», а мимо бежит коридорный: «Звонок Дику Барри, звонок Дику Барри, звонок Дику Барри!» Так я ему и говорю, чисто по привычке: «Банк весь твой, дружище. Я и стрит еще толком не собрал...»

Парень грубоватой внешности встал и молча покинул комнату. Истекли еще десять минут.

– ...Перейду к новостям завтрашнего дня и всей будущей недели. Условия те же, что и всегда: вы наблюдаете за тем, как развиваются события, и убеждаетесь в том, что я был прав. Итак, большое жюри в Бруклине передаст в суд дело, обвиняемый по которому зачесывает волосы на косой пробор, обедает в клубе «Фламинго» и откликается на имя Лесли, или просто Лес. Далее, премьеру «Сундука надежды», которая состоится в среду вечером в «Никербо-

кер-Руф», ждет грандиозный провал. Том Букер признаёт вину по обвинению в контрабанде и получит по заслугам. Текумсе Фокс, наш непревзойденный сыщик, знает, почему вчера вечером в бунгало Торпа радиоприемник играл оркестровую музыку вместо передачи Дика Барри, вашего и моего любимого комментатора, и в случае надобности назовет эту причину полиции, чтобы защитить Эндрю Гранта, которого задержали как важного свидетеля по делу и которому уже завтра могут предъявить обвинение в убийстве. Три женщины, которые...

Фокс выключил приемник, коротко пожелал каждому доброй ночи и вышел из комнаты. Он успел подняться до середины лестницы, когда снизу донесся рокочущий голос Дэна Пейви:

– Эй, Тек! Что, намечается какое-то движение?

– Знать не знаю. Возможно, я сел в калошу. Сказал же, десять миллионов к одному... – Уже повернувшись, чтобы продолжить подъем, Фокс все же остановился. – Но ставки еще принимаю. Желаете участвовать?

– Каковы шансы?

– Умножай на три.

– Тогда ставлю сотню.

– Ты в деле. Приятных снов.

Фокс поднялся, прошел по холлу до большой комнаты со столом и сейфом, сел и подтянул к себе телефонный аппарат. Набрал нужный номер, он дождался соединения и заговорил:

– Как поживаешь, Гарри? С семьей все в порядке? Хорошо. Прости, что беспокою тебя дома, но завтра с утра мне, возможно, придется слишком много ездить, и у меня не будет времени навестить тебя в офисе. Я некоторым образом интересуюсь убийством Ридли Торпа... Ну конечно... Нет, работаю на посторонних. Так вот о чем я хотел попросить. Я заметил, что акции «Торп контрол» закрылись в субботу на восьмидесяти девяти, а сегодня рухнули до тридцати. Это исключительно потому, что Торп распорядился всеми делами корпорации и от него зависел успех? Никаких иных причин? С ума сойти! Ах вот как? Думаешь, так и будет? Он был настолько хорош, да? Надо полагать. Прикинем... Купи мне тысячу акций завтра утром, когда решишь, что они достигли дна, но не позже полудня. Хотя подожди... проверни сделку еще до одиннадцати. Это важно. Нет, не могу, но я никогда не делаю ставок, если на проигрыш нет шансов. Делай как знаешь...

Повесив трубку, Фокс на цыпочках вернулся в холл и постоял с минуту, прислушиваясь под дверь Нэнси. Потом вернулся к себе, разделся, забрался под одеяло и уснул.

Разбудил его громовой раскат. То были гулкие, низкие звуки, исходившие из горла Дэна Пейви. Узнав их, Фокс не стал отрывать голову от подушки.

– В чем дело?

– Дервин и полицейский штата.

– Сколько сейчас времени?

– Без десяти час.

– Ты впустил их в дом?

– Нет, маются на террасе.

Фокс включил ночник на столике у кровати, вскочил, надел льняной халат, сунул ноги в мягкие шлепанцы и спустился вместе с Дэном. Фокс открыл парадную дверь на ширину собственных плеч. На террасе в сумраке стояли двое.

– Что случилось?

– Мне нужно с вами поговорить, – ответил Дервин.

– О чем, например?

– Не через порог. Я должен понять, располагаете ли вы информацией, способной защитить Эндрю Гранта.

– Я не... А-а-а... понятно. Вы слушали радио.

– И теперь желаю послушать вас.

– Мне нечем с вами поделиться, мистер Дервин. Простите.

Полицейский что-то пробормотал на ухо Дервину. Тот ответил шепотом и вновь приблизил лицо на расстояние двадцати дюймов от носа Фокса:

– Слушайте, Фокс, на кой вам сдались все эти трюки? Хотите казаться остроумным? Вам чертовски хорошо известно, что мы не собираемся вешать на Гранта убийство, если только он его не совершал. Если он сможет доказать, что не лгал на допросе... если вы объясните, почему по радио звучал оркестр... я отпущу его на все четыре стороны прямо сейчас. Он вон там, сидит в машине. Черт побери, эта история похуже динамита!.. Убийство такого человека, как Ридли Торп...

– Извините, ничем не могу помочь, – покачал головой Фокс. – Радиосплетни – дело грязное. Дик Барри надеется раздуть сенсацию на пустом месте. Но я все же дам вам верную наводку: завтра утром купите акции «Торп контрол» на падении. Вас водят за нос, Дервин. Попытайтесь сообразить – кто и как? Спокойной ночи.

Он начал закрывать дверь. Гневные крики и два плеча пытались этому воспрепятствовать, но на стороне Фокса был здоровяк Дэн, так что дверной замок щелкнул и дверь закрылась. Фокс поблагодарил Дэна за помощь, вернулся в угловую комнату, услышал, как стихает вдали шум удаляющегося автомобиля, а через три минуты уже мирно спал.

Второй раз его разбудил не гром, а резкий телефонный звонок. Фокс включил ночник, спустил ноги на пол и прошлепал к столу. Поднимая трубку, он бросил взгляд на часы: пятнадцать минут четвертого.

– Аллю?

– Аллю... – Голос был негромким и несколько размытым, – видимо, трубку слишком близко поднесли к губам. – Я хотел бы поговорить с Текумсе Фоксом.

– Фокс слушает.

– Я... – Короткая пауза. – Я должен говорить лично с Фоксом.

– Вы с ним и говорите. Фокс у аппарата. А кто вы? Представьтесь, пожалуйста.

– Я звоню насчет утверждения Дика Барри, прозвучавшего сегодня по радио. Было ли оно согласовано с вами и какова его подоплека?

– Вам не терпится узнать? Не глупите. Ваша фамилия, случайно...

– Не называйте ее по телефону!

– Не собираюсь. Ваша фамилия имеет тевтонские корни и означает «из деревни»?

– Нет.

– Тогда ваша фамилия староанглийская и означает «из красных полей»?

– Нет. Но довольно этих... – Голос звучал взволнованно и теперь казался даже более размытым, чем прежде. – По всей видимости, вам стало известно...

– Подождите минутку. Что означает ваша фамилия?

– Ничего не означает. Это какая-то...

– Что означает ваше имя?

– Оно кельтское и означает «маленький» или «миниатюрный».

– Повисите немного на линии. – Фокс отошел к книжным полкам и потянул на себя томик под названием «Как назвать нашего ребенка?». Раскрыл на нужной странице, быстро нашел искомое и вернулся к телефону. – Это снова Фокс. Продолжайте!

– Вам известно, кто я?

– Да. Что означает ваше имя?

– Я говорю из будки в круглосуточной закусочной в Голденс-Бридже. Мы хотим...

– Он что, с вами?

– Да. Не тут, конечно... В машине за углом. Мы хотим с вами встретиться.

– Приезжайте ко мне.

– Нет уж, чересчур много лишних глаз.

– Тогда по Двадцать второму шоссе езжайте на север шесть и две десятых мили от вашей теперешней локации. Сверните налево, на Тридцать девятое шоссе, и езжайте по нему еще три и четыре десятых мили. Сверните направо на проселочную дорогу и через милю глушите мотор. Вы доберетесь туда раньше меня. Ждите, я приеду. Запомнили указания?

Голос повторил их без ошибок и добавил:

– Но вы должны приехать один. Только так. Мы твердо настаиваем, чтобы...

– Не получится. Со мной будет мой вице-президент.

– Ваш... кто?

– Не берите в голову. Вы сейчас не в том положении, чтобы диктовать свои условия, не так ли, мистер Маленький-или-Миниатюрный? Свое присутствие я как-нибудь обеспечу, а вы обеспечьте свое.

Фокс выскользнул наружу, спустился в холл, распахнул дверь, схватился за могучее плечо и с силой потряс его со словами:

– Просыпайся, Дэн, есть работенка.

Затем Фокс быстро поднялся к себе, за четыре минуты оделся, сунул автоматический пистолет в наплечную кобуру и еще один, поменьше, – в задний карман брюк, на цыпочках вернулся к двери Дэна и яростно прошипел:

– Пошли!

– Как скажете, – зевнул Дэн.

Во тьме у двери гаража их встретили три пса и молча проводили в дорогу. Фокс сел за руль, быстро одолел изгибы подъездной дорожки и вырулил на шоссе. Свет их фар рассекал летнюю ночь со скоростью семьдесят миль в час, а поскольку от той точки на шоссе 39, где в сторону отходила более узкая и пыльная проселочная дорога, их отделяло не более пятнадцати миль, поездка вышла не столько продолжительной, сколько лихой. Первую тысячу ярдов дорога шла наверх, потом выровнялась и одновременно сузилась, с трудом оспаривая пространство у тянувшихся навстречу друг другу деревьев.

За очередным поворотом показалась машина – длинный седан, припаркованный на обочине дороги у заброшенного съезда в лес. Низкая ветка царапала его крышу. Фокс остановился позади седана, выключил фары, велел Дэну сидеть тихо и вылез из машины. Чтобы шагнуть Фоксу навстречу, из седана вышел человек и направился к нему почти в кромешной темноте.

– Кто вы такой? – спросил этот человек.

– Текумсе Фокс.

– Я Кестер. Кто остался в вашей машине?

Вместо ответа Фокс прошел мимо, нащупал ручку задней дверцы седана и рывком распахнул ее. Направил внутрь тонкий луч фонарика, поводил им по сторонам, выхватил из темноты лицо и сердечно произнес:

– Добрый вечер, мистер Ридли Торп.

Глава 5

Рот на освещенном фонариком лице открылся и выпалил:

– Погасите эту штуковину!

Фокс направил свет фонарика в переднюю часть машины, увидел темное лицо с черными глазами навыкате и затем выключил фонарик, заметив:

– И Люк Уир тут. Подумать только: все трое – на один крючок.

Он забрался внутрь и плюхнулся на сиденье. Человек снаружи, возбужденно бормоча, собирался последовать его примеру, но Фокс потянул дверцу, чтобы захлопнуть.

– Можете говорить через окно, мистер Кестер. Предпочитаю иметь пространство для движения локтей. Пусть даже нет повода использовать оружие... не говоря уже о том, что моя машина тоже не пустует.

– Кто в ней?

– Человек, который на меня работает. Его зовут Дэн Пейви. В общем, это мое дело. Подумайте лучше о том, что Дик Барри мог сболтнуть по радио.

Ридли Торп раздраженно хрюкнул:

– А Дику Барри известно?

– Нет.

– Кому известно, кроме вас?

– Никому. Но не забивайте себе голову всякой чепухой. Я давно привык иметь при себе оружие. Дэн тоже начеку, так что обойдемся без фокусов...

– У нас нет намерения играть в подобные игры. Откуда вам известно?

– Ничего мне не известно. Действовал наудачу... – Глаза Фокса успели приспособиться к темноте, и он уже различал лица и руки. – Вы знакомы с Эндрю Грантом?

– Нет. Это имя известно мне из газет.

– Ну разумеется. Грант заявил, что заглянул в окно вашего бунгало в десять минут двенадцатого и увидел, как вы курите сигару, слушая оркестр по радио. Ваш сын настаивает, что этого просто не могло быть. Простейшее объяснение – Грант нагло лжет, но у меня были свои причины для сомнений. Среди других вариантов один приглянулся мне сильнее остальных: Грант видел не вас. Не самый удачный вариант, ведь ваш сын опознал труп, однако я предпочел его и отправился ловить на живца. Я бы назвал это...

– Так я и знал, – с тоской вздохнул торчавший у окна Кестер. – Он всего-навсего блефовал.

– Помолчи, Вон! – прошипел его хозяин. – Мы не имели права рисковать.

– Совершенно верно, мистер Торп, – согласился Фокс. – Если бы вы не связались со мной до завтрашнего полудня... уже сегодняшнего... ваш дантист был бы доставлен в Уайт-Плейнс, чтобы изучить зубы мертвеца, и через пару минут...

– Да. Вот именно. Конечно. И что вы... намерены...

– Я намерен поставить в известность полицию. Иначе никак. Энди Гранта нужно вывести из-под удара. А основная причина их подозрений в том, что он якобы лгал насчет радио.

– И вы расскажете полицейским о нашем звонке... об этой встрече...

– Естественно.

– Так ли уж необходимо обелять Гранта?

– Он меня нанял. Не знаю, известно ли вам, что по роду занятий я частный детектив, но...

– О да, еще как известно, я о вас слышан. – Голос Торпа так и сочился елеем. – И о вашей частной жизни тоже... вашем великодушном обычае привечать обездоленных... да уж, воистину... похоже, это наша с вами общая черта... не то чтобы моя деятельность филантропа имела те же восхитительные личные нотки, что и ваша... и, кстати говоря, это настоящее совпадение, ведь всего на прошлой неделе я сделал ежегодный взнос в фонд Общества по сохранению культуры американских индейцев... Я слышал, в ваших жилах течет индейская кровь... Безусловно, одно ваше имя...²

– Ошибаетесь! – отрезал Фокс. – Моего старшего брата зовут Уильям Маккинли Фокс. Мое же полное имя – Уильям Текумсе Шерман Фокс. Слишком много Уильямов в одном семействе. И я давно уже не посещаю детский сад, мистер Торп. Я прекрасно сознаю, что вы

² Текумсе (1768–1813) – вождь индейского племени шауни, сражавшийся с американскими поселенцами на стороне Британии.

умелый, ушлый и циничный манипулятор. Если на вашем лице появятся слезы, я не подам вам платка. Что же до моего намерения сообщить в полицию о нашей встрече...

– Вы этого не сделаете, – объявил Торп, из голоса которого исчезли последние капли елея.

– Ну, в любом случае попытаюсь.

– Сказано, не сделаете. Вы меня подловили, признаю. Ваше молчание стоит пятьдесят тысяч долларов. Наличными.

Кестер поспешил вставить:

– Нам потребуются разумные...

– Забудьте! – фыркнул Фокс. – Ничего не выйдет.

– И сколько же вы хотите?

– Миллиард. Больше, чем у вас есть. Забудьте!

– Зачем тогда... Почему вы здесь?

– Чтобы установить факт... Эй, Кестер, следите за своей рукой. Зачем полезли в карман? За пистолетом, из которого застрелили того мужчину, что выдали за Торпа? Даже не пытайтесь...

– Чушь! – произнес Кестер. – Шеф, он будет держаться до последнего. Нам никогда не...

– Тихо! – брызгливо рявкнул Торп. – Нет ли какой-то альтернативы? Мистер Фокс, вы хотите сказать, что прибыли сюда ради установления факта, а не с целью шантажа?

– Все верно, благодарю вас.

– То есть вы не требуете денег и не имеете таких планов?

– Совершенно верно.

– Тогда какого черта?.. – изумился Кестер.

– Молчи, Вон... Я повторяю свое предложение насчет пятидесяти тысяч долларов, но на этот раз в качестве оплаты ваших трудов. Поработайте на меня. Пять тысяч вперед и остаток – после благополучного завершения дела. Вам подойдут такие условия?

– Конечно подойдут. Деньги мне нужны, но в чем состоит работа? Все зависит от этого.

– Сейчас объясню. Скоро рассветет, а дневной свет нам совсем не кстати. Человек, убитый прошлой ночью... В ночь на понедельник...

– Шеф, не надо! Вы подвергаете...

– Вон, сядь впереди с Люком и помолчи. Чего мы добились за двадцать четыре часа? Ничего! Ну так вот. Человека, которого убили в моем бунгало, зовут Кори Арнольд. Он был моим двойником.

Фокс осторожно втянул воздух:

– Ого! У вас имелся двойник?

– Имелся. Три года назад некие мои действия, суть которых я предпочту сохранить в тайне, имели все шансы выплыть наружу. Эти действия не нарушали законов, но по причинам личного свойства я не хотел их афишировать. В одном журнале я прочел статью о дублерах, которые подменяют на съемках всяких известных актеров, и это подало мне идею. Потратив немало времени и сил, при соблюдении необходимой осторожности, я все же отыскал человека, который был моей точной копией. Почти как брат-близнец. Мне попадались и другие очень похожие на меня субъекты, но приходилось учитывать их личные качества. Я нуждался, допустим, в человеке, которому можно доверять, – и кандидатура Арнольда устроила меня во всех отношениях. То бунгало принадлежало мне уже достаточно давно. Я устроил так, чтобы Арнольд, изображая меня, проводил там с моим слугой каждый уик-энд... Как видите, я был внимателен к мелочам. Расставание с Люком было большим неудобством, но он всегда был со мной в поездках за город, так что волей-неволей пришлось отправлять его туда и с Арнольдом.

– А сами вы тем временем продолжали совершать некие тайные действия?

– Да. Кое-кто пытался... впрочем, не имеет значения. Казалось, раскрыть мой замысел не удастся никому. Арнольду хорошо платили, и я полностью доверял ему. И при нем всегда

был Люк. Никому, кроме Кестера, не разрешалось там появляться. Да никто и не появлялся. Проводя там выходные, я отказывался даже отвечать на телефонные звонки. Все переговоры при необходимости велись исключительно через Кестера. Казалось, раскрытия тайны можно не опасаться. И нате вам! Теперь передовицы всех газет в Америке трубят о моем убийстве!

– Но вы живы, – сухо заметил Фокс, – что будет несложно доказать. Под вопросом только ваша тайная деятельность...

– Вот именно! Ее нельзя раскрывать!

– Но если вы внезапно объявитесь с криком: «Вот он я!» – то очень у многих, включая газетчиков и полицейских, которые расследуют ваше убийство, возникнет резонный вопрос: «Где же вы были?»

– Да. Они захотят это знать.

– Еще как захотят. И боюсь, придется выложить все карты, ведь в подобных обстоятельствах... даже если вы сам Ридли Торп... любые попытки объяснить произошедшее будут подвергнуты тщательной проверке.

Кестер подал голос с переднего сиденья:

– Я советовал отказаться давать какие бы то ни было объяснения.

Фокс покачал головой:

– Можете попытаться, однако... – Сквозь листву пробилось уже достаточно рассветных лучей, чтобы он с легкостью мог узнать все три лица по снимкам в газетах. – Весьма сомнительно. Полиция разыскивает убийцу. Не говоря уже о таких мелочах, как истерика акционеров, скинувших свои доли в «Торп контрол» по тридцатке, чтобы хоть что-то сохранить, а вы тянули день и две ночи, перед тем как явить себя миру. Если вы все равно собирались это сделать, медлить не следовало.

– Вот я как раз и советовал сразу же...

– Помолчи, Вон! Это бы не сработало. Фокс тоже думает, что это бы не сработало! Ведь вы согласны?

– Конечно. Все равно вас отыщут – не полиция, так газеты. И придется выложить все без утайки.

– На это я не могу пойти.

– На вашем месте я не говорил бы: «Не могу». Все равно что та женщина на лошади, которая говорила: «Не могу слезть». Стоило лошади попятиться, как женщина свалилась на землю. То есть ее утверждение было ошибочным. Как и ваше.

– Нет, я не ошибаюсь, – упрямо заявил Торп, взглядываясь в лицо Фокса. – В этом и заключена работа, которую я хочу вам поручить. Мне нужно, чтобы вы соорудили такое объяснение, которое выстоит под следствием. Мне нужно достаточно надежное алиби. Мы весь день обсуждали это с Кестером и Люком, но так ни к чему и не пришли. У нас связаны руки, потому что ни один из нас не решится дать о себе знать даже по телефону. В этом суть той работы, за которую я заплачу вам пятьдесят тысяч долларов, и ее нужно выполнить как можно быстрее. Раньше, чем откроется фондовая биржа. Ну и как, беретесь? Вы способны с этим справиться?

– Я работаю на Эндрю Гранта.

– Это не помеха. Вы сами сказали, что полиция перестанет интересоваться Грантом, стоит мне вновь появиться на людях.

– Но убийство никуда не денется. Чтобы сфабриковать алиби...

– Не в убийстве дело. Я не имею к нему никакого отношения. Я находился... Меня и близко не было рядом с бунгалом.

– Замечательно. И где же вы были?

– Гулял в лесу. Точнее, в сосновых лесах Нью-Джерси. Я часто брожу там с рюкзаком в полном одиночестве, сплю на сосновых иголках под звездным небом, летние ночи...

– Прекратите! – с отвращением прервал его Фокс. – Где вы были?

– Говорю же, в лесу. Я гулял там...

– Нет-нет. Должно быть, это одна из версий, которые вы с Кестером придумали и отбросили. Похоже, не самая удачная. Не забывайте, мистер Торп, что свои действия вы собирались – и до сих пор намерены – держать в тайне. Мне необходимо знать, что это за действия, и вы обязаны удовлетворить мое любопытство. Не тратьте время по пустякам. Итак, где вы были?

Наступила тишина, нарушаемая едва слышными звуками, источник которых теперь стал ясен благодаря наступающему рассвету. Звуки издавал цветной слуга, который, сидя на переднем сиденье, нервно и монотонно жевал губами. Губы же Вона Кестера, сами по себе довольно тонкие, сжались в прямую линию. Повернувшись всем корпусом, Кестер сидел на переднем сиденье и буравил Текумсе Фокса ровным пристальным взглядом недружелюбных бледных глаз. Ридли Торп, взъерошенный и с неприглядными темными разводами на небритом лице, с силой давил правым кулаком на ладонь левой руки, словно бы вознамерившись растереть в порошок все возникающие препятствия с помощью воображаемых ступки с пестиком.

Фокс первым потерял терпение:

– Вы понимаете, что я хочу знать правду. В зависимости от того, что сейчас услышу, я либо приму ее, либо нет. Проверю все, как только смогу. И если почувствую подвох, предам огласке. Я должен знать наверняка, что не сочиняю алиби для убийцы.

– Я же говорю... – с жаром начал Торп.

– Не стоит повторяться. Скоро выглянет солнце. Расскажите, где вы были.

– Если я расскажу, мистер Фокс, то тем самым раскрою все карты и всецело окажусь в вашей власти...

– Не более, чем теперь, – неодобрительно прищурился на него Фокс. – Вам представить схему? Я могу выследить вас. Любой умелый сыщик сможет. И многие сделают это, если получат хотя бы намек, что вы еще живы. Именно поэтому вам необходимо обеспечить себе алиби, которое исключит любые подозрения, а это задача сложная. И именно поэтому я должен знать правду, или можете на меня не рассчитывать.

Торп еще какое-то время вглядывался ему в лицо, а затем перестал изображать ступку с пестиком ради решительного жеста:

– Будь по-вашему. Тихо, Вон! Никогда не думал... Хорошо. Я был в коттедже в Трай-энгл-Бич, штат Нью-Джерси. Приехал вечером в пятницу и все время провел там. А незадолго до полуночи в воскресенье... я уже был в постели... позвонил Люк и сказал, что кто-то стрелял через окно и убил Арнольда...

– Он звонил из вашего бунгало?

– Нет. Люк далеко не простак. На машине он добрался до Маунт-Киско, нашел телефонную будку и позвонил, убедившись, что его никто не видит. Спросил, что делать, и я велел ему приехать в коттедж. Он добрался туда примерно к двум часам; расстояние там – больше девяноста миль. За это время мне позвонил и Кестер. Новость об убийстве застала его в гольф-клубе «Грин медоу». Ему я тоже велел приехать в коттедж, и он прибыл где-то через час после Люка. Мы начали обсуждать ситуацию... и обсуждаем до сих пор. Люк и Кестер – единственные люди на свете, кто знает о коттедже. Не считая вас. С этой минуты.

– Единственные?

– Да.

– Так не пойдет, – покачал головой Фокс. – Напрашивается вывод, что вы были там один, а это...

– Я не сказал, что был один. Там... со мной была спутница.

– Как ее зовут?

– Вам это знать ни к чему, – набычился Торп. – Все это весьма досадно. Весьма. Я в неловком положении. Если моя репутация у американской общественности, завоеванная такими

стараниями... Если я предпочел сохранять ее, скрывая определенные поступки за ширмой благопристойности, что вполне естественно и нормально...

– Я не американская общественность, мистер Торп. Я всего лишь человек, который должен придумать вам алиби. Для этого вы собираетесь меня нанять, так ведь? Если этой даме захочется, то она способна будет выставить дураками нас обоих. Как ее зовут?

– Ее зовут... Дороти Дьюк.

– Давно ли вы знакомы?

– Пять лет.

– Она проводила уик-энды с вами в том бунгало, пока вы не нашли себе двойника?

– Да.

– И вы полностью ей доверяете?

– Полностью я не доверяю никому, кроме Люка. Доверяю Кестеру потому лишь, что блюсти мои интересы ему выгодно. С мисс Дьюк в ход идут иные... хм... соображения, но на ее осмотрительность я полагаюсь по той же причине, по какой доверяю Кестеру. Помолчи, Вон!

– Сейчас она в коттедже?

– Нет, Дороти приезжает только на уик-энды. Она вернулась в свою нью-йоркскую квартиру. Я просил ее оставаться там на случай, если потребуется с ней связаться.

– Вы когда-нибудь бывали в ее квартире?

– Ни разу. Мы не встречаемся в Нью-Йорке.

– Адрес коттеджа в Трайэнгл-Бич?

– Нет никакого адреса. Коттедж стоит особняком, в двух милях к югу от поселка, на пятистах ярдах моих частных владений на побережье. Называется «Милая глушь». В тех краях меня знают под именем Джордж Байрон.

Фокс потер переносицу, чтобы скрыть усмешку.

– Где сейчас машина, на которой туда приехал Люк?

– За коттеджем, в сосновом бору. Тоже моя собственность.

– Скверно.

– Надо же было где-то ее оставить.

– Вам следовало... Впрочем, не важно. Где та, на которой приехал Кестер?

– Мы в ней сидим.

– Ясно. А прислуга в коттедже имеется?

– В будние дни там прибирает женщина из местных. На выходных – никого. Мисс Дьюк готовит сама. В этом смысле опасаться нечего... – Торп ткнул пальцем за стекло. – А что там такое?... То, розовое...

– Это солнце. Скоро уже выглянет. Я был бы не прочь поработать на вас, мистер Торп, но задача кажется непосильной. Боюсь, американской общественности суждено увидеть название того коттеджа, набранное крупным шрифтом. «Милая глушь». М-да... Условия едва ли выполнимы. Алиби должно быть достаточно убедительным, чтобы отвести возможные подозрения. Мы не можем объявить, что вы были одни – ни там, ни в каком-либо другом месте – с вечера пятницы до нынешнего момента. На это никто не клюнет. Нужно будет опереться на чье-то свидетельство. Стало быть, мы ищем человека, который будет отвечать определенным требованиям. Первое. Он должен быть вашим хорошим другом или, на худой конец, достаточно близким знакомым. Второе. Он должен быть готов солгать ради дружбы или ради денег. Третье. Он должен обладать достаточным интеллектом, хладнокровием и благоразумием. Четвертое. Он должен поверить на слово, что алиби требуется вам не для ухода от обвинения в убийстве, а всего лишь для сокрытия неких действий, которые сами по себе не являются преступными, но должны храниться в тайне. Пятое. Он должен пребывать где-то в одиночестве – там, где вы гипотетически могли бы к нему присоединиться в поисках развлечения или выгоды, – с вечера пятницы до момента нашей с ним встречи... Или если не в одиночестве, то в обществе лица

или лиц, которые, как и он, должны отвечать остальным пунктам... – Фокс завершил перечисление, негромко кашлянув. – Это минимум. Без такого человека все усилия будут напрасны.
– Мать честная!.. – беспомощно выдохнул сидевший с открытым ртом Торп.

Глава 6

Пока утренний ветерок танцевал в окне и птицы звонко пели на деревьях, они обсуждали кандидатуры, все глубже проникаясь чувством полнейшего бессилия. Одно за другим всплыли десять, двадцать, тридцать имен: человек, живущий в хижине в Адирондакских горах; еще один, чьим хобби были исследования в собственной лаборатории, устроенной в его поместье на реке Гудзон; третий, ловивший рыбу в частном ручье, скрытом от посторонних, где-то к северу от Поулинга; множество других имен, все как одно встретивших непреодолимые возражения. Торп предложил Фоксу самостоятельно найти надежного человека, чьи показания можно было бы купить, но это было всего-навсего криком отчаяния. Торп первый же согласился, что такой риск не будет оправдан. Наконец в угрюмом молчании прозвучал голос Люка Уира:

– Может, миста Генри Джордан?

Торп уставился на своего слугу:

– С чего ты вдруг о нем вспомнил?

– Ну как же, сэр, я тут перебирал в уме людей, кто сейчас может быть один-одинешенек, и его имя мелькало то и дело, потому что я своими ушами слышал, как мисс Дьюк говорила, что он почти не бывает дома, вечно плавает в одиночестве на своем катере, а однажды послала меня отвезти ему что-то, и его не оказалось дома, потому что он опять уплыл на...

– А кто это? – поднял голову Фокс.

– Один упрямый старый дуралей. И речи быть не может.

– Кто-то из друзей мисс Дьюк?

– Он ее отец. Дороти Дьюк – сценический псевдоним.

– Вот как? И вы... Дочь обеспечивает его? Содержит?

– Нет. У старика имеется небольшой доход от вложенных накоплений. До выхода в отставку он служил на флоте. Вторым помощником капитана. Я всего только раз с ним встречался... хотя нет, два раза.

– Как Ридли Торп или как Джордж Байрон?

– Ему известно, кто я такой.

Фокс сдвинул брови:

– Вы говорили, о том коттедже не знает никто, за исключением Люка и Кестера.

– Про Джордана я даже не вспомнил.

– Полагаю, он недоволен? Что дочь проводит с вами уик-энды?

– Вряд ли. Не думаю, что это хоть как-то его трогает. Мисс Дьюк – не ребенок. Джордан меня не любит, но я вообще мало кому нравлюсь. Я зову его упрямым дуралеем из-за неукротимой гордыни. Он не желает принимать подарки от собственной дочери. Примерно год назад она упомянула при мне, что единственная желанная для него вещь – новое судно определенной конструкции, и я предложил... через нее... вручить необходимые для покупки двадцать тысяч долларов, но старик не взял денег. К тому же я подкидывал Джордану полезные советы по движению на рынке акций, но сомневаюсь, чтобы он пытался ими воспользоваться.

– Общеизвестна ли ваша неприязнь к воде... к открытой воде... и к лодкам?

– Ничего подобного. Мне нравится бывать на воде. Я и сам занимался парусным спортом много лет назад. Потом купил себе яхту.

– Значит, нет ничего невероятного в том, что на уик-энд вы отправились в морское путешествие со старым другом Джорданом?

– Нет... – скривился Торп. – Но просить этого человека...

– Мне он кажется подходящим, – заявил Фокс. – Очевидно, он не имеет репутации выдумщика. И явно неболтлив, поскольку ваши отношения с его дочерью до сих пор остаются в тени. Его, вероятно, можно склонить ко лжи если не ради денег, то во избежание неприятного скандала с участием дочери. Он не станет подозревать вас в попытке соорудить алиби, уходя тем самым от обвинений в убийстве, поскольку ваше подлинное алиби охотно подтвердит его дочь. Если он пройдет проверку пятым пунктом моего списка, этот ваш Джордан – даже лучше чем просто хороший кандидат. Он идеален.

– Мне это не нравится.

– Ну еще бы! Но если вы и дальше собираетесь сидеть и ждать нечто такое, что вам понравится...

– Он прав, шеф! – поспешил вставить Вон Кестер. – Я готов дать себе пинка за то, что сам не вспомнил о Джордане...

– Помолчи, Вон... – сказал Торп с таким видом, словно выпил уксуса. – Ладно, так тому и быть. – Покосился на Фокса. – У меня нет при себе чековой книжки, но...

– Я приду за деньгами, если сумею их заработать. – Открыв дверцу, Фокс выбрался из машины. – Но эта работа поручена мне, и вы будете меня слушаться. Распоряжения должны выполняться без вопросов, иначе я все брошу. Это понятно? И вы тоже, Кестер. Понятно?

– Разумеется.

– Отлично... – Фокс повернулся, чтобы позвать: – Дэн!

Вице-президент вылез из кабриолета, пробежал по траве, росшей на обочине лесной дороги, и встал рядом с Фоксом. Тот сказал ему, делая широкий жест рукой:

– Перед тобой Ридли Торп, Вон Кестер и Люк Уир. Ты видел фото в газете. Мы отгоним их машину подальше в лес и будем ждать там. Ты езжай домой, возьми Билла. Отправляйтесь в «Эксельсиор маркет» в Брустере и предложите Сэму Скотту двадцать долларов за аренду одного из крытых фургонов для доставки грузов. У него их два. Хватай ключ и мчи на фургоне прямо сюда, а Билл пусть едет сзади в кабриолете. Остановитесь тут, только не вздумайте сигналить. Я сам подойду. – (Дэн повернулся, чтобы начать действовать.) – погоди. Передай мисс Грант, пусть сидит тихо и ничего не предпринимает. Я продвинулся в деле и скоро вытащу ее дядю из-за решетки. Этого будет достаточно. Не предлагай ей съездить с тобой в Брустер на стаканчик содовой с мороженым.

– Как скажете.

И Дэн отправился выполнять полученные распоряжения.

Таков был первый маневр необычайно сложной и критически важной операции, которую Фокс развернул на суше и на море и во время которой ему пришлось иметь дело с бунтом, невезением и стихиями. Бунты или, по крайней мере, их вероятность возникали регулярно. Впервые это случилось, когда, ожидая в лесу Дэна, Фокс описал остальным следующий шаг операции. Торп хотел воспользоваться правом вето. Фокс прямо заявил ему, что не станет предпринимать ничего, пока не увидится с мисс Дьюк; он не оставит в тылу столь неизвестный и потенциально опасный фактор, не проведя разведки. Торп сдался и назвал ему адрес. Угроза бунта возникла вновь, когда Дэн приехал в крытом фургоне, на ярко-белом боку которого красными буквами было выведено «Эксельсиор маркет», и троица получила указание залезть внутрь и как-нибудь устроиться на заботливо разложенных Дэном пустых мешках. Торп выражал протест за протестом, но Фокс был непреклонен. Машину Кестера спрятали в лесу, а Билла Тримбла отправили домой за рулем кабриолета. Не пробило еще и шести часов жаркого летнего утра, как фургон начал движение на юг. Фокс сидел в кабине за рулем, Дэн – на удобном сиденье рядом, а слуга Люк Уир, секретарь Вон Кестер и достояние нации Ридли Торп тряслись на мешках в фургоне.

И хотя пришлось ехать в объезд, поскольку движение грузовых машин по центральным улицам было запрещено, уже в двадцать минут восьмого фургон остановился у края тротуара

Шестьдесят седьмой улицы, и Фокс вылез из кабины, завернул за угол на Парк-авеню, вошел в роскошный жилой дом и попросил доложить о себе мисс Дьюк. Консьерж с изумлением вытаращился на субъекта, наносящего визиты в столь неурочный час, однако телефоном все же воспользовался. Поскольку Фокс успел позвонить, сделав по дороге сюда короткую остановку, его ждали, и через минуту он уже шел к лифту.

Сняв шляпу, Фокс поприветствовал женщину, которая открыла дверь квартиры на двенадцатом этаже:

– Доброе утро, мисс Дьюк. Я Текумсе Фокс. Вот записка.

Она молча приняла протянутый листок – вырванную из ежедневника Кестера страничку, на которой Торп нацарапал несколько строк, – дважды пробежала взглядом записку, поднесла к свету, чтобы рассмотреть почерк, и хрипло произнесла:

– Входите.

Закрыв дверь, женщина направилась было в комнату, однако Фокс остановил ее:

– Лучше здесь, мисс Дьюк. Я тороплюсь.

Он уже увидел все, что хотел. Женщине было лет тридцать. Похоже, она плохо спала и рано встала, а тревога и волнение образовали морщинки на ее лице. Впрочем пронизательный взгляд мог различить в облике мисс Дьюк если не особую красоту, то достойную уважения глубину. При более благоприятных обстоятельствах, подумал Фокс, комплименты полились бы естественно, без стимулов со стороны правил учтивости.

– Где сейчас мистер... мистер Байрон? – спросила она.

– У мистера Торпа все в полном порядке, – заверил ее Фокс. – По телефону вы сказали, что одни в квартире?

– Так и есть.

– Прекрасно. На вашем месте записку я бы уничтожил... Мне хочется знать, когда именно мистер Торп появился в коттедже близ Трайэнгл-Бич, чтобы провести там уик-энд?

– Вечером в пятницу. Как и я.

– Когда он уехал?

– Не знаю. Я уехала... Он отправил меня еще вчера утром. И оставался там, когда я уезжала.

– Люк Уир и Вон Кестер тоже там были?

– Да. Они появились в воскресенье ночью, очень поздно, чтобы сообщить ему... – Ладонь мисс Дьюк дрогнула, возражая против новых расспросов. – Но где он сам? Что теперь будет? Бога ради...

– У него все хорошо. Не беспокойтесь, мисс Дьюк. Мы со всем справимся. Скажите, Торп был с вами в коттедже все это время? С вечера пятницы до полуночи в воскресенье?

– Да, он... – Мисс Дьюк осеклась, и ее глаза сузились от подозрения. – Зачем вы задаете подобные вопросы, если...

– Если я на него работаю? Потому что для меня не важно, кто мой работодатель, я должен установить все факты и быть в них уверен. Не тратьте наше ценное время, подозревая меня в нечестной игре. Итак, он оставался с вами?

– Да.

– Вообще никуда не выходил?

– Мы выбирались покататься верхом и ходили в кино в поселке. Он ни разу не отходил от меня больше чем на пять минут.

– Благодарю вас. А теперь вопрос, ради которого я приехал на самом деле. Вам известно, где сейчас ваш отец?

– Мой отец? – округлила глаза мисс Дьюк. – Мой отец?..

– Мистер Генри Джордан, – кивнул Фокс. – Расслабьтесь, вы чересчур нервничаете. Торп писал в своей записке, что вы должны отвечать на все мои вопросы. Мы хотим найти вашего

отца, потому что нам потребуется его помощь. Торп все объяснит, когда встретится с вами... или вы прочтете в газетах... Сейчас на это нет времени. Итак, вам известно, где может быть ваш отец?

– Но, боже мой...

– Известно?

– Нет.

– Вы знаете, провел ли он весь уик-энд на своем катере?

– Нет. Я знаю только, что он почти всегда торчит на нем. Выходные или будние дни – отцу все едино с тех пор, как он вышел в отставку. Видимо, и теперь он...

– Где он обычно плавает на своем катере?

– Господи, откуда же мне знать... Где-то на воде.

– Где он его держит?

– Этого я тоже не знаю, но наверняка где-то рядом с домом. Он живет в небольшом домике на Сити-Айленде. Надо думать, где-то на океанском берегу...

– Сити-Айленд находится в проливе.

– Ну значит, в проливе. Это все, что мне известно... но я могу дать вам адрес. Минуту, я сейчас найду... – Она скрылась за одной из дверей, но очень быстро вернулась и протянула Фоксу листок бумаги. – Вот адрес отца. Телефона у него нет.

– Огромное вам спасибо. Нет, мисс Дьюк, я ничего не могу вам рассказать. Но вы не переживайте. Лучше постарайтесь уснуть. Я разбудил вас, приношу свои извинения.

Он попрощался с ней, вышел из дома, завернул за угол к фургону, вытащил из кармана ключ, открыл заднюю дверцу и, просунув голову внутрь, произнес в темноту:

– Я говорил с ней. Мисс Дьюк неизвестно нынешнее местопребывание отца и где он провел выходные. Проживает на Сити-Айленде, куда мы сейчас и направимся.

– Этого недос...

– Кажется, я запретил вам разговаривать, – буркнул Фокс и с силой хлопнул дверцей.

Фургон двинулся на север по Третьей авеню, в потоке машин проехал под эстакадой и, подпрыгивая и раскачиваясь, помчался обратно через город; окольными путями пронесся через Бронкс и наконец взял курс на Централ-авеню. Солнце начинало припекать и, очевидно, собиралось заниматься этим целый день. Вырвавшись на участок, где отсутствие тротуаров устраняло риск появления любопытных пешеходов, а шум и грохот летящего мимо транспорта заглушали прочие звуки, Фокс съехал с проезжей части, остановил фургон, вышел и снова открыл заднюю дверцу:

– Вы там в порядке?

– Нет! – взревел Торп. – Тут невыносимо! Душно, как в печи! Мы не можем...

– Простите, но вам придется потерпеть. И прекратите стучать по перегородке, иначе я припаркую эту колымагу, возьму такси и отправлюсь домой, оставив вас разбираться с этим самостоятельно. Вы колотили даже после того, как я остановился. Откуда вам знать, где именно и зачем я устраиваю стоянку?

Захлопнув дверь, он вернулся в кабину. Когда они влились в общий поток движения, Фокс заметил Дэну, не поворачивая головы и не отрывая глаз от дороги:

– Помилуй боже, а там внутри жарковато!

– Там, где сейчас его двойник, еще жарче, – гулко проворчал Дэн. – В любом случае люди выкладывают по три-четыре доллара за час в турецких банях. Ничем не хуже.

Через десять минут они свернули с Централ-авеню на оживленном перекрестке, свернули еще разок и остановились у тротуара. Фокс вновь приоткрыл заднюю дверцу фургона, сунул голову внутрь и объявил, что оставляет Дэна за рулем и не может сказать, будет он отсутствовать сорок минут или четыре часа, пешком вернулся к перекрестку и, остановив такси, назвал шоферу адрес, полученный от мисс Дьюк. Пока такси прокладывало себе путь на восток, к

сьезду на Сити-Айленд, Фокс ерзал на краешке сиденья, нервно цепляясь за поручень, хмурясь и даже не пытаясь напевать. Если он не застанет Генри Джордана дома, а его катер – у причала, то операция будет провалена, завершена, а фургон можно перегнать прямо к ступеням окружного суда в Уайт-Плейнсе.

Но маленький дом номер 914 по Айленд-стрит, как и другие дома, стоящие на извилистой улице вдоль линии берега и опирающиеся на сваи, которые приподнимали его, оберегая заднюю его часть от прибою, оказался пустым. Обнаружив, что и передняя, и задняя двери заперты и никто не отвечает стук, Фокс постоял немного на крыльце, глядя на воду. Суда всех размеров и видов покачивались у причалов, натягивая свои швартовы, а пляшущие в волнах светлые точки где-то в ста ярдах от места, где он стоял, были причалами без лодок. От необходимости тщательно обдумать следующий шаг его спас чей-то голос:

– А его там нет!

Фокс обернулся и увидел голову женщины с всклокоченными волосами, высунувшуюся из окна дома по соседству, шагах в тридцати.

– Доброе утро! – откликнулся он. – Я ищу Генри Джордана!

– Ага, это я вижу. Он уплыл на своем катере.

– Спасибо. Когда он поднял якорь?

– Ну, наверное... Кажется, еще в четверг.

– И не возвращался?

– Не-а. Да он, бывает, ходит целую неделю или того больше.

– А куда он... ходит, есть излюбленные места?

– Нет, таких нету. Но он любит ловить камбалу, а она лучше ловится ближе к Лонг-Айленду. Вот мы с мужем поймали однажды...

– Прошу прощения, как называется его судно?

– «Армада». Смешное название, верно?

– Очень. А на что оно похоже? На прогулочный катер?

– Ну да, вроде того. Тридцать футов длиной, девять шириной, на воде сидит высоко, и бортовая качка – просто жуть! Весь белый, только рубка отделана коричневым, хотя не так давно он признался моему мужу...

– Большое вам спасибо!

– Так ему передать, кто...

– Не стоит беспокоиться. – Фокс уже направился прочь. – Спасибо!

Это, конечно, было большой удачей. Но неудача ждала Фокса, когда он вернулся к фургону, – спустило колесо, а запаски не было. Фокс прожег помеху яростным взглядом: мало того что она вызовет задержку, лишнее внимание будет привлечено к и без того заметному фургону, оказавшемуся вдали от своей базы... Что ж, делать нечего. Фокс вернулся к перекрестку и нашел автомастерскую, где напутствовал механика:

– Будь другом, почини как можно скорее, ладно? Там у меня мясо, и оно может испортиться, если долго простоят на солнце в такой денек.

Это обошлось ему в доллар и тридцать пять минут времени. После чего Фокс опять двинулся на север и, сделав в укромном месте новую остановку, доложил о своих достижениях пассажирам. И – дальше на север.

Наручные часы показали половину одиннадцатого, а тяжелый, душный воздух прогрелся до девяноста градусов в тени³, когда Фокс вновь остановил фургон, на этот раз на главной улице Саут-Норуолка. Прежде чем покинуть водительское кресло и вообще фургон, он сказал Дэну:

– Помни, моя работенка проще. Я беру ее на себя только потому, что смогу отыскать катер с воды, а ты не сможешь. Твоя задача в следующем: не выпускай их наружу, пока я не

³ По шкале Фаренгейта. Примерно 32 °С по Цельсию.

сойду на берег, и тем более не выпускай, пока рядом кто-то есть на расстоянии, позволяющем разглядеть лица. И не позволяй им бежать или делать что-то еще из ряда вон. Пусть спокойно и естественно они идут ко мне по пляжу... и им нельзя этого делать, если хоть одна живая душа подойдет ближе трехсот ярдов... Нельзя, и все тут, даже если ожидание затянется на целый день. Как только они поднимутся на борт, а лодка отчалит, отведи фургон домой, возьми кабриолет, езжай в Саут-Норуолк, паркуйся у дома Картера и жди. Ты можешь прождать час или все двадцать. От машины – ни на шаг.

– Не лучше ли будет поставить...

– Нет.

– Как скажете, – произнес Дэн в затылок Фокса, который уже спешил дальше.

В квартале оттуда, у железнодорожной станции, он сел в такси и вышел из него через пять минут у входа в огромное, напоминающее ангар деревянное строение с размашистой надписью над дверью:

ДОН КАРТЕР.

ЛОДКИ И СНАРЯЖЕНИЕ.

Войдя, Фокс двинулся в дальний конец ангара и, огибая строительные леса, перепрыгивая через блоки и бревна, дошел до платформы, от которой вдаль протянулись пирсы. Забравшись на нее, он приблизился к мужчине в рабочей одежде, наблюдавшему за тем, как двое парней драят борт прогулочного катера.

– Привет, Дон! – окликнул его Фокс. – Течения еще благоволят тебе?

– Ба, кого я вижу! – Мужчина протянул руку. – Так-так... И где ж ты пропадал?

– То здесь, то там. Слушай, я сегодня слегка тороплюсь. Нужно прокатиться. Дашь мне «Экспресс форти»?

– Конечно бери! Судно в полной готовности... – Глаза мужчины улыбались Фоксу, скрываясь в сетке морщин. – Ты, случаем, не к чужим берегам собрался? После того, что я слышал по радио прошлым вечером, да еще с этими утренними газетами...

– У меня не было времени заглянуть в газету. Нет, я верну твою красавицу на место, все честь по чести, только не могу сказать, когда именно. Начинай готовить ее к плаванию, а я перейду через улицу и прихвачу сэндвичей.

Вернулся Фокс через пятнадцать минут с большим пакетом под мышкой и со стопкой газет в руке. У конца одного из пирсов его дожидался, ровно урча, длинный узкий катер с шестью сиденьями в застекленном кокпите. Поднявшись на борт, Фокс сразу прошел к штурвалу. Мотор взревел, а потом вновь ровно заурчал. Парень, державший катер у пирса, легко подтолкнул судно, и то заскользило прочь. Дон Картер наблюдал за отплытием с нескрываемой гордостью во взгляде. Фокс вывел катер за последний буй, развернул его на север и поддал газу. Катер встал на дыбы, задрал длинный, узкий аристократический нос – и помчался вперед.

За двадцать минут Фокс прошел десять миль, после чего сбросил скорость и направил катер к пустынному участку пляжа, усеянному камнями и сухими водорослями. В сотне ярдов от берега Фокс выключил мотор, встал с сиденья и осторожно пробрался на нос судна, чтобы бросить якорь. Вглядевшись в береговую линию, Фокс разглядел в просвете между чахлыми деревьями что-то белое с косым мазком красной краски. Окинув взглядом окрестности, он убедился, что вокруг не было ни души. Пробравшись на нос, Фокс освободил закрепленную поперек спасательную шлюпку, спустил ее на воду, взял в руки весла и погреб к берегу. Выпрыгнув из шлюпки, Фокс застыл, еще раз оглядевшись вокруг, и через несколько секунд увидел какое-то движение у скрытого ветвями белого предмета, а вскоре – и троих мужчин, вышедших из-за деревьев и ковыляющих к нему по камням. Выглядели они в точности как люди, бегущие от неведомой опасности, и Фокс кривился все сильнее по мере их приближения, но, когда те оказались рядом, бросил лишь:

– Залезайте. Торп и Люк – на нос, Кестер – на корму. Живее!

Ему пришлось зайти в воду по колено, чтобы снять с камней отяжелевшую шлюпку, затем он сам перелез через борт и взялся за весла. Вернувшись к катеру, он помог остальным перебраться на борт, вытянул шлюпку на корму и привязал ее, а потом обратился к пассажирам:

– Нужно лечь и не высовываться. Никаких лиц над бортом. Было бы обидно испортить все прямо сейчас. В том пакете вы найдете сэндвичи и пиво, можете читать газеты. Нам повезло. Джордан вышел в море на своем катере еще в четверг и с тех пор не возвращался. Не стану описывать вам его судно и не скажу, как оно называется, иначе вы начнете крутить головой во все стороны, помогая мне в поисках.

Ридли Торп проворчал слабым голосом:

– У меня болит живот, и, наверное, мне станет еще...

– Ложитесь и постарайтесь расслабиться. Откройте то окно, Люк, и свежий воздух скоро поможет. Об одном прошу: не вставайте.

Он прошел на нос, поднял якорь, сел за штурвал и завел мотор. Развернулся и направился к открытой воде. Поиски «Армады» начались.

К четырем часам дня Текумсе Фокс готов был поверить, что в проливе Лонг-Айленд курсирует никак не меньше пятидесяти миллионов лодок, яхт и катеров, причем немалая их доля – белые прогулочные катера с отделанными коричневым рубками. Рыская между ними, «Экспресс форти» Картера успел сунуть свой гордый нос в добрую сотню бухточек, узких заливов и гаваней, расположенных от Норуолка до Ниантика с коннектикутской стороны и от Плам-Айленда до Уодинг-Ривера – со стороны Лонг-Айленда. В четыре часа Провидение попыталось решительно прервать поиски и потопить катер. Примерно в половине четвертого Фокс увидел первые признаки такой перспективы и, понимая даже, что благоразумие диктует немедленно укрыться в какой-нибудь тихой гавани, решил все же, что катер может справиться с ненастьем при условии умелого обращения. Небо на западе заволокло клубящимися тучами; поднялся ветер, чьи порывы, множа силу, тысячами обрушивались на катер. Еще недавно тихие воды пролива вспули и устроили безумную качку с летящей по ветру пеной. Ясный летний день обернулся вдруг зловещими сумерками. Фокс сбросил газ, привел катер к ветру на три четверти и начал молиться о крепости его конструкции. Судно трепетало, делая резкие броски то вверх, то вниз, заваливалось на борт, выпрямлялось и для разнообразия заваливалось на другой борт, при этом изо всех сил пыталось окунуть нос поглубже в воду. Впрочем, ненастье стихло практически столь же внезапно, как и разыгралось, и при первой же возможности Фокс оглянулся, чтобы обвести пассажиров взглядом. Вон Кестер трясся, белый, как бумажный лист. Люк Уир белым не был, но тоже трясся. Ридли Торп кивнул Фоксу и объявил:

– Отлично справились! Боже всевышний, что за ветер! Вы действовали идеально!

Кивнув ему в ответ, Фокс вернулся к управлению катером и тихо пробурчал себе под нос:

– Ни на ком не следует ставить крест. Никогда об этом не забывай.

Спустя еще десять минут недалеко от Шорхэма в поле зрения показалась крошечная бухта, похожая на дырку от выпавшего зуба, а посреди нее стоял белый прогулочный катер с коричневой рубкой. Очевидно, закреплен он был вполне надежно, так как всякие следы того, что непогода срывала судно с якоря, отсутствовали. Фокс свернул к берегу и через минуту сумел прочесть на носу название катера: «Армада». Подплыл к нему вплотную на малых оборотах, схватился за борт катера и выключил мотор. В кокпите, орудуя шваброй в попытке избавиться от нанесенной ветром воды, возился мужчина лет шестидесяти, с загорелым дочерна лицом, невысокий, но не шуплый, с выступающими скулами и глубоко посаженными серыми глазами.

– Вы Генри Джордан? – поинтересовался Фокс.

– Он самый, – ответил мужчина. – А ты кто будешь?

Глава 7

Было 16:40.

По другую сторону пролива Лонг-Айленд и в нескольких милях западнее Дэн Пейви сидел, развалившись на переднем сиденье кабриолета, припаркованного перед домом Дона Картера в Саут-Норуолке. Он сидел неподвижно, с закрытыми глазами. Внезапно дернулась его правое колено, шевельнулась левая рука, распахнулись глаза. Одним рывком Дэн сел прямо, огляделся по сторонам, после чего, моргая, сверился с наручными часами – 16:40.

– Та-ак! – сказал себе Дэн, и гулкий рокот его голоса выражал потрясенное недоверие.

Еще целых три минуты он просидел, не шевелясь и глядя прямо перед собой.

– Так! – с прежним недоверием повторил Дэн. – Сынок миссис Пейви по имени Дэн грезит о девочке. Не смей это отрицать. Встряхнись! У вашего малютки жар, миссис Пейви? Возможно, у него острое воспаление мозга. Жалость-то какая! Промойте ему башку и повесьте сушить на солнышко. Как далеко он может плюнуть? Фу!

Дэн выбрался из машины, дошел до двери с вывеской «Бар и гриль», вошел внутрь и заказал двойной скотч.

Выпив виски залпом, Дэн обвел заведение хмурым взглядом и заказал еще. Вторая порция последовала за первой. Заказав третью и послав ее за первыми двумя, он вновь попросил повторить. Человек за стойкой бара выразил осторожное сомнение.

– Правильно, – проворчал Дэн. – Лишняя трата денег. С тем же успехом можно пытаться наполнить пустой автомобильный бак чайной ложечкой.

Он сгреб со стойки сдачу, вернулся на улицу, протопал полтора квартала до аптеки, устроился на табурете у стойки с мороженым и обратился к подошедшему пареньку:

– «Восторг Уэстчестера» с орехами. – И пока тот занимался сложными манипуляциями, пробормотал: – Да, сэр. С орехами...

День начинал клониться к закату, когда вскоре после шести окружной прокурор Ф. Л. Дервин, сидя за столом в своем кабинете в Уайт-Плейнсе, промокнул лицо уже влажным платком. Мало того что ему изрядно докучали требовавшие сил и времени побочные эффекты самого впечатляющего дела об убийстве из всех, какие только знал округ Уэстчестер за все время, проведенное Дервином в кресле окружного прокурора, он не мог припомнить, чтобы ему еще хоть когда-нибудь бывало так душно. Гроза, задевшая город на пути к проливу, принесла лишь кратковременное послабление; сейчас жара и влажность с лихвой вернули себе сданные позиции. Дервин обратил взгляд к сидящим напротив него мужчине и девушке, позволил платку упасть на стол и раздраженно заговорил:

– В любое время мне могут потребоваться от вас новые показания. Не могу сказать заранее, когда и насколько частыми будут допросы, как долго они продлятся. Мистер Коллинз прав, разумеется, когда говорит, что отказ от дачи показаний – ваше полное право, однако в таком случае у закона возникает право сделать на этом основании собственные выводы. Вы оба отпущены под залог, но являетесь важными свидетелями... – (На лбу прокурора вновь выступили капельки пота.) – Вы обязаны под страхом сурового наказания оставаться доступными для дальнейших следственных действий. Та публичная выходка Текумсе Фокса – заявление в радиоэфире – не имеет никакого отношения к вашему статусу в глазах закона. Как вам известно, ночью Фокс исчез из своего дома, до сих пор не вернулся, и его не могут найти.

Он поднял взгляд на стоявшего между двумя стульями человека – крупного, здорового на вид мужчину в белом льняном костюме, с улыбочивым ртом и цепким, бдительным взглядом темных глаз.

– Меня возмутило ваше последнее замечание, мистер Коллинз. Я не младенец. Мне хорошо известно, что вы разбираетесь в тонкостях права. Я лишь прошу вас сообщать мне о местонахождении Гранта и его племянницы, чтобы в случае...

– Отказано! – без церемоний отрезал Нат Коллинз. – Я не подписывал обязательство держать вас в курсе. Однако, если вы пожелаете увидеть их в любое разумное время, я доставлю их вам и останусь с ними. – Адвокат опустил ладонь на плечо Эндрю Гранта. – Мы уходим, мальчик мой. – Он действительно был старше дяди Энди... года, пожалуй, на четыре. – Идемте, мисс Грант.

Они оставили Дервина устало протирать лицо мокрым платком. Когда они проходили по приемной, четверо или пятеро сидевших там мужчин, включая полицейского в форме, одновременно повернулись и проводили их взглядом. У самого выхода шедший впереди Грант резко остановился, чтобы не столкнуться с дверью, которую кто-то грубо толкнул извне. Все трое автоматически сделали шаг в сторону, освобождая проход, и оказались лицом к лицу с вошедшей парой.

Джефффри Торп, с красным от зноя лицом, но уже успевший одеться подобающим образом, заступил дорогу Нэнси:

– Почему вы не хотите со мной встретиться?

Взгляд Нэнси должен был охладить его пыл.

– Я вас не знаю. Позвольте...

– Мое имя – Джефф Торп. Вы не только меня знаете, вы обо мне думаете. Вы меня ненавидите. И поэтому сегодня выглядывали из окна наверху оба раза, когда я уходил из дома Фокса, после того как вы отказались меня принять. Вы не могли удержаться от того, чтобы не выглянуть в окно, потому что я заморозил вас, как змея. Вы меня тоже заморозили, черт побери! Вы что, не прочли моего письма? Что вы... Ранда, отпусти меня!

Сестра потянула его за собой:

– Веди себя прилично, Джефф! Это эффектно проявлять такое упрямство, но сезон охоты на Торпов все еще открыт, и... Ой, я не это имела в виду! Это прозвучало слишком жестоко... Впрочем, может, я и сама жестока... – Миранда слегка повернула лицо и обратила взгляд своих красивых глаз на Эндрю Гранта. – Вы тоже эффектны, мистер Грант, но гораздо более утонченны, чем мой брат, и едва ли настолько же упрямы. На меня произвело впечатление то, что вы сказали мне вчера... и то, как сказали.

Глаза Эндрю, глядевшие с мрачным отрешением, встретились с ее взглядом.

– Правда?

– Да, – кивнула Миранда. – Очень большое. Я сразу же объявила мистеру Дервину, что верю вам. Простите... я говорю как дочь Ридли Торпа, с таким же правом голоса, что у любого из нас, даже у окружного прокурора... Простите, что вы, ни в чем не виновный человек, оказались вовлечены в эту жуткую трагедию с убийством моего отца. Может, пожмем друг другу руки?

– Почему... – Губы Гранта слегка скривились. – Думаю, не стоит. Не хочу показаться грубым, но в подобной ситуации рукопожатие затронуло бы такие... личные струны...

– Наверное, вы правы, – повела плечом миссис Пембертон. – Не представите ли меня своей племяннице?

Так он и сделал. Каждая из двух женщин – одна едва разменяв второй десяток, другая готовясь разменять третий – протянули руки, и уже в момент пожатия Нэнси не выдержала:

– Ну конечно, он не виновен! Мы оба связаны обязательствами как важные свидетели, но тут уж ничем не поможешь.

– Да уж, боюсь, с этим я помочь не могу, мисс Грант. Вы очень милы. Вы принадлежите к девушкам того типа, рядом с которыми я сразу начинаю казаться старой вешалкой. Надеюсь, вы и дальше будете ненавидеть моего брата. Это пошло бы ему на пользу. Если вы связаны

только обязательствами... – она перевела взгляд на Ната Коллинза, – тогда этот человек не полисмен?

– Нет, это мистер Коллинз, наш адвокат. Будьте знакомы. Это миссис Пембертон, а это мистер... – Прикусив губу, Нэнси замолчала.

– Торп, – закончил за нее Джеффри, протягивая Коллинзу руку. – Она со мной незнакома. Если кому-то захочется всесторонне исследовать упрямство или строптивость, как бы это ни...

– Не начинай все сначала, Джефф. Пошли скорее, мы уже опоздали. – Кивнув остальным на прощание, Миранда повернулась к сидевшим в приемной. – Кажется, мистер Дервин ожидает нас?

Секретарь ответил утвердительно и встал, чтобы открыть для них дверь кабинета. Коллинз и его клиенты тем временем удалились.

Дервин поднялся, встречая посетителей, и устроил их на стульях, еще недавно занятых Грантами, а затем сел сам.

– Благодарю, что пришли, – вежливо сказал он. – Выбраться сюда, чтобы встретиться с вами, было почти невозможно. Я весьма ценю...

– Перестаньте, пожалуйста, – прервала его Миранда. – Было бы бесчестно не попытаться сгладить для вас острые углы, если это в наших силах. Не то чтобы я хоть пальцем шевельнула ради... ну, ради мести... как и мой брат, даже не сомневаюсь. Но, в конце концов, мы его дети, его семья и наследуем его богатство...

– Конечно, – с готовностью согласился Дервин. – Так или иначе, я ценю вашу готовность пойти нам навстречу. Полковник Бриссенден тоже собирался присутствовать, но сейчас он ведет расследование этого дела в Нью-Йорке и не мог вовремя освободиться. Надеюсь, вы простите меня за откровенность и прямоту. Вернусь к новой версии, которую мы рассматриваем. Мне хотелось уточнить у вас кое-что... Сначала спрошу у вас, миссис Пембертон. Вчера вы высказали предположение о том, что ваш батюшка использовал свое уединенное бунгало в целях... э-э-э... общения с женщинами.

– Я не высказывала догадок. Я сказала, вам предстоит в этом убедиться.

– Совершенно верно. Мне хотелось бы знать, если не возражаете, на каких сведениях... на каких основаниях зиждется ваше утверждение.

– Я ведь вам говорила, – нахмурилась Миранда. – На своем знании собственного отца. Я знала его лучше, чем он мог себе вообразить. Лучше, чем кто-либо другой, как мне кажется... за исключением Люка, вероятно. Устраивать себе тихие уик-энды в обществе своего слуги совсем на него не похоже. К тому же, как я уже сказала, он отнюдь не был таким аскетом, каким... – Она осеклась, потому что в дверь постучали.

– Войдите! – крикнул Дервин, и в кабинет вошел человек. – Слушаю.

– Мне показалось, вам будет лучше сразу узнать, сэр, хотя это, конечно, пустяк. Только что звонил шеф полиции Порт-Джефферсона на Лонг-Айленде. У него там объявился псих, который уверяет, что он Ридли Торп.

Дервин раздраженно отмахнулся:

– К чему беспокоить меня этими бреднями? У меня и без него достаточно психов, с которыми нужно разобраться.

– Да, сэр, я знаю, но он говорит, что этот тип – вылитый Торп, и вся манера говорить, и... это заявление подтверждено другим человеком, который назвался Генри Джорданом. Этот самый псих заявляет, что с вечера пятницы катался со своим приятелем Джорданом по проливу на его судне и только сегодня днем, сойдя на берег за припасами в Порт-Джефферсоне, узнал про убийство... Это же с ума сойти, услышать про собственное убийство... В общем, шеф полиции с кем-то из подчиненных уже направляются сюда вместе с ним...

– Вздор! У меня нет времени на... Пусть их примет Бен Кук.

– Так точно, сэр.

Человек вышел. Дервин протер лицо и шею.

– Сами видите, миссис Пембертон, с какими досадными помехами нам то и дело приходится сталкиваться! Не успеешь мысль додумать... Вы как раз собирались назвать мне основания сделанного ранее утверждения.

– И уже назвала.

– Других оснований у вас не было?

– Нет.

– Значит, это лишь догадка? У вас нет на руках фактов, и вы не знаете имени женщины... или женщин, которые...

Миранда помотала головой:

– Никаких фактов, но это и не простая догадка. Это вывод, сделанный из допущений.

– Логическая конструкция, понимаю. Вам, вероятно, доставит удовольствие узнать, что мы установили некий факт, способный подтвердить верность ваших умозаключений.

– Вероятно, доставит. Что за факт?

– Чуть погодя все расскажу. Сперва я хотел бы спросить кое-что у вашего брата. – Окружной прокурор обратил взгляд на Джеффри. – Мистер Торп, я хочу сказать, что вполне понимаю вашу реакцию на появление вчера в этом кабинете полковника Бриссендена. Я даже отчасти поддерживаю ее. Манеры полковника порой могут показаться... э-э-э... грубоватыми. Тем не менее заданный вам вопрос достаточно важен, и я буду весьма признателен, если вы ответите. Я имею в виду обстоятельства вашего знакомства с Нэнси Грант. Могу вам признаться, что у нас есть весомый повод подозревать... Черт! Да войдите уже! Простите, миссис Пембертон.

Дверь распахнулась, и на пороге возник тот же человек, что заходил раньше, но теперь его глаза сияли от возбуждения.

– Они взяли Вона Кестера и Люка Уира!

Очевидно, эту шутку Дервину тоже доводилось слышать прежде, потому что он лишь сухо осведомился:

– Кто «они»?

– Нет, они действительно взяли их обоих! Катер, привязанный к причалу в Саутпорте! Текумсе Фокс отправился звонить в здание клуба, и...

– Что?! – выпучил глаза Дервин. – Фокс?!

– Да, он был с ними! Какой-то коп оказался у причала и узнал Фокса. Ему стало любопытно, и он решил заглянуть в катер, пока Фокс ходил звонить, а там сидели двое парней, ну, прямо копия с фотографий Кестера и Уира в газете. Коп вытащил оружие и арестовал обоих, а когда Фокс вышел на улицу, взял и его...

– Где они?

– Едут сюда и прибудут менее чем через час.

Дервин скривился. Он поднял платок и вытер лицо, потом скривился опять.

– Мне это кажется подозрительным, – с несколько озадаченным видом объявил он наконец. – Оставить судно у причала, а в нем этих двоих, прямо на виду, – это совсем не похоже на Текумсе Фокса. Ни секунды не верю.

Миранда вздохнула.

– Сущее наказание этот ваш Фокс, – пробурчала она. – Трижды отклонить приглашение на званый обед...

– Сегодня он пообедает за счет округа, – хмуро пообещал Дервин.

Глава 8

– Вот еще один прекрасный пример, – заметил Джеффри Торп, закидывая ногу на ногу.

– Пример чего? – Окружной прокурор перевел на него недовольный взгляд.

– Гордыни, присущей властям. Их высокомерия. Мой отец тоже обладал властью, знаете ли. Вот почему я вытерпел в его кабинете не больше пары недель, когда начинал входить в курс дел. И вот вы заявляете, что Фокс будет обедать за счет округа, даже не успев его выслушать. Откуда вам знать, что он не обнаружил Люка с Кестером, прятавшихся на необитаемом острове, и уже не направлялся напрямик к вам?

– Доподлинно мне это неизвестно, мистер Торп. Но, думаю, я способен подключить логику и сделать простой вывод. Поскольку Фокс не сообщал о...

– Ладно, забудьте, – махнул рукой Джеффри. – По всему выходит, туман неизвестности вот-вот будет развеян, ведь Люк, очевидно, был там, когда все случилось. Позволю себе дать небольшой совет: не надо слишком давить на него. Я познакомился с Люком, когда был ему по колено и хотел маленьких поблажек. Заставьте его сочувствовать – и он отдаст вам последнюю рубашку, но угрозами его не запугать. Кестер же... Вы знакомы с Кестером?

– Нет, никогда его не встречал.

– Ну, этот слеплен словно по заказу какой-нибудь птицы высокого полета, он вроде вас. Хоть веревки из него вейте, но сперва придется чуточку размягчить парой ударов кувалды... Каким образом, черт возьми, он оказался в обществе Люка?! Или Люк – в его? Как тебе такое, сестренка? Расколешь?

– Понятия не имею, Джеффри.

– Вот и я тоже... – Помолчав, он снова повернулся к представителю властей. – Вы рассказывали о веской причине что-то подозревать?

– Да, мистер Торп, рассказывал, – кивнул Дервин. – Во-первых, племянница Гранта, по-видимому, отчасти кривила душой, уверяя, что незнакома с вашим отцом. А во-вторых, она не поведала нам всей правды о своих действиях тем воскресным вечером в бунгало. Уверяю, что не упражняюсь в свойственном власти высокомерии. Я лишь излагаю факты. Ну, или, по крайней мере, версии, основанные на предположениях с весьма прочными основаниями. Принимая это во внимание и учитывая мою искреннюю убежденность в том, что любые прежние контакты Нэнси Грант с кем-либо из членов вашей семьи могут иметь отношение к убийству вашего отца, все детали таких контактов следует сообщить вла... э-э-э... тем, кто ведет следствие по этому делу. И я настоятельно прошу в подробностях рассказать мне...

– Насчет ее прежних контактов вот с этим членом семьи? С малюткой Джеффом?

– Да. Убедительно призываю...

– Я услышал. – Джеффри подался вперед. – Дело вот в чем. Вчера вы выслушали мою сестру. В глубине души... примем за данность, что у нас обоих есть душа... и она, и я, пожалуй, испытываем некую горечь, думая об отце. Вернее, испытывали. Он не был к нам излишне жесток, никакой романтики в этом роде. Он просто не исполнял своих обязанностей. Глядя на меня сейчас – искушен, умудрен, скуп на эмоции, на короткой ноге с метрдотелем в ресторане «Рустерман», – вы ни за что бы не подумали, будто я проливал когда-то слезы только потому, что отец Джонни Холкомба – видите, боже ты мой, я по сей день помню имя! – провел с ним в зоопарке целый день, тогда как мой собственный отец... он не то что в зоопарк меня не сводил, но даже не нашел времени выслушать, что же я там увидел, когда меня отвела туда помощница гувернантки, у которой зубы были как у грызунов, как у бобра например. Мисс Джандорф, как сейчас помню.

– Лефкорт, – поправила его Миранда.

– Нет же, черт возьми, именно Джандорф! Лефкорт водила меня в океанариум... В общем, сестра была права, заметив вчера, что после смерти матери мы стали кем-то вроде круглых сирот. Убийство отца достойно порицания, и, разумеется, мы крайне возмущены, однако думать, будто наши сердца переполнены горем... вновь допуская, что сердца у нас имеются... в корне неверно. Мы не мечемся в бреду, требуя крови, лишь потому, что не склонны к мстительности. Однако я все же надеюсь, что вы поймаете злодея, который это совершил, и, будь у меня какие-то сведения, способные помочь следствию, я бы с радостью ими поделился. Вчера утром я так вам и сказал. Что подводит меня к самой сути: если миллион полицейских чинов потратят миллион лет на это расследование, им никогда не установить даже намека на связь между смертью отца и моим прошлым знакомством с мисс Грант. Короче, не ваше дело. ЧТД. «Что и требовалось доказать». Так и знал, что не зря хожу на уроки геометрии.

Дервин уронил на стол смятый влажный платок и упрямо повторил:

– Мне кажется, вам все равно следует рассказать мне. Если никакой связи действительно нет и безобидное, мимолетное знакомство...

– Я не называл его «безобидным». Я сказал, оно не имеет отношения к убийству. «Безобидным» наше знакомство как раз не было. Я выставил себя полным придурком, и ее язвительное, исполненное ненависти отращение вполне мной заслужено.

– Ага! Ненависти...

– Да не в том смысле, – опять махнул рукой Джеффри. – Я имел в виду сорт ненависти, расположенный на другом конце спектра. Попробуйте перевернуть понятие ненависти, как блин на сковороде, хотя это требует известной сноровки.

– Вы упомянули язвительное...

– Вычеркните эти слова.

Дервин поджал губы:

– Позвольте спросить, мистер Торп. Вы и вправду... Нет, попробую иначе. Чувства, которые вы можете испытывать к мисс Грант... не заставляют ли они вас желать ей избежать возмездия за убийство вашего отца, окажись она в нем виновна?

Уперев в него прямой взгляд, Джеффри презрительно фыркнул.

– Все-таки дело не в жаре, – веско заявил он. – Во всем виновата влажность воздуха.

Окружной прокурор выдвинул ящик своего стола, вынул из него большую папку, раскрыл ее, окинул взглядом и протянул Торпу:

– Вам уже доводилось это видеть?

Джеффри уставился на папку, а Миранда привстала, чтобы заглянуть внутрь. Там лежала большая фотография – портрет Нэнси Грант с чуть приоткрытыми губами и смешинкой в глазах. В нижнем правом углу имелась надпись, выполненная уверенной рукой, не стеснявшейся в расходовании пространства и чернил: «Никогда не забуду!» Подпись внизу: «Нэнси Грант».

– Я могу ее купить? – выпалил Джеффри.

– Нет. Вы видели этот снимок раньше?

– Нет.

– А вы, миссис Пембертон?

– Нет. Откуда у вас это фото?

– Его нашли в ящике комода в гардеробной вашего отца в нью-йоркском доме.

У Миранды округлились глаза. У Джеффри распахнулся рот. Захлопнув его, он бросил еще один взгляд на снимок в папке и в упор уставился на Дервина:

– Проклятый лжец...

– Нет, это не ложь, мистер Торп, – не дрогнув под пристальным взглядом, произнес Дервин. – Как, впрочем, и это... – Он вновь выдвинул ящик стола. – Вот две перчатки. Как видите, обе желтые, хлопчатобумажные, ткань добротного качества, недурной пошив. Подобного рода перчатки женщины носят летом. Одну из них нашли на траве позади куста в двадцати футах

от окна, сквозь которое Эндрю Грант, по его собственному утверждению, видел вашего отца курившим сигару и слушавшим приемник тем воскресным вечером. Другая была найдена на подножке машины, которую Нэнси Грант припарковала у ворот, доставив туда своего дядю. Мы не нашли...

– Но они обе на правую руку! – воскликнула Миранда.

– Правильно, миссис Пембертон. Мы не нашли доказательств тому, что перчатки принадлежат Нэнси Грант. Ярлычки подтвердят, что обе куплены в «Хартлспуне», а в этот сезон там было продано несколько тысяч пар точно таких же. Не стану делать вид, будто то обстоятельство, что она работает в «Хартлспуне», играет здесь хоть какую-то значимую роль. И все же она была в бунгало вечером воскресенья, и пока у нас нет оснований подозревать, что поблизости могла объявиться какая-то другая женщина. По версии событий, изложенной мисс Грант, она не ходила вокруг дома, а сразу направилась к террасе у входа. Вторую перчатку нашли на подножке машины, которой управляла мисс Грант. Твердых доказательств нет, но возникает повод предположить, что обе перчатки – ее собственность и что одну из них она обронила за кустом перед окном дома, где перчатку и нашли. В таком случае она лжет о своих действиях. Далее, она утверждает, что до вечера воскресенья никогда не встречала и даже мельком не видела вашего отца. И вновь, пусть фотография не в силах это доказать, мы укрепляемся в своем подозрении, что мисс Грант лжет.

– Господи помилуй! – прошептала Миранда.

Джеффри поднялся со стула.

– Куда вы собрались, мистер Торп?

– Хочу сейчас же найти мисс Грант.

– Лучше расслабься, малыш Джефф, – посоветовала Миранда. – Она не станет с тобой говорить.

– Что за чушь... – Он развернулся к сестре, дрожа от негодования. – Ты хоть понимаешь, на что намекает этот прогнивший тюфяк?

– Отлично понимаю! – резко ответила та. – Я также понимаю, что ему действительно хочется найти убийцу отца. Скорее всего, он раскроет это дело, рано или поздно... И если только убийцей окажется милашка Нэнси... во что я ни секунды не верю... тебя ждут адские терзания. И тогда ничуть не помогут ни сжатые кулаки, ни оскорбления...

Дервин решил вмешаться, заговорив в столь же резком тоне:

– Благодарю, миссис Пембертон. Вы правы, это ничем не поможет. Если вы сообразовите присесть, мистер Торп, я объясню кое-что. Мой рассказ о фотографии и перчатках преследовал конкретную цель. Я считал вероятным, что ваш отказ обрисовать свою первую встречу с Нэнси Грант обусловлен тем, что ее сопровождал ваш отец, и если я смогу показать, что уже знаю о...

– Ни черта вы не знаете! О ней – ничего!

– Что ж... у меня есть почва для размышлений. Так ваш отец присутствовал в момент вашей первой встречи?

– Нет!

– И вы готовы рассказать о ней... теперь?

– Нет.

Миранда не удержалась от вопроса:

– А что она сама говорит о фотографии и перчатках?

– Я не смог расспросить мисс Грант об этом снимке. Его нашли лишь этим утром, а когда мне удалось доставить ее сюда, в качестве ее адвоката явился Нат Коллинз и запретил ей отвечать на вопросы, не имеющие прямого отношения к событиям воскресного вечера. Ее слова о том, что она не была знакома и никогда не виделась с Ридли Торпом, занесены в протокол. Равно как и заявление, что перчатки ей не принадлежат и она ничего о них не знает.

– Странно, что обе перчатки – на правую руку. Вы считаете, там могли оказаться две разные женщины в одинаковых перчатках и обе совершенно случайно потеряли именно правую?

– Нет. Возможно, но очень маловероятно. Если одной из женщин была Нэнси Грант и свою перчатку она обронила на подножку машины, зачем ей отрицать это? Если ее перчатка была потеряна в кустах за окном, это уличает мисс Грант во лжи насчет своих перемещений возле бунгало. Предполагать, что там, кроме нее, побывали две другие женщины... Это уже немного чересчур, ведь нет фактов, говорящих о присутствии хотя бы одной. Вероятнее всего, обе перчатки принадлежат некоей женщине, взявшей с собой две правые просто по ошибке... – Дервин взял платок и вытер лицо. – Так или иначе, перчатками занялась полиция. Я упомянул о них и о снимке только в связи с тем, что сказал раньше. Есть и еще один предмет, который я хотел бы обсудить с вами: завещание вашего отца. Не присядете ли, мистер Торп? Спасибо. Вам известно, конечно же, что вы оба являетесь законными наследниками имущества, очищенного от долгов и завещательных отказов. Там оговорен и ряд лиц, которым тоже кое-что причитается. Так, Люк Уир получит пожизненное содержание в размере трех тысяч долларов ежегодно...

Обсуждение этих подробностей несколько затянулось. Затем Дервин захотел услышать об их встрече с Воном Кестером в воскресенье вечером за обедом в гольф-клубе «Грин медоу». В своих расспросах окружной прокурор старался проявлять мягкость и обходительность – по крайней мере, всю ту мягкость, на какую только способен человек, по шее которого пот начинает течь уже через пару минут после того, как он вытерет ее платком. Разговор о Кестере вернул их в итоге к завещанию. Согласно этому завещанию личный секретарь Ридли Торпа получал довольно весомый куш. Речь зашла о возможном значении этого пункта в свете дальнейших событий, когда в дверь постучали и на пороге вырос Бен Кук. Шеф полиции был слишком увлечен своими заботами, чтобы заметить присутствие Торпов.

– Что-то новенькое? – раздраженно спросил Дервин.

– Не знаю уж, насколько оно новенькое, – ответил Кук, – но это похлеще слепней в знойный денек. Я насчет того типа, которого доставили из Порт-Джефферсона и который назвался Ридли Торпом...

– Я просил передать, чтобы ты сам им занялся.

– Это я понимаю, но тебе бы самому с ним потолковать. Он точно уверен на все сто, что его зовут Ридли Торп. Думаю, самый простой способ от него избавиться – это привести его сюда. Пусть сын и дочь на него посмотрят...

– Бред какой-то! Запри его в камере и выясни, кто он на самом деле.

– Говорю же тебе... – настаивал Кук. – Это отнимет не больше минуты. Вы не возражаете, миссис Пембертон?

– Вовсе нет.

– А вы, мистер Торп?

– Нет.

– Даешь добро, Фил?

Дервин пробурчал согласие. Не теряя времени, Кук вышел и весьма скоро вернулся. Войдя, он посторонился, чтобы пропустить вперед двоих мужчин – обоим около шестидесяти; один невысокий, но не шуплый, с загорелым дочерна лицом; второй повыше, более статный и властный. Второй, шагнув в центр комнаты, прогудел:

– Как дела, детки?

Медленно отрываясь от стула, на котором сидела, Миранда не сводила с вошедшего широко раскрытых, изумленных глаз. Джеффри, не в силах подняться от потрясения, продолжал сидеть, и его лицо делалось все бледнее.

– Ну и?.. – снова прогудел второй.

Не отрывая от его лица вытаращенных глаз, Миранда не спеша подошла к нему вплотную, глядявдалась еще секунд пять, а потом проговорила напряженно и едва слышно:

– Мы как раз обсуждали с мистером Дервином твое завещание.

– Что?.. – поднялся из-за стола Дервин. – Какого?.. Что вы?..

– Это мой отец, мистер Дервин. Или его призрак.

– Призрак...

Джеффри, чье лицо успело окончательно побелеть, тоже оказался рядом. Устремив взгляд прямо в глаза более высокому из двоих вошедших мужчин, он сипло выдавил:

– Точно. Это ты.

– Да, мальчик мой, это я.

– Призрак! Я... что... – несвязно бормотал окружной прокурор, пока не собрал силы, чтобы воззвать к Миранде: – Вы ошибаетесь... Это какая-то...

– Никакой ошибки! – зычно объявил человек, застывший в центре комнаты. – Я Ридли Торп, собственной персоной. А это мой старый приятель Генри Джордан. Генри, не думаю, что ты уже знаком с моими сыном и дочерью. Пожмите руки... Миранда. Джеффри. Я устал и с удовольствием присяду.

Глава 9

Все они расположились вокруг стола, кроме Бена Кука, который сел у стены, по обыкновению оперев в нее спинку стула, и Дервина, который остался стоять, всем видом выражая настороженность и недоверие. Председательствовал Ридли Торп. Пусть небритый, взъерошенный и помятый, он все-таки не зря двадцать лет кряду возглавлял бурные встречи совета своих директоров.

– Для начала, – заявил он Дервину, – вы сядете на телефон и немедленно прекратите вмешательство в мои дела. Все, кому не лень, суют свой нос в бумаги, роются в вещах и в делах! Отзовите назад своих ищек.

– Ну уж нет! – помотал головой Дервин. – Начнем мы с другого. Сперва вы должны убедить меня в такой необходимости. Или вы считаете, что я стану...

– Очень хорошо, попробую убедить. Меня зовут Ридли Торп. Мои сын и дочь...

– Ваш сын опознал останки как...

– Не перебивайте! Меня узнали мои сын и дочь. Бывало, я проводил выходные в том бунгало, чтобы хоть немного побыть одному, но весть об этом разлетелась слишком широко, и меня это корбило. Три года назад я наткнулся на человека, очень похожего на меня, и нанял его приезжать на уик-энды в бунгало, изображая меня самого. Это дало бы мне свободу наслаждаться истинным отдыхом в тех местах и в том окружении, которые я счел бы подходящими. Так я и сделал. С той поры я проводил выходные за различными невинными развлечениями, оставаясь неузнанным, ведь публика считала, будто я отправился в свое бунгало, в чем несложно было убедиться благодаря моему двойнику. Частенько я совершал небольшие прогулки на катере моего друга Генри Джордана. Вечером прошлой пятницы я навестил его снова. Обычно я возвращался вечером в субботу или утром в воскресенье, но на этот раз из-за жары я устал сильнее обычного и предпочел остаться на воде. Мы бросали якорь в различных точках пролива, рыбачили, болтали, отдыхали и...

– Вы ни разу не сошли на берег?

– Нет. На этом катере я могу забыть об окружающем мире и дать отдых своим нервам. Мы оказались на берегу только сегодня днем, после бури. Спрятались от нее, бросив якорь в маленькой бухточке на Лонг-Айленде. Когда гроза закончилась, мы дотянули до Порт-Джефферсона и сошли на твердую землю... Я собирался вернуться к работе... и первое, что увидел, были здоровенные заголовки о расследовании моего убийства. Поезда пришлось бы

дождаться битый час, поэтому я направился в полицейский участок и заявил, что мне нужна машина. Там мне долго не хотели верить, и, думаю, не стоит их в этом винить. Но вот я здесь. – Торп повернулся к своим детям. – Прости, Миранда, что тебе пришлось все это пережить. И ты, Джеффри. Зато у вас возникла удобная возможность прочесть мое завещание. Ну и как, не обделил я вас?

– Там все справедливо, – кивнула Миранда, не сводившая с отца глаз. – Но я заранее знала, что так и будет. А вот потрясение я испытала дважды. Первый раз... да, это был шок. А теперь я совсем раздавлена.

– Ну еще бы! Вы оба уже считали себя мультимиллионерами. А теперь вернулись к тому, чтобы приставать к Вону с угрозами поймать меня в добром расположении духа и вытрясти лишних двадцать ты...

– Я не это имела в виду, отец. Сам сюрприз оказался сокрушительным.

– Верно. Так и есть, – тихо подтвердил Джеффри.

– Да, мой мальчик, тебя тоже это потрясло. Что ж, я не умер. Кстати говоря, где же Вон? Во имя всего святого, по дороге сюда я читал газету. А вы, стало быть, окружной прокурор Дервин, ведете расследование моего убийства? Силы небесные, это такое фантастическое безобразие! Немедленно прекратите вмешательство. Не желаю, чтобы целая армия незнакомцев... Короче, давайте сюда телефон.

– Одну минуту. – Упав в свое кресло, Дервин накрыл ладонью телефон и повернулся ко второму действующему лицу драмы. – Ваше имя – Генри Джордан?

– Да, сэр.

Глубоко сидящие серые глаза Джордана смотрели прямо, а голос был тих и спокоен.

– Род ваших занятий?

– Я флотский офицер на пенсии.

– Где проживаете?

– На Сити-Айленде. Айленд-стрит, девятьсот сорок четыре.

– Как долго вы там живете?

– Пять лет. С момента выхода на пенсию.

– Вы подтверждаете сказанное этим человеком?

– Целиком и полностью.

– Это Ридли Торп, финансист и глава корпорации?

– Он самый.

– Как долго вы его знаете?

– Семь лет. Когда мы впервые встретились, я был вторым помощником капитана на «Седрике», а он пассажиром.

Дервин бросил в сторону, Бену Куку:

– Отправьте человека на Сити-Айленд, чтобы все это проверить. Адрес записан? – Когда Кук кивнул и вышел, чеканя шаг, Дервин повернулся к Миранде. – Насколько вы уверены в том, что этот человек – ваш отец?

– Абсолютно уверена. Конечно это он.

Взгляд прокурора метнулся к лицу Джеффри.

– И вы тоже уверены?

Джеффри кивнул, не отрывая глаз от призрака.

– Скажите это вслух, – надавил на него Дервин.

– Само собой, уверен. Почему бы и нет?

– Вопросы задаю я. Вы с той же уверенностью опознали своего отца в морге.

– Меня не спросили, уверен ли я. Просто у меня не... не было причин сомневаться. Тот человек был в точности на него похож... только... он был мертв. И вот передо мной мой отец, живой и здоровый.

Окружной прокурор хмуро оглядел Джеффри, а затем медленно перевел тяжелый взгляд сперва на его сестру, затем на Генри Джордана и, наконец, на призрака.

– Я бы сказал, – проворчал Дервин, – что «фантастическое безобразие» – это еще чертовски мягко сказано. Мне потребуется от вас письменное заявление, мистер Торп, с копиями для представителей прессы. От вас тоже, мистер Джордан. Господи, какой разразится скандал!.. – Он с отвращением уставился на телефонную трубку, которую по-прежнему сжимал в руке, и с кислой миной поднес ее к уху, чтобы распорядиться: – Найдите полковника Бриссендена. Он где-то в Нью-Йорке – вероятнее всего, в доме Торпа. Разыщите его. Отправьте пару человек, кто у вас там свободен. Как только я закончу разговор с полковником, мне нужно поговорить с Джо Брэдли...

Девять минут спустя новость достигла радиостанций. Длинные волны, короткие волны, старомодные звуковые волны – все они разом пришли в движение, возбужденно вибрируя на все голоса. Редакторы городских новостей кричали в полный голос, и телефонные линии распространяли новость все дальше и дальше, чтобы мигом родившиеся слухи исказили ее до неузнаваемости. Из трех разных точек Нью-Йорка немедленно направились на север сразу три автомобиля со съемочными группами кинохроники. У пристани на набережной Порт-Джефферсона стоявший на часах полисмен арестовал прохвоста, попытавшегося умыкнуть из кабины «Армады» диванную подушку в качестве сувенира...

Сидя у себя в кабинете, окружной прокурор Уайт-Плейнса Дервин ожесточенно вытирал лицо насквозь мокрым платком, пытаясь вернуть себе невозмутимость профессионала ради того, чтобы совладать с совершенно дикой, нелепой ситуацией. Ридли Торп вместе со своим приятелем Генри Джорданом диктовали взвешенное заявление стенографистке, у которой от волнения тряслись руки. Миранда демонстративно воспользовалась пудреницей, а Джеффри обмяк на стуле и, плотно сжав губы, погрузился в мрачные раздумья.

Такова была обстановка в кабинете окружного прокурора, когда дверь открылась и кто-то из полицейских ввел в комнату еще троих человек. Вошедший первым Вон Кестер казался бледным, измученным и напряженным; глаза Люка Уира грозили выскочить из орбит; одежда Текумсе Фокса выглядела помятой, а лицо – сердитым, но его походка по-прежнему был быстрой и легкой, можно даже сказать – беспечной.

Вскочив, Дервин обрушился на полицейского:

– Разве я не приказал... Выведите их отсюда и...

Тем не менее ситуация уже полностью вышла из-под его контроля. В кабинете воцарился бедлам, в котором все присутствующие приняли живое участие. Увидев своего работодателя, Люк и Кестер бросились к нему. Миранда осыпала Кестера восклицаниями. Джеффри подскочил к Люку, вцепился ему в рукав и принялся что-то кричать. Фокс встал в стороне, спокойно наблюдая за происходящим. Дервин отбросил всю свою невозмутимость и принялся бестолково и бесполезно орать.

Наконец из общей неразберихи стали выделяться отдельные голоса. Ридли Торп властно гудел:

– Говорю тебе, все это время мы плавали вдоль берегов Лонг-Айленда! Ты должен был найти нас в понедельник! Непростительная безалаберность...

Миранда:

– Но, Вон, почему же ты не...

Джеффри:

– Что случилось, Люк, черт тебя подери?! Как...

Кестер:

– Я старался как мог, сэра...

Люк:

– Я говорил мистеру Кестеру, что нам следует...

Дервин:

– Говорю тебе, я требую...

Чей-то баритон поборолся за пространство и одержал победу:

– Прошу вас, не все разом!

Текумсе Фокс, оказавшийся в общем клубке, схватил Кестера за плечо и развернул к себе:

– Это действительно мистер Торп?

– Да, и я пытаюсь объяснить ему...

– Помолчи, Вон. Кто вы такой?

– Я Текумсе Фокс. Кестер нанял меня помочь в ваших поисках. Окружной прокурор...

– Я хочу, чтобы...

– Догадываюсь, чего вы хотите, мистер Дервин. Довольствуйтесь пока тем, что есть, но быстрее всего будет выслушать меня. Кстати, вы воспользовались моим советом и скупили акции «Торп контрол» в момент падения?

– Какого дьявола...

– Вот и славно, как-нибудь потом я вернусь втереть соль в эту вашу рану. Информация Эндрю Гранта насчет того, что он видел Ридли Торпа слушавшим оркестр по радио, показалась вам лживой. Я же посчитал, что он видел вовсе не Ридли Торпа – живого на тот момент или мертвого позднее. Вчерашним вечером я подбросил Дикю Барри небольшое объявление для передачи в эфир в качестве наживки. И Вон Кестер тут же на нее клюнул. Мистер Торп уже рассказал вам о том, где был он сам и насчет своего двойника?

– Рассказал, – вклинился Торп, – и вы не...

– Простите, мистер Торп, но сейчас битой размахиваю я... Кестер позвонил мне сегодня в три часа ночи, мы встретились, и Люк Уир был с ним. Люк, которому было доверено хранить тайну о том, что человек в бунгало вовсе не Торп, ударился в панику и сбежал, когда того человека убили. Люк даже не знал, где сам Торп, потому связался с Кестером, и они на время затаились, чтобы все обдумать. Кестеру было известно, что Торп должен где-то отдыхать – скорее всего, в проливе Лонг-Айленд на катере с Генри Джорданом. Но он не знал, где именно их следует искать. Он не был уверен в том, что Торп все еще жив, несмотря на уверения Люка, что убит был именно двойник. Кестер не смог бы понять, что же произошло на самом деле, пока Торп не будет найден. Вчера они с Люком приступили к поискам. Нанять судно побоялись и прочесывали пролив с берега. Поздний вечер застал их на пирсе в Хантингтоне, где они и услышали – с лодки, стоявшей на якоре неподалеку, – как Дик Барри выдает в эфир мою подказку. Это перепугало их вчистую. Кестер позвонил мне, и мы встретились.

– И все это время я...

– Позвольте мне закончить, мистер Торп. Так вот, Кестер заручился моей помощью в своем поиске. У Дона Картера в Саут-Норуолке я взял напрокат катер и, отплыв к безлюдной полоске берега, посадил в него Люка с Кестером. Это произошло сегодня утром, около одиннадцати. Весь день мы бороздили пролив, обыскивая оба берега...

Торп громко фыркнул:

– Мы весь день простояли на якоре в бухточке неподалеку от Порт-Джефферсона, у всех на виду...

– Значит, мы могли не заметить вас, проплыв мимо во время грозы. Прошу прощения. Мы чуть не утонули. В половине седьмого мы причалили к набережной в Саутпорте, потому что мне нужно было срочно позвонить парню, который ждал меня в машине в Саут-Норуолке. По неприятному стечению обстоятельств на причале меня заметил коп, который затем обнаружил в катере Кестера с Люком, – и арестовал всех троих.

– Вы были арестованы, будучи уличены в укрывательстве беглецов от правосудия! – негодуя, просипел Дервин.

– Помилуй боже! – поморщился Фокс. – Кто же отправляется собирать ракушки в час прилива? Никакие они не беглецы от правосудия. Люк и Кестер отчаянно пытались найти Торпа, чем вы и сами могли бы заняться, если бы сумели верно оценить мой намек по радио. Жалею только, что не нашел Торпа сам и не доставил прямо сюда, в ваши объятия. Это доставило бы мне настоящее удовольствие. Но очевидно... Как же вы попали сюда, мистер Торп? Сошли где-нибудь на берег?

– Да, в Порт-Джефферсоне. И сразу увидел газетные заголовки... Господь всевышний, это еще что?!

Вздвигнув, все обернулись, но в тот же момент все было кончено. Шорох у одного из открытых окон; чье-то ехидное лицо; протянутая в помещение мужская рука; неопределенный предмет, блестящий отражением в полированной линзе, а затем внезапный хлопок и слепящая вспышка. Миранда взвизгнула в прижатую к губам ладонь. Люк устремился к окну. Текумсе Фокс рассмеялся. Объятый яростью Дервин завопил полисмену:

– Беги, лови его! Выставь там охрану! Ей-богу, фотографии уже лазают по стенам, как марьяшки! Или, может, пожарные одолжили ему лестницу?

– Вы явно нервничаете, – сочувственно сказал ему Фокс. – Подпрыгнули на целых три фута...

– Да ну, неужели правда? Нервничаю, да?

– Еще как нервничаете, и я вас не виню. Вскоре вас ждет вселенский хохот, ведь вы всю расследовали убийство, когда дверь открылась и вошел убитый. Подумайте, до чего вам было бы спокойнее, не раззли вы меня вчера. Где человек, на которого я работаю, где Эндрю Грант? Теперь он может быть свободен, не так ли?

– Он и без того свободен. Вышел под залог... – Дервин обогнул свой стол, не спеша сел, обвел хмурым взглядом собравшихся в кабинете и остановил его на возмущенном лице Ридли Торпа; у окружного прокурора дрогнула челюсть, но он сумел взять себя в руки. – Мистер Торп, – начал он, – вы ведете дела поистине с широким размахом, я считаю вас фигурой общенационального масштаба. Вас знают повсюду в стране. Бесспорно, я бесконечно уважаю ваше положение, ваше... высокое положение. Ваше внезапное появление здесь создало неслыханную ситуацию... как выразились вы сами, фантастическое безобразие, но вы не несете за это ответственности. Я определенно не вижу состава преступления в том, чтобы нанять кого-то выдавать себя за вас в стенах вашего собственного дома, а самому наслаждаться приватной атмосферой где-то еще. Вы должны понимать, что я всецело уважаю ваши права и ваши заслуги перед обществом. Но... пускай я очень доволен... то есть я рад... что вы живы и невредимы, факт остается фактом: в округе моей юрисдикции убит человек, а в текущем состоянии дел мне даже имя его неизвестно.

Торп опустил брови:

– Его звали Кори Арнольд.

– Кем он был?

– Архитектором... – Торп покосился на стенографистку, которая заносила в свой блокнот его заявление. – Вы это тоже запишите. Я хорошенько изучил жизнь Арнольда, когда нанимал его три года назад. Ему было пятьдесят восемь, на два года старше меня. Родился в Зейнсвилле, штат Огайо. Выпускник Технологического института Стивенса. Отец и мать умерли. Два брата: один – аптекарь в Колумбусе, штат Огайо, другой – страховой агент в Сан-Франциско. Сестер нет. Женится в Бостоне в тысяча девятьсот девятом году; жена умерла в тридцать втором. Одна дочь, замужем и живет в Атланте; сыновей нет. Когда я нашел его, Арнольд жил в Бруклине, в пансионе на Арчер-стрит, дом шестьсот сорок три. Я хорошо платил ему, и последние два года он проживал в квартире на Манхэттене – Восточная Тридцать восьмая улица, дом четыреста шесть. Я познакомился с ним, поместив объявление о поиске человека, готового позировать

для бюста Гладстона⁴. Так вышло, что форма моего черепа и черты лица имеют разительное сходство с Гладстоном. Судя по всему, Арнольд был приличным архитектором, но за пару лет получил единственный пустячный заказ и в результате нуждался в деньгах. Он был довольно худощав, когда я нашел его, но всего за месяц правильной диеты моя одежда пришлось ему почти впору. Прежде он курил сигареты, но перешел на сигары, когда стал изображать меня, пил умеренно, мыслил трезво, много читал биографии знаменитых людей и книги по истории Америки... Вы хотите слушать дальше?

– Пока этого будет достаточно, благодарю вас, – скривил губы Дервин. – Чем Арнольд занимался в те дни, когда не изображал вас?

– Наслаждался жизнью. Как уже сказано, я хорошо платил ему. Каждую неделю он докладывал мне о своих действиях... естественно, я должен был за ним присматривать. Зимой – музыка и театры, летом – гольф...

– Спасибо, – вновь скривился Дервин. – Вы уже видите, конечно, тот первый узелок в этом спутанном клубке, который надлежит развязать. Если и не самый первый, то, во всяком случае, критически важный. Человек, стрелявший через окно вашего дома в тот воскресный вечер... Как вы думаете, в кого он стрелял – в Ридли Торпа или в Кори Арнольда?

Торп уставился на него в упор:

– Так ведь убийца думал, что это я.

– Надеюсь. В таком случае у нас появляется невероятное преимущество: мы можем выслушать версию того, кого убивали. Видите ли, мистер Торп, меня как окружного прокурора в первую очередь заботит убийство. И хотя вы, естественно, сожалеете о трагической судьбе Кори Арнольда, вы – и, вероятно, все в этой комнате, за исключением меня, – озабочены другими деталями этой сенсационной истории... поскольку жертвой стал неудачливый архитектор, нанятый вами на роль двойника... меня в основном заботит убийство. Фактически только оно меня и интересует. Я хочу найти виновного и предать его в руки правосудия.

– Помилуй боже, я хочу того же!

– Ну разумеется. Я высоко ценю... Простите... – Прокурор повернулся к телефону, чтобы ответить на звонок.

Разговор вышел долгим, и со стороны Дервина состоял по большей части из кряхтения. Остальные тем временем тоже завязали беседу тихими голосами. Беседа эта продолжалась и после того, как Дервин повесил трубку, однако он положил ей конец:

– Прошу вас! Как я уже говорил, мне нужен убийца. Такая у меня работа. Я хотел бы допросить вашего слугу Люка Уира...

– Как и я сам! – объявил Торп. – По пути сюда я читал газету и знаю только то, что там было написано. Во имя всего святого, что... что там произошло, Люк?

– Нет! – огрызнулся Дервин. – Задавать вопросы буду я, мистер Торп. – С этими словами он нацелил свой цепкий взгляд на цветного мужчину. – Итак, где вы находились, когда раздались выстрелы?

Глава 10

Люк сидел, вытянувшись в струнку, на стуле за спиной своего хозяина и производил тихие свистящие звуки прижатым к зубам языком.

– Двигайте свой стул ближе, – желчно уронил Дервин, – чтобы я мог вас лучше видеть. Где вы были в момент стрельбы?

⁴ Уильям Гладстон (1809–1898) – британский государственный деятель и писатель; политик либеральных взглядов, четырежды избиравшийся на пост премьер-министра.

Люк приподнял себя на дюйм, сдвинул стул вперед на шесть дюймов и вернулся к производству странного свиста.

– Вы лишились дара речи? – взорвался Дервин.

Люк покачал головой.

– Нет, сэр, – тихо, но твердо произнес он. – Мои голосовые связки вполне исправны. Я стараюсь быть осторожным в высказываниях, потому что осознаю превосходство...

– Не томи душу, Люк! – выпалил Джеффри.

– Да, мистер Джеффри. Когда прогремели выстрелы, я был в своей комнате, писал письмо редактору «Гарлемского курьера».

– Я читал его, – утвердительно кивнул Дервин. – Оно осталось там, на столе. Ваша комната – та, что справа от кухни?

– Да, сэр.

– Что вы предприняли, услышав выстрелы? Сколько их было?

– Я слышал только два – подряд, почти без перерыва. Поначалу я счел их выстрелами, но затем подумал, что они могли быть частью трансляции: приемник играл очень громко. И все же, как мне кажется, через три-четыре минуты я забеспокоился и отправился заглянуть в гостиную. Представшее моим глазам зрелище было худшим из всех, что я когда-либо видел. Я подбежал к лежащему и понял, что все уже кончено. Кровь застыла в моих жилах. Психологические...

– Что вы предприняли?

– Да, сэр. Когда в моих жилах застыла кровь, по причинам чисто психологического свойства у меня возникло впечатление, что убит мистер Торп, на которого я работал больше двадцати лет. Это впечатление создалось у меня только потому, что за три года я приучил себя говорить и думать об этом господине, пока он в бунгало, как о мистере Торпе. Потом я сообразил, что он вовсе не мистер Торп. Убили того, другого. Я решил, что единственно правильным будет подчиниться приказу: никогда, ни при каких обстоятельствах не вызвать у кого-либо подозрений, что этот человек не мистер Торп. А затем до меня дошло, что разнесшаяся повсюду весть о смерти мистера Торпа вызовет всяческие неудобства. Не зная, где сейчас сам мистер Торп, я понял, как нужно поступить: следует срочно позвонить мистеру Кестеру. Но затем я подумал, что звонить из бунгало будет некстати, ведь все, что здесь происходит, позднее непременно привлечет внимание. Мне стало ясно, что я не смогу воспользоваться телефоном, а любой, кто прибежит на звук выстрелов, стеснит свободу моих передвижений. Поэтому я сел в машину и уехал оттуда.

– Вы заметили машину, стоявшую на обочине дороги за воротами?

– Да, сэр. Это лишь усилило во мне желание поскорее убраться прочь. Выворачивая руль, я чиркнул по той машине задним крылом и сбил бы стоявшую там женщину, если бы та не отпрыгнула, потому что не видел ее, пока она не оказалась прямо передо мной. Я еще долго переживал за нее, надеясь, что она не была убийцей, ведь я никогда в жизни не сбивал живое существо на машине...

– Она в полном порядке. Куда вы направились?

– Я свернул на запад, не доезжая до Маунт-Киско, а потом ехал по дороге через Милвуд до Чаппакуа. Там я остановил машину и какое-то время просидел в ней, все обдумывая, а затем вошел в аптеку и позвонил мистеру Кестеру в гольф-клуб «Грин меду». Полиция только что связывалась с ним, и он уже одевался. Я доехал до Пайнс-Бриджа, там мы встретились и, поговорив, решили найти мистера Торпа. Сначала мы хотели попытаться...

– Вернемся пока в бунгало. Когда раздались выстрелы, вы сидели в своей комнате, правильно?

– Да, сэр.

– Вы кого-нибудь видели, слышали? Какой-нибудь шум?

- Нет, сэр, приемник играл так громко, что...
- На протяжении уик-энда кто-нибудь приходил в дом повидаться с Арнольдом?
- Нет, сэр. Никто не мог попасть на территорию. Ворота всегда заперты. Их не открывали даже для доставки заказов. Я все привозил сам, забирая покупки в Маунт-Киско.
- Может быть, Арнольд отвечал на чьи-то звонки?
- Нет, сэр. Это попросту невозможно. Будучи в бунгало, он становился мистером Торпом. Мы ни на секунду об этом не забывали, мы оба. Если вдруг звонил телефон, я снимал трубку. И звонил всегда только мистер Кестер с новыми распоряжениями.
- А мистер Кестер хотя бы раз звонил в те выходные?
- Нет, сэр. Обыкновенно он звонил, чтобы сказать, когда нам уехать. Мистер Торп возвращался либо домой, либо в свой офис.
- Что послужило причиной вашей с Арнольдом ссоры?
- Нашей... с ним ссоры? – заморгал Люк.
- Об этом я и спрашиваю. В чем там было дело?
- Ридли Торп решительно вмешался:
- Вздор! Если вы состряпали теорию, будто Люк...
- Я не стряпаю теорий! – рявкнул в ответ Дервин. – Бог свидетель, их и без того предостаточно, чтобы измышлять новые. Может, хотите послушать парочку?
- Я хочу послушать все, какие есть. Мне нужна предельная ясность.
- Как и мне. – Без тени испуга Дервин встретил испепеляющий взгляд Торпа. – Сейчас я перескажу несколько, кратко и без обиняков. Первая: Люк Уир повздорил с Арнольдом и убил его. Вторая: Вон Кестер, зная, что это Арнольд, а не вы, убил его ради финансовой выгоды... Нет, дайте мне закончить! Мистер Торп пожелал их услышать. Третья: Эндрю Грант, считая, что Арнольд – это вы, убил его ради мести или имея некий другой мотив. Четвертая: Нэнси Грант, пребывая в том же заблуждении, убила его ради мести или имея некий другой мотив. Пятая: Джеффри Торп, пребывая в том же заблуждении, убил его ради наследства. Шестая: Миранда Пембертон, пребывая в том же заблуждении, убила его ради наследства. Седьмая: вы сами, отлично зная, что это Арнольд, убили его ради финансовой выгоды. Восьмая: кто-то из врагов Арнольда узнал, где его найти, и свел с ним старые счета. Девятая: кто-то из ваших врагов расправился с ним, думая, что убивает вас. Пока это все версии, и каждая правдоподобна. Я ни одну не вправе сбросить со счетов.
- Но вы вправе подробно остановиться на парочке из них, – сухо сказал Вон Кестер. – Как бы мистер Торп или я финансово выиграли от убийства Арнольда?
- Дервин заглянул в холодные, бледные глаза секретаря:
- На это, мистер Кестер, я могу ответить, повторив обрывок сведений, недавно полученных мной по телефону. Вчера и сегодня на бирже продано более ста тысяч акций «Торп контрол» по цене от двадцати девяти до сорока пунктов. Если были продажи, то были и покупатели! Когда же выяснится, что мистер Торп жив-здоров, цена на завтрашних торгах подскочит до прежних восьмидесяти. Кто бы ни купил эти доли, выгода выйдет приличной.
- Ридли Торп негромко поинтересовался:
- Вы осмеливаетесь намекать, будто...
- Ни на что я не намекаю. Вы спрашивали о версиях. Едва ли нужно пояснять, что подобное обвинение в адрес человека с вашим положением никто и не подумает предъявить без твердых доказательств, а у меня никаких фактов нет и в помине. Всего лишь час... ну, два часа тому назад... я вообще считал вас погибшим. Однако эта версия применима как к вам, так и к мистеру Кестеру. Версия о его участии, которая прежде рассматривалась...
- Могу я узнать, в чем она состояла? – усмехнулся Кестер.
- Исключительно для протокола, если пожелаете. Эта версия уже устарела, поскольку вы знали наверняка: человек в бунгало не был Торпом. Все дело в том, что, как стало известно

следствию, вы имели виды на женитьбу на дочери Торпа, и если бы та получила многомиллионное наследство... Кстати, версия не исключала возможности преступного сговора...

– А также возможности того, что это я наняла Кестера убить моего отца или мы оба, вместе с Джефффри, пока обедали с ним в прошлое воскресенье, – спокойно добавила Миранда. – Стыдитесь, мистер Дервин! Это попросту гадко.

– Вывод сам напрашивается, миссис Пембертон. Когда расследуешь убийство, нередко приходится сталкиваться с гадостями.

– Если позволите, – ледяным тоном вставил Кестер, – небольшой комментарий вашему заявлению, будто я мечтаю сыграть свадьбу с дочерью мистера Торпа. Действительно, в прошлом...

– Это уже не имеет значения, – прервал его Дервин. – Хочу заметить, большинство высказанных версий на данный момент взяты с потолка. Но очевидно, те из них, что подразумевают вовлеченность Грантов – дяди и племянницы...

– Взяты с того же потолка! – нетерпеливо отрезал Ридли Торп. – Эти газетные небывлицы... только потому, что парень туда отправился...

– Разве вы знакомы с Грантами, мистер Торп?

– Нет. Впервые о них слышу. Надо полагать, простой работник одного из рекламных агентств, которые сотрудничают с некоторыми из моих компаний...

– То есть прежде вы ни с кем из них не встречались?

– Ни разу.

– Удивительное дело... – протянул Дервин, выдвигая ящик своего стола. – Может, тогда вы потрудитесь объяснить, как эта вещь угодила на дно ящика комода в гардеробной вашего нью-йоркского дома?

Торп принял подписанную фотографию Нэнси Грант, окинул ее быстрым взглядом, позволил выхватить ее у себя первой подвернувшейся руке, обладателем которой по случайности оказался Текумсе Фокс, и поднялся. Оба кулака он упер в стол и навалился на них, нависая над окружным прокурором.

– Вы хотите сказать... – прошипел он голосом, дрожащим от вскипевшего негодования, – вы... хотите сказать, что какие-то люди устроили обыск в моих апартаментах? В моем доме? – Подавшись вперед, он подвинул собой тяжелый стол. – То есть вы в самом деле имели наглость...

– Господи боже, мы ведь считали вас убитым!

– Меня не убивали! Я жив! Если хоть что-то, любая безделушка исчезла из моей резиденции, я требую немедленно вернуть ее на место! Вы поняли? Куда делся тот снимок? Куда я его сунул?

– Он у меня, – сказал Фокс.

– Вот и держите его при себе! – Дрожащим пальцем Торп указал на ящик стола окружного прокурора. – Что еще из моего имущества там припрятано?

– Ничего. Ту фотографию изъяли только потому... Право, мистер Торп, это же смешотворно. Мы расследовали убийство, и следствие еще не завершено. Что за ребяческие...

– Вот как? Я похож на ребенка, да? А вы сами? – Торп снова обрушил кулак на стол. – С этими идиотскими версиями насчет моих сына и дочери, моего секретаря и слуги, а также семейки Грант, кого я и в глаза-то не видел! Вы теряли время, заставляя меня составить официальное заявление о морской прогулке и расспрашивая Люка, о чем они там ссорились! Дурак! Отчего бы вам не спросить напрямик, кто меня убил... убил Арнольда? Силы небесные! Так вам сказать или нет? А я скажу! – Он полез в карман за каким-то предметом и швырнул его на стол. – Вот вам! Кто бы ни прислал это, он и есть убийца Кори Арнольда! Эх вы, с вашими сумасбродными теориями!

Дервин поднял со стола вскрытый конверт и вынул листок бумаги. Все остальные сидели, пожирая окружного прокурора глазами, кроме Торпа и Фокса, который встал, когда Дервин развернул листок и сначала быстро пробежал послание, а затем прочитал медленно и внимательно.

Фокс протянул руку:

– Можно взглянуть?

– Нет, – тут же ответил Дервин и поднял глаза на Торпа. – Когда вы...

– Дайте это ему.

– Но мне понадобится...

– Я сказал: дайте ему! Это мое!

Фокс взял листок, а заодно небрежным движением руки забрал со стола и конверт.

Торп повернулся к нему:

– Оставьте себе. И займитесь этим. Ваше имя – Текумсе Фокс? Я слышал о вас. Очевидно, у вас голова работает, ведь вы сами сообразили, что убили кого-то другого, а не меня. Хорошая голова еще понадобится...

– Но мне нужна эта бумага! – выпалил Дервин. – Она крайне важна для...

– Молчать! – рявкнул Торп. – Прекратите меня перебивать! – потом обратился к Фоксу: – Где вы ведете свои дела? В Нью-Йорке?

– У меня нет собственного офиса. А живу я к югу от Брустера.

– Можете приехать в мой нью-йоркский офис в девять утра?

– Могу.

– Отлично! Спросите там Кестера, и он проведет вас ко мне. Вон, как только он появится, немедленно отведи его в мой кабинет... Я устал и проголодался. Тебе будет лучше поехать со мной и переночевать в Мейпл-Хилл. А вы, дети? Куда отсюда направитесь?

– Новость застала меня в постели в Мейпл-Хилл прошлой... воскресной ночью, – ответила Миранда. – Эту ночь я провела там же. Как и Джефф.

– Тогда мы поедem все вместе. Машина у вас поблизости? Хорошо. – Покончив с этим, Торп оглянулся на стенографистку. – Не скажете, что мешает вам распечатать показания? Тогда мы смогли бы их подписать и уйти...

Стенографистка вспыхнула, поднялась и поспешно скрылась за дверью.

Дервин твердо объявил:

– Мне нужна эта бумажка. И я еще не закончил с Люком Уиром. А затем я захочу побеседовать с мистером Кестером...

– Эта бумажка принадлежит мне! – отрезал Торп с видом человека, готового вновь ударить по столу кулаком. – Завтра я пришлю вам фотокопию. Фокс, запомните: оригинал будет храниться либо у нас, либо в полиции Нью-Йорка. Полагаю, мне следовало сразу отнести туда это письмо, но я был слишком занят текущими делами. Люк прислуживает мне, и он нужен для... Смотрите на меня! Если вы намерены и дальше забрасывать его каверзными вопросами, приезжайте завтра в Мейпл-Хилл. С Кестером можете беседовать в моем нью-йоркском офисе, но на всякий случай звоните заранее. Если вдруг захотите увидеть меня самого, обратитесь к адвокатам из конторы «Бьюкенен, Фуллер, Макпартленд и Джонс»... Да, Генри? Ты что-то хочешь сказать?

– Давно пытаюсь. – Невысокому жилистому моряку пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться взглядом с Торпом. – Я слегка переживаю за свой катер. Мне бы попасть на него поскорее, да я сомневаюсь насчет автобуса или парома из Бриджпорта...

– Прошу прощения, – вмешался Текумсе Фокс. – Вы ведь Генри Джордан, правильно? Владелец катера, на котором отдыхал мистер Торп?

– Он самый.

– На вашем месте я не пытался бы вернуться туда сегодня же. Прямо сейчас вы и ваш катер – излюбленные темы газетчиков. Пожалуй, вас еще окрестят «Отшельником с „Армады“». Интервью и вспышки фотокамер обеспечены и днем и ночью. Даже с автоматом от них не отобьетесь. Но спрятаться дома тоже не удастся. Рекомендую заночевать сегодня у меня в гостях. В моем доме полно свободных комнат.

– Я за катер переживаю.

– О нем позаботятся полицейские.

– Он прав, Генри, – согласился Торп. – Езжай к нему или можешь отправиться с нами в Мейпл-Хилл.

Джордан с сомнением покрутил подбородком:

– Даже не знаю...

Закончить мысль ему помешало внезапное вторжение, но на этот раз кабинет окружного прокурора подвергся атаке не со стороны окна, а из приемной. Оттуда послышались глухие удары и шаркающие звуки, после чего дверь с силой распахнулась, а половицы дрогнули под ногами вошедших: новый посетитель передвигался не столько шагом, сколько прыжками. На нем висели, сдерживая его продвижение, еще четверо: двое в форме полицейских и еще двое – в гражданском. Не задержавшись на пороге, их добыча в два прыжка оказалась рядом со столом: исполинский заяц с повисшими на нем гончими. Сидящие встретили их появление восклицаниями, которые выражали испуг и изумление, и поспешили вскочить со своих мест, чтобы не оказаться затоптанными. Дервин поднял возмущенный лай.

Мужчина уставился на Текумсе Фокса, не обращая никакого внимания на тянущиеся схватить его руки полицейских, и глубоким громовым раскатом удовлетворенно проревел:

– Вот вы где!

– Какого черта тут творится?! – выкрикнул Дервин.

Один из полицейских, отдуваясь, выпалил:

– Гнались за ним всю дорогу наверх... снаружи толпа, и мы охраняем вход... говорит, хочет увидеть Текумсе Фокса... не хотели пускать... он прорвался внутрь и вверх по лестнице...

– Отдышитесь сначала, – посоветовал мужчина. – И отцепитесь от меня. – Взгляд его снова уткнулся в Фокса. – Знаю, вы велели оставаться в машине, но я услышал, будто они вас сцапали, и подумал: не лучше ли будет...

– Нет.

– Как скажете.

– Приношу вам свои извинения, – обратился Фокс ко всем, кто был в кабинете. – Позвольте представить мистера Пейви, моего вице-президента. Мистер Дервин, мистер Торп, миссис Пембертон, мистер Кестер, мистер Джеффри Торп, мистер Уир, мистер Джордан. Я направляюсь домой, приму ванну и поем чего-нибудь. Увидимся утром, мистер Торп. Пошли отсюда, Дэн. Идемте, мистер Джордан...

– Подождите! Он еще не подписал показания!

Было решено подождать. Дервин отвлекся на телефонный звонок. Ридли Торп пустился в разговоры с сыном и дочерью. Полицейские и двое в штатском тихо вышли. Кестер подобрался вплотную к Фоксу и шепотом заговорил с ним, но в ответ получил лишь несколько кивков. Наконец вбежала стенографистка, и Генри Джордану дали стул и ручку, после чего он прочитал показания и подписал. Уходил он с недовольным и несколько озадаченным видом. С одной стороны от него шел Фокс, а с другой – Дэн Пейви.

В таком же боевом порядке они проложили себе путь сквозь толпу, собравшуюся на ступенях здания суда, и прошагали два квартала – туда, где Дэн оставил кабриолет. И лишь когда Джордану было предложено сесть в машину, его недовольство обрело наконец голос.

– Премного вам обязан, – заговорил он, пятась, – но я волнуюсь о катере. Мне наверняка удастся найти автобус...

– Полагаю, что да, – согласился Фокс, – но не стоит этого делать. Видите ли, мистер Джордан, я не хочу вас от себя отпускать. Сейчас вы чрезвычайно важная персона, поскольку состоите в нашем небольшом заговоре и знаете его тайны. Честно говоря, вы кажетесь мне человеком, которому можно довериться. Я восхищаюсь вами и уважаю за отказ принять деньги. Но целая свора газетчиков ищет нестыковки, и вы невольно можете им помочь. Если это произойдет и они нападут на след, целый день непосильных трудов может пойти прахом. И не только это. Прахом пойдут и ваши собственные усилия, ведь вы согласились помочь нам, чтобы уберечь свою дочь от скандала. Садитесь!

– Я умею держать рот на замке.

– Не отходите от меня, и ваша задача сильно упростится. Вообще-то, я на этом настаиваю. Только так мы добьемся успеха. Когда есть выбор, я предпочитаю перестраховаться.

Все еще ворча насчет своего катера, Джордан устроился на заднем сиденье машины рядом с Дэном, а Фокс сел за руль.

В десятом часу, когда уже стемнело, они прибыли домой. Миссис Тримбл встретила Фокса известием, что Эндрю Грант с племянницей ждут его возвращения в комнате, отведенной для Нэнси. Однако Фокс не направился туда сразу, а, поднявшись, свернул к себе. Приняв ванну и побрившись, Фокс опять спустился, чтобы присоединиться к Дэну и Джордану в столовой, где помог им расправиться с холодным ростбифом, хлебом с маслом, овощным салатом, чаем со льдом, творогом, домашним бисквитом и клубникой со сливками. Мистер и миссис Тримбл, а также различные гости тем временем сидели вокруг них и слушали тот пересказ дневных событий, которым он был готов с ними поделиться. Все это доставило немало удовольствия и им, и самому Фоксу.

После чего он вернулся наверх, на миг задержался в своей комнате, затем проследовал к комнате Нэнси и, постучав, вошел. Поздоровавшись с ней и Грантом, он протянул Нэнси большую картонную папку и поинтересовался:

– Что этот снимок забыл в ящике комода в гардеробной нью-йоркского дома Ридли Торпа?

Глава 11

Нэнси взяла папку, окинула взглядом ее содержимое и потрясенно уставилась на Фокса:

– К чему этот нелепый розыгрыш?! Вы сказали, что... Я хочу услышать еще раз.

– Эта ваша фотография с подписью была найдена полицией во время обыска дома Ридли Торпа в Нью-Йорке. В ящике комода.

Рассматривая снимок над плечом своей племянницы, Грант недоверчиво фыркнул:

– Кто это утверждает?

– Дервин. Она была у него. Где-то он ее раздобыл. К тому же он сам сунул карточку под нос Ридли Торпу, и тот подпрыгнул до потолка при мысли, что копы обшарили его жилище. Но Торп не отрицал, что снимок мог там храниться. – Фокс не сводил с Нэнси пристального взгляда. – Что такое?

– Да ничего... – выдохнула она, явно в полной растерянности. – Но я не могу сообразить... Люди и вправду устраивают такое? Я слышала про всякие подставы, но никогда не... Поверить не могу...

– Это же... просто умора! – в полнейшем недоумении бормотал Грант, беспомощно пялясь на фотографию в папке. – Вы сказали, Торп... В том доме убили кого-то другого, правильно?

– Да. Вы уже знаете?

– Крокер услышал об этом по радио, пришел и сказал нам. Выходит, он живехонек?

– О да, и весьма бойко сучит ножками. Но, мисс Грант, если вам кажется невероятным, что полицейские не врут, уверяя, что нашли фотографию в таком странном месте, вариант с подставой выглядит еще менее вероятным. Только сумасшедший додумался бы устроить...

– Значит, это сумасшедший, – твердо объявила Нэнси. – Снимки сделаны более двух лет назад, когда я намеревалась устроить концерт. Их всего шесть. Одно фото я отправила матери, другое отдала дядюшке Энди, еще два были направлены в газеты, и... Вот оно что! – Глаза ее округлились в шоке отрицания, и, поднеся кулаки к лицу, Нэнси с силой прижала их к щекам. – Боже мой! Дядя Энди! Ты знал?.. – На этом месте она, кажется, потеряла дар речи.

– Что? Что я знал? – взорвался Грант.

Фокс разглядывал девушку молча.

– О, это ужасно! – простонала она. То был вопль верблюда, чья спина уже трещит под весом последней соломинки. – Из всех жителей Земли... Ридли Торп – и никто иной? Так, что ли?

– Ума не приложу, – коротко ответил Фокс. – Очевидно, так.

Грант затряс племянницу, вцепившись ей в плечо:

– Что за чертовщину ты несешь? Получается, сама подписала фотографию и вручила ее Ридли Торпу?

Нэнси вывернулась из дядюшкиного захвата, подняла на него робкий взгляд, кивнула и зашлась вдруг в приступе смеха. Продолжая кивать, она согнулась пополам и захохотала пуще прежнего – визгливо и немного истерично. Дядя Энди вновь схватил ее за плечи и попытался выпрямить.

– Соберись! – распорядился он. – Это уже...

– Так смешно же! – опять прыснула Нэнси. – Просто умора! Обхохочешься!

– Прекрасно, – подытожил Фокс. – А теперь послушаем шутку.

Грант потряс Нэнси за плечо, но та, сбросив его руку, огрызнулась:

– Больше так не делай! Больно ведь! – И перевела взгляд на Фокса. – Должно быть, я полагаю, то был Ридли Торп. И говорю вам, это смешно. Но клянусь, я не помню имени даже сейчас. Дядя Энди, чем мог, помогал мне, оплачивал мои занятия. Мой учитель сказал, что я должна организовать сольный концерт, но на это требуется куча денег. Я не могла себе этого позволить... вернее, у меня просто их не было. Учитель уверял, что я высоко взлечу благодаря своему обаянию... мне тогда не хватило ума сообразить, что это обычная лесть... и он сказал, что раздобудет тысячу долларов, чтобы оплатить концерт, у какого-то миллионера, который известный филантроп и покровитель искусства. И я согласилась. Надо думать, он назвал мне тогда имя миллионера, но оно не удержалось в памяти. В те времена я пропускала мимо ушей все, что не касалось меня, моего голоса, внешности или карьеры. Была как все они. Если вам кажется, что я чуточку «того», видели бы вы меня тогда! Тысячу я потратила в том числе и на эти фотографии, и учитель сказал, что было бы мило подписать одну из них для миллионера. Так я и сделала, а потом вручила снимок учителю. Точно говорю, мне казалось, что этот снимок тянет больше чем на тысячу долларов. Выгодный обмен, одно слово. Так уж относятся молодые гении к богатым шишкам, которые делают на них ставку. И вот выясняется... это был Ридли Торп! Кто же еще! По-вашему, не смешно?

Дядя смерил племянницу хмурым взглядом:

– Ты ничего не рассказывала о миллионере.

– Ну еще бы! Мне было страшно. Я дала тебе понять, что продажа билетов покрыла все затраты. По-моему, на самом деле продали то ли восемь, то ли десять штук, а остальные существовали только на бумаге... – Нэнси подергала Гранта за рукав. – Ну не дуйся. Ты чертовски милый старый пуританин!

– Я не пуританин.

– Не опирайтесь, Энди, я и сам вас так называл... – Фокс бросил фотографию на комод, придвинул к себе стул и, сев, улыбнулся Нэнси. – Вы прищлись мне по душе, юная леди. Всякий раз, когда факты пытаются уличить вас во лжи, вы развеиваете их такой невероятной историей из своего прошлого, какой не сочинить даже самой одаренной лгунье. И вам всего-то около двадцати лет! Не сомневаюсь, впереди у вас – чудесное будущее.

– Смеетесь? – вскинула брови Нэнси. – А вы точно мне верите? Насчет фотографии?

– Конечно же, я вам верю. Сомнительно, чтобы вас можно было обучить вранью, для этого вы слишком тщеславны... Лучше обсудим это как-нибудь в другой раз. Сейчас я хочу спросить... Как я понял, вашу свободу ограничивает только статус важного свидетеля?

– Да. Мистер Коллинз...

– Нашу общую свободу, – уточнил Грант. – Коллинз все устроил. Он подвез нас сюда... Сам это предложил, сказал, если мы останемся в Нью-Йорке, нас насмерть замучают газетчики... И мы взяли на себя смелость... – Грант замялся от неловкости, но нашел силы продолжить: – Кажется, я так и не поблагодарил вас как должно за тот прошлый раз, когда вы позволили мне жить здесь... так долго гостить... А теперь помогаете, только потому что Нэнси попросила...

– Да забудьте об этом, – махнул рукой Фокс. – Я делаю только то, чем занят всякий, кому это по карману: живу в свое удовольствие. Повторю снова, хотя вы наверняка уже слышали: единственное, что заводит мою пружину, – это любопытство. И я еще не сталкивался с тем, что не вызвало бы во мне любопытства. Причем объекты, способные двигаться, куда интереснее неподвижных, а самыми интересными из тех, что двигаются, являются люди. Все это я говорю только для того, чтобы вы раз и навсегда перестали воображать, будто вам есть за что меня благодарить. На самом деле я сам должен сказать спасибо, ведь получу при этом большой гонорар. Не могу открыть, кто и за что платит, но хочу заверить, что это никак не повредит той работе, за которую...

В дверь постучали, и Фокс покосился на Нэнси. Та крикнула:

– Войдите!

Дверь широко открылась, впуская внутрь могучие плечи Дэна Пейви.

– Мистер Торп. Который помоложе, – ответил Дэн на немой вопрос Фокса.

– Он звонил?

– Нет, он уже тут, на террасе. И сестра тоже с ним.

– Передай, я спущусь через несколько минут.

Дэн покрутил головой:

– Думаю, это светский визит. Он хотел повидать мисс Грант.

– Что за... Это уже выходит за все рамки! – выпалила Нэнси.

– Я ему сказал, пойду взгляну, не спишь ли ты, – пояснил Дэн, разглядывая ее с угрюмым скепсисом. – Он подождет, если ты захочешь взять паузу и все обдумать. Раз уж его старик оказался жив-здоров, наличные тоже вернулись к состоянию планов на будущее, и если ты захочешь иначе разыграть эту партию...

– Иначе разыграть? – возмутилась Нэнси. – Я ни во что не играла.

– Назовем это работой, – хмыкнул Дэн, – если пожелаешь. Думаю, это своего рода работа. Обеспечивать себе будущее... Ладно, пусть будет работа. Можешь спросить у Фокса и своего дяди, что они думают на этот счет, но мой тебе совет – ставь на эту лошадь. Его старик не будет жить вечно, даже если больше никому не взбрдет на ум его пристрелить. В конце концов, ты уже напустила пыли в глаза своему ухажеру. Как поступим? Я сейчас спущусь и скажу ему, что ты отказываешься их принять, и немного потяну время, поддерживая беседу. Выждав паузу, ты тоже спустишься, делая вид, будто думала, что он уже ушел, и...

– Вы намекаете... – задохнулась от негодования Нэнси. – Вы имеете наглость намекать...

Дэн отвесил ей невозмутимый кивок:

– Конечно имею. Не расстраивайся так. Я всего лишь стараюсь оказаться полезным. Вопрос лишь в том, не пора ли подсекать улов. Итак, мне стоит спуститься и сказать ему...

Нэнси повернулась к Дэну спиной, старательно выказывая этим предельную враждебность, и ее пылающий взгляд остановился на лице Фокса.

– Будьте любезны попросить мистера Пейви, – язвительно процедила она, – передать мистеру Торпу, что если он не прекратит надоедать...

– Нет! – бесцеремонно оборвал девушку Фокс. – Вам придется обуздать свои порывы. Если желаете, чтобы я помог вашему дяде, вам самой тоже придется мне помочь. В порученном мне задании – вытащить вас обоих из неприятностей – готовность Джеффри Торпа вести с... позволю себе преувеличить... с нами светские беседы можно считать ценным активом. Вы можете питать к нему сколько угодно ненависти и презрения, не возражаю, но лучше будет заняться этим в его присутствии, а не наоборот. Пожалуй, так вам будет даже удобнее. – Он повернулся к Дэну. – На террасе еще кто-нибудь есть?

– Ну, двое или трое.

– А в гостиной?

– Лео и Валленштейн играют в шахматы.

– В столовой?

– Крокер декламирует стихи миссис Тримбл. Собственного сочинения.

– Вот незадача... – Фокс даже поморщился и оглянулся по сторонам. – Здесь немного тесновато. В любом случае, сдастся мне, мисс Грант не пустит его в свою комнату. Не проводишь их в мою?

Дэн ответил коротким согласием и вышел. Фокс учтиво пригласил Грантов составить ему компанию. Нэнси что-то возмущенно пробормотала, но прошла через запахнутую перед ней дверь в коридор, а потом через другую в большую угловую комнату. Фокс зажег свет и передвинул несколько кресел, после чего вышел в холл встретить гостей. Через минуту он вернулся в их обществе. Грант встал и, склонив голову, ответил на приветствия вошедших. Нэнси выглядела всецело погруженной в изучение бюллетеня Министерства сельского хозяйства Соединенных Штатов, который впопыхах схватила со стола Фокса. Но это вряд ли могло ее спасти, поскольку Нэнси в любом случае придется говорить с Мирандой, ведь та была довольно приветлива во время их случайной встречи в здании суда. Найти лучшее решение возникшей проблемы Нэнси не успела, потому что, войдя, Джеффри Торп решительным шагом направился прямо к ее креслу, встал перед ним и с хрипотцой в голосе произнес:

– Вы выйдете за меня замуж?

– Господи Иисусе! – ахнула Миранда, падая в соседнее кресло.

Джеффри даже бровью не повел.

– Я спрашиваю, выйдете ли вы за меня? – навис он над Нэнси. – Конечно не выйдете. Теперь, разумеется, нет. Но я решил первым делом спросить, чтобы прояснить для себя хоть это. Еще мне хотелось бы знать, когда вы вручили свою фотографию моему отцу, зачем и при каких об... эй, только не...

Но Нэнси уже вскочила с кресла и проскользнула мимо него, даже не задев простертой в попытке задержать ее руки, затем пронеслась мимо Фокса, словно легкий ветерок вокруг куста, и, лишь открыв дверь, замерла на пороге, чтобы вполоборота сказать Миранде:

– Добрый вечер, миссис Пембертон. Рада, что вашего отца не убивали.

После чего вышла и закрыла за собой дверь.

Нэнси сразу направилась к себе, но у лестницы в нерешительности остановилась, думая, что свежий воздух может немного охладить ее пылающие щеки. Однако снизу к ней долетали чьи-то негромкие голоса, очевидно с террасы, и Нэнси пошла по коридору дальше. В мягких спортивных туфлях она бесшумно ступала по полу, не предупреждая о своем приближении, пока не открыла дверь своей комнаты. И там Нэнси с изумлением увидела не только сидящего в

кресле Дэна Пейви, но и свою фотографию, которую тот держал перед собой, словно раскрытую книгу.

– Прошу прощения, – потрясенно выдавила Нэнси, но дверь не прикрыла и даже не подумала тихо удалиться.

– Ничего страшного, – кивнул Дэн и неспешно встал, не сводя с девушки пронизательных глаз. – Миссис Тримбл попросила меня подняться и разложить свежие полотенца.

– Неужели? Она уже показывала мне, на какой полке их найти.

– Хм... – откашлялся Дэн. – Тогда, наверное, она не просила меня подняться и разложить свежие полотенца.

– Вам, безусловно, виднее.

– Безусловно, – согласился Дэн и постучал пальцем по снимку, который держал в руке. – Знаешь, эта штука – важная улика. Фоксу не стоило оставлять ее без присмотра. К счастью, я вспомнил, что он оставил ее здесь...

– Это не улика, – звенящим голосом заверила его Нэнси. – Я представила мистеру Фоксу подробные сведения о том, как фотография оказалась у мистера Торпа. Может, стоит и вам это объяснить?

– Вообще-то, ты не обязана, но если пожелаешь...

– Что-то не хочется.

– Как скажешь.

– Вы намерены настаивать на том, что мое фото в вещах мистера Торпа как-то вас касается?

– Нет.

– Особенно если мои объяснения полностью устроили мистера Фокса?

– Как скажешь.

В сердцах Нэнси топнула ногой:

– Так и будете стоять, повторяя как заведенный: «Как скажешь»? Перестаньте!

– Ладно.

– И миссис Тримбл не отправляла вас сюда раскладывать полотенца!

– В этом я уже сознался.

– Так что же вы, – смерила его насмешливым взглядом Нэнси, – почему сразу не сказали, что пробрались сюда только ради удовольствия увидеть мой снимок? Это было бы для меня очень лестно! Я бы задрожала тогда от удовольствия!

– Ты и без того дрожишь.

– Я не дрожу! А если и так, уверяю, не от удовольствия! И даже если вы явились сюда прибрать к рукам то, что считаете уликой, я этому рада, потому что могу вежливо попросить вас кое о чем. Буду весьма признательна, если в будущем вы не станете рассуждать вслух о вещах, в которых не разбираетесь. Я имею в виду ваши недавние замечания насчет моих... моих сугубо личных дел...

– Я всего лишь дал совет! – возразил Дэн. – Мне показалось, тыхватила через край. Если разыграть партию по всем правилам, он наверняка закончит тем, что предложит тебе руку и сердце...

– Уже предложил. В комнате мистера Фокса, только что.

– Тогда дрожала ты определенно от удовольствия. Поздравляю!

– Огромное вам спасибо.

– Я сказал: «Поздравляю».

– А я ответила: «Спасибо».

– То есть ты... – Спихватившись, Дэн захлопнул рот.

– Что я?

– Ничего. Думаю, советы были излишними. Поздравляю.

– Повторяетесь. Вы меня уже поздравили.

– Было дело, – согласился Дэн и вновь потыкал пальцем в снимок. – Пойду отнесу Фоксу.

Он двинулся к двери, сделав крюк, чтобы случайно не задеть Нэнси даже рукавом. Но, взявшись за дверную ручку, Дэн все же обернулся:

– Когда-нибудь я пожелаю тебе счастья. А сейчас я надеюсь, что ты подавишься.

Он вышел прежде, чем Нэнси успела ответить, хотя, по всей видимости, молчать не собиралась. Несколько долгих секунд она простояла с открытым ртом, глядя на захлопнувшуюся дверь.

– Вот что бывает, – наконец тихо проронила она, – когда съедаешь шесть порций мороженого за пять часов. После этого даже басы не выдерживают!

Нэнси подошла к зеркалу и, решив, что ее лицо слишком покраснелось, направилась в ванную. Там она открыла кран. Спустив воду, пока та не стала достаточно холодной, Нэнси намочила полотенце и протерла им лоб, щеки и шею. Вернувшись к зеркалу, она раскрыла косметичку, но тут в дверь постучали. Когда Нэнси обернулась на стук, в дверях показался Эндрю Грант.

– Что? – резко заинтересовалась Нэнси.

– Новые сложности, – устало ответил Грант. – Фокс хочет спросить тебя кое о чем.

– Я не вернусь туда, где этот...

– Да не переживай ты из-за него, Нэн. Пускай себе твякает. Какая тебе разница? Мы в гостях у Фокса, и он пытается нам помочь. Пошли.

Нэнси сжала губы, но чуть погодя ответила:

– Так и быть, приду через минуту.

Она попудрила лицо, пару раз провела щеткой по волосам и быстро прошла по коридору до комнаты Фокса. Когда Нэнси открыла дверь, ее дядя уже сидел в кресле между Мирандой и Джеффом.

– Сядьте! – коротко бросил ей Фокс, его лицо и голос отражали бушевавший внутри гнев. – Вы слишком много прыгаете туда-сюда. Я хочу обсудить с вами дамские перчатки. Миссис Пембертон рассказала, что воскресной ночью полицейские нашли одну под кустами за окном дома, а вторую – на подножке автомобиля, на котором вы приехали. По словам Дервина, вы заявили ему, что перчатки не ваши и что вы ничего не можете о них рассказать. Вы уверяли меня, что будете говорить об этом деле без утайки, но ни разу не упомянули о перчатках.

– А зачем? – вскинулась Нэнси. – Они не мои. Я их раньше в глаза не видела.

– Дервин вам их показывал?

– Да.

– На что они похожи?

– Желтая хлопчатобумажная ткань, с внешними швами, очень элегантные, примерно моего размера, с ярлычками «Хартлспун».

– Вы там работаете.

– И что с того? – подпрыгнул Джеффри. – Никто не доказал...

– Не суйтесь не в свое дело! – надменно уронила Нэнси. – Я не нуждаюсь в поддержке, благодарю вас.

– Ха! Вы заговорили со мной!

– Ты точно решил идти напролом, малыш Джефф, – заметила Миранда и повернулась к Фоксу. – Я хорошенько рассмотрела перчатки, когда Дервин нам их показал... – На ее губах заиграла улыбка. – Думаю, они подошли бы мне так же хорошо, как и мисс Грант. Но самое странное: обе были на правую руку.

– Вот как?

– Совершенно точно.

– При этом они казались одинаковыми?

– Не отличишь, – кивнула Миранда. – И обе новые... или почти новые. Кажется, Дервин думал, будто полиции удастся отследить их владелицу, но сам же сказал, что в «Хартлспуне» продали сотни точно таких же пар, так что задача представляется довольно сложной.

– И одну из них нашли на подножке машины Грантов?

– По словам Дервина.

– А вам он об этом говорил, мисс Грант?

– Да, говорил, – объявила Нэнси, – но я ему не верю.

– И абсолютно справедливо, – подтвердил Джеффри. – Кто нашел эти перчатки? Какой-то коп. Если воображаете, будто копы не лгут, послушайте меня. Однажды мотоцикл...

– Прошу тебя, Джефф, дорогуша... – взмолилась его сестра. – Не подозревала, что ты притащил меня сюда как свидетельницу, но раз уж я здесь... – Бросив взгляд на Фокса, она улыбнулась. – Я хочу сказать кое-что, но мне будет сложно никого не обидеть.

– Попробуйте один вариант, – предложил Фокс, – а если не сработает, воспользуйтесь другим.

– Второго шанса может не представиться. Но я попробую. Сначала спрошу, имеет ли... Тот факт, что убитый оказался кем-то другим, а не моим отцом... сказался ли он на позиции мистера Гранта и его племянницы?

– Не вижу для этого причины, – покачал головой Фокс. – Личность убитого не важна, если только они действительно приняли человека, курившего сигару в доме, за Торпа. А они приняли.

– Значит, они все еще в опасности?

– Не назвал бы ее такой уж угрожающей. Если только не появятся новые, весомые и неожиданные улики, я весьма сомневаюсь, чтобы кому-нибудь из них было предъявлено обвинение. Особенно если мисс Грант продолжит развеивать все подозрительные обстоятельства, как сделала это с той фотографией, найденной в доме вашего отца. Ему вручил снимок ее преподаватель по вокалу в благодарность за безвозмездную помощь в подготовке ее сольного концерта. Мисс Грант не видела Торпа до роковой воскресной ночи в бунгало, а поскольку выяснилось, что убили не его, выходит, что не видела никогда.

– Так и знал! – торжествуя, вскричал Джеффри. – А я вам что говорил? Да я с самого начала твержу, что ничуть не сомне...

– Конечно, ты твердил это без умолку, – обрушилась на него Миранда, – но ты побоялся спросить отца напрямик и ни кусочка не проглотил за обедом. Не начинай супружескую жизнь с подтасовки фактов. – Она снова повернулась к Фоксу. – Но им по-прежнему требуется адвокат? Как и вам самому?

– О да. Гранты обязались по первому требованию явиться для дачи показаний, и это неприятно. Им обоим не повезло оказаться в бунгало без приглашения. Пока убийца не будет найден...

– Этот ваш Коллинз – его услуги обходятся недешево?

– Довольно недешево.

– Тогда вот что... – Миранда метнула короткий взгляд на Нэнси, а затем и на ее дядю. – Что я хочу вам сказать. Мой отец весьма сожалеет о том, что мистер Грант и его племянница из-за него попали в такую передрагу... не по своей вине... Сам он тоже, конечно, не виноват, но это был его дом, и тот человек изображал его... поэтому отец считает, что было бы несправедливо взваливать на них расходы на адвоката в придачу ко всем неприятностям и малоприятной известности, с чем уже ничего, конечно, не поделаешь...

Пока Миранда говорила, стремительно красневшая Нэнси открыла рот, но снова закрыла и даже прикусила губу для надежности. Но теперь, не сводя с Миранды глаз, превозмогла себя:

– Проклятье! Однажды я взяла у вашего отца деньги, хотя совсем его не знала. Ради начала карьеры, только бы не лишить мир своего великого таланта. Честно, я свято в это

верила! Теперь же, зарабатывая тридцать один доллар пятьдесят центов еженедельно, я научилась считать деньги, живу по средствам и стала относиться к этим вопросам со здоровым снобизмом. Предпочитаю расплачиваться сама, ни на кого не перекладывая траты. Сэкономив по пять долларов в неделю, я смогу выплатить свою долю гонорара адвокату за каких-то пару лет. Ты согласен, дядя Энди?

Эндрю Грант помотал опущенной головой:

– Не могу сказать, что во всем согласен. И снобизма во мне ни капли в отношении чего бы то ни было. Если Ридли Торпу, с его миллионами, станет немного легче, когда я позволю ему оплатить услуги адвоката, с радостью окажу ему такую услугу.

– Вполне разумно...

– Прошу прощения, миссис Пембертон. Мне не составит труда убедить себя в том, что будет совершенно нормально, если ваш отец заплатит адвокату, но проблема в другом: я не понимаю, зачем это вам.

– Я не сказала...

– Вероятно, стоило сказать. Не думаю, что вы говорили всю правду. По вашим жестам и мимике, по интонации слов я догадываюсь, что ваш отец и словом об этом не обмолвился. Я в этом уверен. Свое великодушное предложение вы делаете по собственной инициативе. Я очень неплохо умею находить оправдание своим поступкам, у меня было много практики, но, боюсь, не смогу оправдать себя, приняв ваше предложение, разве что... предположим, это вы совершили убийство и теперь не желаете спокойно наблюдать, как из-за этого страдают невинные люди.

– Подумать только, – огорчилась Миранда. – Я же не могу признаваться в убийстве перед таким количеством свидетелей, правда?

– Да, неудобно. Понимаю вас. Тогда предположим другое: вы знаете, что убийство совершил ваш брат, и чувствуете те же...

– Не смешно, – угрюмо заметил Джеффри.

– Знаю, мистер Торп. Я всего лишь строю догадки. В трезвом виде вы ни за что не убили бы человека. Текумсе Фокс научил меня присматриваться к людям. – Эндрю Грант перевел взгляд на Миранду. – А вот вы смогли бы. Если убийство станет единственным выходом, решающим какую-то насущную проблему, – с улыбкой добавил он. – Конечно, все зависит от степени насущности.

Она ответила такой же улыбкой:

– Вот и хорошо, убийцей была я. Хочу заплатить вашему с мистером Фоксом адвокату.

– Нет, миссис Пембертон, извините. Мне особенно грустно вам отказывать, зная, что на данный момент я остаюсь без работы.

– Не хочу спокойно наблюдать, как страдают невинные люди. Почему вы отказываете мне в том, чтобы исправить положение, даже если я...

Эндрю Грант решительно помотал головой:

– Прошу вас, не надо. Уверяю, мне сейчас сложнее, чем вам. Наверное, я годами буду выплачивать эти чертовы долги.

– Так вам и надо! – Миранда решительно встала. – И вы еще уверяли, что не похожи на сноба! Такая щепетильность в отношении денег – худшая форма снобизма. Очень хорошо. Мистер Фокс, когда все это закончится, я пришлю вам еще одно приглашение на обед. Джефф, мы едем домой. Займемся составлением меню для твоего мальчишника. Мисс Грант... почему бы мне не называть вас Нэнси?

– Бога ради.

– Договорились. Ну, спокойной ночи, Нэнси. Боже, какая же вы миленькая!

Глава 12

Двадцать минут спустя Текумсе Фокс получил комнату в свое полное распоряжение до самого утра. Было еще довольно жарко, хотя солнце скрылось за горизонтом три часа назад, а из темноты за сеткой на открытых окнах в комнату лился восхитительный концерт цикад и сверчков: нервирующий бедлам для непривыкшего слуха и гармоничная колыбельная для того, кто прожил с ней долгие годы и умел ею насладиться. Босой, в белых пижамных брюках, с обнаженным торсом, под загорелой кожей которого бугрились мышцы, Фокс, стоя у письменного стола, говорил по телефону:

– Гарри? Это Тек. Что? Да, пришлось немного поездить. Ну да, то еще представление. Прости, что опять беспокою тебя дома... Что? Тридцать две тысячи? Не может быть! Рад, что тебе удалось. Нет, это тайна. Сбрось до завтрашнего полудня. Знаю-знаю, но ты все равно избавься от них. Нет, ровным счетом ничего, но сегодняшний доллар стоит десяти «когда-нибудь потом». Хотел спросить у тебя кое-что по секрету, но постарайся этот секрет сохранить, ладно? Знаю, что умеешь. Так вот, не доходил ли до тебя в последнее время слушок, будто у Ридли Торпа деньги на исходе? Нет, сам я ничего такого не слышал, просто закидываю удочку. Значит, насколько тебе известно, он в полном шоколаде? Ну, спасибо и на том... Нет, говорю же, ничего я не выяснил, но ты все равно окажи мне услугу. Поспрашивай немного завтра. Слушок не поползет, со всей недавней суматохой у тебя не возникнет проблем что-то осторожно выяснить. Мне до зарезу хочется узнать, не нуждался ли Торп в деньгах – в больших или в быстрых или и то и другое... Нет, спасибо, я сам тебя наберу после закрытия торгов. Как поживает семейство? Прекрасно. Ну, доброй вам ночи.

Повесив трубку, Фокс подошел к сейфу у внутренней стены, вращением диска выставил нужную комбинацию, распахнул дверцу, достал из ячейки для бумаг конверт и вернулся с ним к столу. Разворачивая листок, вынутый из конверта, он нагнул настольную лампу сильнее, добываясь яркого света.

Послание на листке было выведено от руки, печатными буквами:

ВЫ ЛИШИЛИ МЕНЯ ЦЕЛИ В ЖИЗНИ. ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО УМЕРЕТЬ, НО ВЫ УМРЕТЕ ПЕРВЫМ. Я ПОЛНОСТЬЮ РАЗОРЕН, МОЯ СЕМЬЯ И МОИ ДРУЗЬЯ ОТВЕРНУЛИСЬ ОТ МЕНЯ, И ЭТО ВАШИХ РУК ДЕЛО. Я ТЯНУЛ ВРЕМЯ, НАДЕЯСЬ ОТЫСКАТЬ ПОВОД И ДАЛЬШЕ ВЛАЧИТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ, НО НАДЕЖДЫ УЖЕ НЕ ОСТАЛОСЬ. ДАЮ ВАМ СЛОВО ЧЕСТИ, ВЫ УМРЕТЕ. Я ИСПЫТЫВАЮ ГЛУБОКОЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ, СООБЩАЯ ВАМ ОБ ЭТОМ, НО ЕЩЕ БОЛЕЕ СИЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ ВЫЗВАЛА БЫ ВОЗМОЖНОСТЬ ОТКРЫТЬ, КТО Я, КОТОРАЯ ИЗ ВАШИХ ЖЕРТВ. ОДНАКО Я ВЫНУЖДЕН ЛИШИТЬ СЕБЯ ЭТОГО УДОВОЛЬСТВИЯ, ЗНАЯ, ЧТО В СВОИХ ЛИХОРАДОЧНЫХ ДОГАДКАХ ВЫ ВСПОМНИТЕ И МОЕ ИМЯ. МЫ ВСТРЕТИМСЯ НА ПАНЕЛИ ИЛИ ЗА ОБЕДОМ В КЛУБЕ, У МЕНЯ ЕЩЕ ХВАТИТ НА ЭТО СРЕДСТВ, ВЫ ДАЖЕ БУДЕТЕ ГОВОРИТЬ СО МНОЙ, НЕ ДОГАДЫВАЯСЬ, ЧТО ИМЕННО Я УБЬЮ ВАС.

Фокс трижды прочитал письмо, каждое слово, а затем изучил при ярком свете и сам листок. Бумага белая, обычная, лист вырван из блокнота пять на восемь дюймов; конверт обыкновенный, дешевый, из тех, что можно купить двадцать пять штук всего за пять центов. Адресовано Ридли Торпу в его нью-йоркский офис. Пометка «Лично» написана тем же неровным почерком и теми же чернилами, что и само послание. На конверте стоял штампель нью-йоркского почтового отделения «F» и время 18:30, восемь дней назад.

Фокс вложил листок в конверт, вернул его на прежнее место, закрыл дверцу и вновь покрутил диск сейфа, шепча под нос:

– Хоть бейся об заклад, но, вероятно, он просто начитался Голсуорси... – надел пижамную куртку и лег в постель.

На следующий день, в среду, сюрпризы начались раньше, чем птицы за окнами перестали приветствовать восход. Фокс поднялся в семь часов, что в связи с переходом на летнее время фактически означало шесть. Предпочитая, по его собственному признанию, когда есть выбор, перестраховаться, он решил прихватить Генри Джордана с собой в Нью-Йорк. Чтобы к девяти попасть в офис Ридли Торпа, выехать нужно было в 7:50. Фокс в пижаме прошел по коридору, чтобы разбудить Джордана. Постучав три раза и не получив ответа, Фокс повернул ручку, открыл дверь и заглянул в комнату. Джордана в постели не было, однако следы того, что он в ней провел ночь, имелись. В комнате тоже никого не было. Фокс обошел все три ванны, которые располагались на втором этаже, не считая его собственной, но и они не были заняты. На втором этаже усадьбы имелись еще три; добежав до каждой, он убедился, что все они пусты. Люди, живущие у воды, обычно просыпаются рано, это можно понять, и все же... Фокс поспешил спуститься в кухню и, неслышно ступая босыми ногами, застучал миссис Тримбл в самом разгаре грандиозного зевка.

– Доброе утро, дорогая. Ты не видела мистера Джордана?

– Доброе утро! Неужели лунатиком заделались? Нет, не видела.

– Я видел его, – сообщил мистер Тримбл, который, сидя за столом, пил черный кофе с донатсами. – Вскоре после того, как встал. Я как раз направлялся в сарай, а он шел по двору к подъездной дорожке.

– Давно?

– Пару часов назад. Я встал в пять.

– Куда он направился?

– Похоже, рассчитывал выйти на шоссе. Я не спросил, а он сам не стал со мной разговаривать.

Секунд десять Фокс стоял без движения, устремив взгляд в пространство, а затем отрывисто бросил:

– Можешь подать фрукты и кофе в мою комнату через три минуты? Это меня взбодрит.

Фокс взбежал по лестнице и после короткой остановки у двери комнаты Дэна вернулся в свою, чтобы одеться. Через минуту появился Дэн, в светло-вишневой пижаме с лимонного цвета отделкой, – он часто моргал, но уже успел проснуться. Рассказывая, Фокс продолжал одеваться:

– Джордан сделал ноги. В пять утра Билл видел, как он уходит. Мне нужно в Нью-Йорк. Возьми старый седан и как можно скорее отправляйся в Порт-Джефферсон. Позвони в Бриджпорт насчет парома и, если так выйдет быстрее, езжай в объезд по мосту Триборо. Катер Джордана пришвартован в Порт-Джефферсоне, и, как мне представляется, туда он и нацелился. Если он там, привези его назад и не отпускай. Убеди его. Придумай что-нибудь. Хорошо?

– Я его притащу. Но новый седан был бы удобнее...

– Нет. Мисс Грант хочет съездить в Уэстпорт, забрать свои вещи у друзей, с которыми проводила уик-энд. Если Джордана не окажется на катере, когда ты туда доберешься, позвони мне в офис Торпа... Спасибо, дорогая. Нет, больше ничего.

Одной рукой Фокс застегивал ремень, другой взял персик с тарелки. Миссис Тримбл поспешила выскочить за дверь.

У Дэна оставались вопросы, и Фокс отвечал на них, прихлебывая кофе, заканчивая одеваться, причесываясь и доставая конверт из ячейки для бумаг в сейфе, причем делал все это практически одновременно. Потом он, обжигаясь и морщась, допил кофе, простился с Дэном и выскочил из дому. Тримбл уже вывел кабриолет из гаража, развернул его и теперь протирал ветровое стекло. Не тратя времени, Фокс сел в машину:

– Спасибо, Билл. Частная собственность, посторонним вход воспрещен.

– Да, сэр. Буду посматривать.

– Глаз не своди. Мисс Грант собирается в Уэстпорт. Думаю, дядя составит ей компанию. Пусть берут новый седан, Дэн воспользуется старым. Попроси Крокера взять универсал и свозить Брунгильду к ветеринару. Сам лучше останься тут. Если будут звонить из Питсбурга насчет бриджа, передай, что я не могу вырваться и приехать. Ты собираешься опрыскивать яблони?

– Да, сэр, сегодня же. Та вчерашняя гроза...

– Отлично. Вон из-под колес, псины!

Часы на приборной панели показывали 7:22, когда Фокс вывернул на шоссе. Такая спешка выглядела излишней, ведь дорога от дома до Уолл-стрит отняла бы всего час и десять минут, однако Фокс постарался учесть и две остановки на пути – телефонный звонок и краткий визит в квартиру Дороти Дьюк. Хотя ни его жизнь, ни его свобода не были поставлены на карту из-за сфабрикованного для Ридли Торпа алиби, поскольку Торпа не подозревали в убийстве или в каком-либо другом преступлении, Фокс все же предпочитал, чтобы все, что он устраивал, оставалось в силе, не говоря уже о гонораре и об отвращении, которое он питал к необходимости извиняться перед окружными прокурорами – ну, разве что из вежливости. Он постарался затащить Джордана к себе домой, защищая это алиби, а теперь тот бог знает где – отправился путешествовать автостопом. Фокс нуждался в том, чтобы вернуть себе уверенность, повидевшись с тем единственным человеком, способным все разрушить.

Он поставил машину на заправочной станции у поворота на Сомилл-Ривер-парквей, велел служащему наполнить бак и вошел внутрь, чтобы позвонить. Он не знал ни номера, ни имени, только название улицы, так что пришлось потратить несколько лишних минут, разыскивая нужного человека. В итоге он услышал голос и по первому же «алло» узнал его.

– Здравствуйте! Это Айленд-авеню, девятьсот шестнадцать? Нет, это вас беспокоит тот тип, с которым вы вчера утром говорили через окно, когда я пришел повидать Генри Джордана, а его не оказалось дома. Помните? Спасибо вам большое. Да, он действительно теперь знаменитость. Да, я Текумсе Фокс. Я только что звонил мистеру Джордану, но никто не взял трубку. Он так и не вернулся? Нет-нет, мне всего только нужно передать ему кое-что на словах. Не сделаете ли одолжение? Понимаете, его сильно раздражает вся эта шумиха, и он, наверное, просто не подойдет к телефону. Вы не позвоните мне, когда он вернется домой? Кротон-Фоллс, восемь-ноль-ноль-ноль. Верно, очень легко запомнить. Еще раз большое вам спасибо. Конечно, я буду рад познакомиться с вашим мужем. Когда-нибудь – непременно.

Фокс вышел, заплатил за бензин и отправился дальше. В этот утренний час движение было не слишком оживленным, и ему удалось сравнительно быстро покрыть большое расстояние, – через мост Генри Хадсона и по Вестсайдскому шоссе. На Семьдесят девятой улице он свернул на восток, чтобы через парк, застревая в пробках, попасть в соседний район и остановиться на Шестьдесят седьмой улице – в точности там же, где прошлым утром ставил фургон.

Второй сюрприз поджидал Фокса в квартире на двенадцатом этаже роскошного дома на Парк-авеню. В вестибюле с ним поздоровался прежний консьерж, на этот раз без особого изумления. Сделав звонок наверх, он жестом пригласил Фокса войти в лифт. Как и в прошлый раз, Дороти Дьюк сама открыла дверь квартиры, и, хотя теперь она казалась лучше отдохнувшей и менее встревоженной, ее голос просто дрожал от негодования, заставив Фокса невольно вздрогнуть.

– Проходите, – бросила она, устремляясь вглубь квартиры.

– Нет, благодарю вас, мисс Дьюк, сойдет и так...

– Пройдите на минутку! – не останавливаясь, сердито буркнула она.

Фокс последовал за ней, поскольку ничего другого ему не оставалось, и вошел в просторную, уютную комнату с сильным запахом духов, задернутыми шторами и включенной люстрой. Там он увидел сидящего в кресле Генри Джордана.

Застыв на пороге, Фокс втянул в себя воздух.

Мисс Дьюк встала перед своим отцом.

– Вот и спроси его сам, глупостью это было или нет, – потребовала она.

– Доброе утро, – сказал Джордан. – Как вы узнали, что я здесь?

– Доброе утро, – выдохнул Фокс. – Не узнал. Я направлялся в центр и остановился поговорить с мисс Дьюк. Ничего особенного. Могу я спросить, как вы сюда добрались?

Дороти Дьюк объяснила вместо отца:

– Он остановил попутную машину, доехал до Брустера и сел там на поезд. Я приглашала его приехать пообщаться, но он всегда отказывался наотрез. И вот теперь приехал! Как раз когда...

– Я не тебя приехал повидать, – возразил Джордан. – Я приехал, потому что это было совершенно необходимо. Я позволил втянуть себя в обман...

– Тебе же это ничего не стоило, правда?

Фокс укоризненно покачал головой:

– Прошу вас, мисс Дьюк. Это ничего ему не стоит, но он ничего и не заработал. Мистер Торп предлагал ему кучу денег в обмен на помощь, и он не захотел их взять. Вы догадались, полагаю, как нам удалось добиться согласия.

– Естественно, догадалась. Мне все стало ясно сразу после вечернего выпуска новостей по радио.

– Разумеется. Что ж, насколько я понимаю, ваш отец согласился помочь нам только ради того, чтобы защитить вас от нежелательной славы. Разве вы не испытываете благодарность?

– Конечно испытываю. – Раздражение успело выветриться из ее голоса. – Я так ему и сказала, он большой молодец. Но ему не следовало приезжать сюда! Что, если кто-то следил за ним или увидел его внизу и узнал по фотографиям в газетах? Черт, это же очень опасно!

– Тут я с вами согласен. Мистер Джордан, можете объяснить, зачем вы здесь?

– Сейчас объясню, – уверенным тоном ответил невысокий моряк. – Я пришел, поскольку было совершено убийство и меня взяли на испуг, заставив ложью поддержать чужое алиби. Я хотел убедиться, что этот субъект действительно не имеет отношения к убийству, так как был тогда совсем в другом месте. И единственный способ сделать это – явиться сюда и прямо спросить свою дочь.

– Вы что, подозревали, будто Торп сам убил того парня?

– Ничего я не подозревал. Но я выставил бы себя полным дураком, не попытавшись разобраться, верно? В доме, принадлежащем Торпу, был убит человек. Вы с Торпом примчались ко мне с рассказами, будто он не может допустить, чтобы все узнали о существовании того коттеджа, и умоляли сфабриковать для него фальшивое алиби. Я дал свое согласие, но прошлой ночью твердо решил во всем разобраться. Мог он быть в том бунгало или не мог, для меня это важно. Зарубите на носу, я не создаю алиби убийцам даже ради... чего бы то ни было.

– Как и я сам, – твердо кивнул Фокс. – Но мне казалось, вы уже были в курсе, что Торп проводил свои уик-энды с... в том коттедже.

– Был, – вставила мисс Дьюк. – Отец все про это знал.

– Ну и что, если знал? – запальчиво выкрикнул Джордан. – Как я могу быть уверен, что в момент убийства Торп был именно там, а не где-то еще? Я ни в чем не уверен. Я даже слыхом не слыхивал про это самое убийство, пока вы, ребята, не взяли меня на бордаж. У меня есть полное право приехать, увидеть свою дочь и убедиться...

Дороти Дьюк, успевшая устроиться на диване, снова вскочила.

– Ты не поэтому приехал! – срываясь на визг, завопила она. – Ты ни секунды не сомневался, что он был со мной в коттедже! Ты приехал ради удовольствия напомнить, что предупреждал меня, снова и снова: «Твой образ жизни накличет беду!» И похвастать тем, что беда теперь отведена, ведь ты соизволил прийти на помощь! И я не удивлюсь... я ждала этого в любой момент... что ты поставишь условие: если я не соглашусь... что ты... если я не...

Мисс Дьюк рухнула на диван, зарылась лицом в подушки и зарыдала.

Фокс взирал на нее сверху вниз с той беспомощной растерянностью, с которой всякий мужчина от Сингапура до Сиэтла встречает женские слезы. Сзади до него донесся негромкий голос Джордана:

– Вы только послушайте! Без всякой причины, без каких-либо оправданий... Мистер Фокс, у вас эта сцена, должно быть, вызывает неловкость. У меня тоже. Хочу, чтобы вы знали: я не приставал к своей дочери с нотациями насчет ее образа жизни. Пять лет назад, когда я впервые узнал о ее отношениях с мистером Торпом, я не смог их одобрить и так прямо и сказал. Она была слишком взрослой, чтобы склониться перед отцовской волей, и слишком независимой, чтобы прислушаться к моим советам. Само собой, меня эта новость расстроила, но я никогда не читал дочери нотаций по этому поводу. Ничем хорошим это бы не кончилось. Готов признать, что однажды я пригрозил ей, давным-давно. Я хотел знать, кто этот мужик, и встретиться с ним лицом к лицу. Я пригрозил, что предприму свои шаги, если меня лишат даже этой малости. Хотел убедиться, что дочь не записалась в подружки к какому-нибудь гангстеру. И в каком-то смысле смирился, узнав, что это Ридли Торп. Наверняка многие отцы в восемнадцатом веке точно так же успокаивались, обнаружив в дочкиной постели графа или князя. Я также признал, что моя дочь может жить собственной независимой жизнью. Я ни разу не пытался принудить ее жить иначе, и у нее нет права обвинять меня в том, что я якобы явился сюда с угрозами. Мне уже полегчало только оттого, что я могу говорить об этом с кем-то посторонним. Я согласился сделать то, о чем вы и мистер Торп попросили меня вчера, чтобы мои старые кореша не прочли однажды в газете, будто Торп проводил свои выходные, кувываясь с любовницей Дороти Дьюк, что ее настоящее имя – Мэй Джордан и что она моя дочь.

Мисс Дьюк села прямо:

– То есть ты не собирался угрожать...

– Не собирался. Разве я хотя бы словом дал тебе понять, что собираюсь?

– Нет, но я подумала...

– Не стоило думать, не твое это.

– Что ж, – шевельнулся Фокс, – я ни в коей мере не виню вас. Вы приехали убедиться, что не покрываете убийцу. Вчера я предпринял тот же шаг. Но ваша дочь кое в чем права: это и впрямь опасно. Если какой-то смысленый репортер бродил вокруг моего дома и, увязавшись за вами сюда, выяснил, что вы встали в пять утра, чтобы навестить свою красавицу-дочь, которая живет одна на Парк-авеню... Будем надеяться, не увязался. Теперь убедились, что мы не заставили вас состряпать алиби для убийцы?

– Да. Дочь никогда мне не лжет.

– Хорошо. В девять часов мне нужно быть в офисе Торпа, и я хочу, чтобы вы поехали туда со мной. У вас возникает слишком много оригинальных идей, чтобы оставить вас с ними наедине. Если бы вы попросили, я сам привез бы вас сюда, чтобы вы могли поговорить с дочерью. Весь день постарайтесь ни на шаг от меня не отходить. Посмотрим, не разовьется ли в нас взаимное доверие.

Джордан возразил, что ему нужно присмотреть за бесхозным катером. Фокс потратил еще несколько минут, отговаривая его от резких движений, и наконец преуспел. Они вышли в прихожую, намереваясь покинуть квартиру. Мисс Дьюк запечатлела на отцовской щеке прощальный поцелуй, а потом взглянула на Фокса и преподнесла ему третий по счету сюрприз.

– Хочу попросить вас передать сообщение старому другу, – сказала она, – только вряд ли это разумно – дать ему понять, что вы заходили ко мне. Он сразу задумается – зачем и почему.

Фокс улыбнулся ей:

– Давайте сюда свое сообщение, я буду осторожен и не вызову лишних подозрений. Кому оно назначается? Мистеру Торпу?

– О нет, – улыбнулась в ответ мисс Дьюк. – Если вам покажется это уместным, передайте Энди Гранту мой сердечный привет и скажите: если ему нужен свидетель в суде, он может на меня рассчитывать.

Фокс понадеялся, что в тусклом освещении прихожей промелькнувшее в его глазах удивление не будет слишком заметным.

– А что, – небрежно переспросил он, – вы с Энди давно дружите?

– С очень давних пор, – кивнула она. – Тысячу лет не виделись. А ведь когда-то я была его иллюзией.

– Не думал, что у Энди имелись иллюзии.

– Теперь я и сама с ними рассталась. Говорю же, это было давным-давно. Так вы передадите мой привет?

– Подумаю над этим. Всего хорошего, будьте умницей.

Нахмутив лоб, Фокс вышел из здания. Вместе с Генри Джорданом они пешком добрались до оставленной Фоксом машины, чтобы сразу направиться в центр. Эта часть поездки оказалась бесплодной, хотя по ее окончании Фокс испытал удивление в четвертый раз за одно утро. Преодолев несколько пробок, с трудом найдя место для парковки и пройдя четыре квартала в обществе Джордана, он вошел в высотное здание на Уолл-стрит и на лифте поднялся на сороковой этаж. Там он поговорил с умной рыжеволосой женщиной, поспорил с умным молодым человеком с затуманенным взглядом, прошагал футов сто по крытому ковром коридору, представился субъекту в очках, который явно имел причины сомневаться даже в том, что Земля круглая. Когда же Фоксу удалось наконец убедить очкастого, что он – это он, а не кто иной, тот не направил Фокса в очередной коридор, а произнес следующее:

– Мистер Торп посчитал уместным провести этот день в своем загородном поместье в Мейпл-Хилл. Мне поручено сообщить, что в половине восьмого сегодня утром он звонил вам домой, чтобы вы направились напрямик туда, но вы уже выехали. Далее, он выразил пожелание, чтобы вы немедленно прибыли в Мейпл-Хилл. Маршрут, каким вы сможете туда добраться...

– Спасибо, – бросил Фокс, отворачиваясь. – Я знаю, где это.

Проделав вместе с Джорданом тот же путь по длинному ковру, но уже в обратную сторону, Фокс сказал умной рыжеволосой женщине, что ему будет звонить некий мистер Пейви, и попросил ее передать звонящему, чтобы тот без промедления мчался в Мейпл-Хилл.

Глава 13

Мейпл-Хилл стоял на возвышенности чуть севернее Тарритауна. Ни дом, ни окружавший его участок ничем особенным не выделялись, разве только роскошью. Мейпл-Хилл не мог похвастать ни сумеречным очарованием старины, ни смелой красотой укротившего природу творца, ни блеском модерниста, устроившего дерзкую игру с ракурсами и формами. Тем не менее это было обширное и богатое имение. В нем имелось все, что положено: извивающиеся подъездные дорожки, окаймленные рододендронами высотой двадцать футов, величественные вязы и гигантские клены, клумбы с ирисами, теннисные корты, бассейны, безупречно подстриженные вечнозеленые растения, волнообразные лужайки и пышные кусты, а также дом на сорок комнат.

У въезда на территорию имения Фоксу пришлось задержаться: массивные кованые ворота стояли открытыми настежь, но путь преграждала натянутая между ними тяжелая цепь. К нему уже неторопливо шагал, неприветливо хмурясь, охранник в форме. Вновь Фоксу пришлось удостоверять свою личность, доказывать, но и этого оказалось мало, несмотря даже на то, что его ждали. Охранник удалился в каменную сторожку, чтобы позвонить на холм и сообщить, что посетитель явился в сопровождении человека по имени Генри Джордан. И только

получив разрешение, он снял цепь и оттащил ее в сторону. У самой вершины холма, в зарослях орешника, Фокс заметил еще одного охранника. Этот был в рубашке с коротким рукавом и с пистолетом в поясной кобуре. Фокс не удержался от комментария:

– Поздно спохватились. Запирают конюшню, когда лошадь уже украдена.

– Только выкрали не скакуна, а всего лишь старую клячу, – хмыкнул в ответ Джордан.

Подъездная дорожка вела прямо к дому. Фокс остановился под навесом у входа, повинувшись поднятой руке толстого лысого мужчины в костюме дворецкого, который сообщил прибывшим, что сейчас мистер Торп занят, но вскоре будет готов их принять. Фокс проехал дальше к просторной гравийной площадке сбоку от дома и, маневрируя, сумел пристроить машину в тени раскидистого клена. Здесь уже были припаркованы пять или шесть автомобилей, причем среди них Фокс заметил и «везерилл-спешл», на котором в понедельник разъезжал Джеффри Торп. Выбравшись наружу, он пригласил Джордана отправиться с ним поискать прохладное местечко, но тот лишь головой помотал:

– Предпочту подождать тут.

Фокс проявил настойчивость:

– Вы с Торпом старые приятели, между прочим. Он чувствовал себя на борту вашего катера как дома, то и дело приезжал отдохнуть. Эту вашу дружбу стоило бы предъявить посторонним. Видите ту полицейскую машину?

– Знаете ли, мистер Фокс, в таких хоромах мне как-то не по себе.

Фокс ответил, что прекрасно его понимает, но всякий актер обязан играть свою роль, раз уж согласился. Джордан, на чьем лице не отразились ни радость, ни дружелюбие, вылез из машины и зашагал рядом с ним.

По тропинке, ведущей от гравийной площадки и убегающей за угол дома, они вышли к выложенной каменными плитами террасе под навесом, где Фокса поджидал уже пятый за утро сюрприз. У внешнего края террасы, спиной к дому, стоял прямо, словно часовой, Джеффри Торп, а в пяти шагах от него в одном из летних кресел сидела Нэнси Грант, с пылающим лицом и стиснутыми зубами.

Джеффри чуть повернул голову на звук их шагов.

– Привет, – угрюмо бросил он. – Здравствуйте, мистер Джордан.

– Доброе утро, – произнес Фокс и обратился к Нэнси: – Заехали по пути в Уэстпорт, мисс Грант?

– Это совсем не по пути, как вам известно, – ответила Нэнси. – Позвонил секретарь мистера Торпа и сказал, что тот желает видеть дядю Энди. Вот мы сначала и поехали сюда.

– Откуда он узнал, что Энди остановился у меня?

– Я сказал, – бросил Джеффри, который так и стоял спиной к остальным. – Объяснил Вону, что был у вас прошлым вечером, а еще попросил передать отцу, что я люблю мисс Грант и женюсь на ней, если получится. В первый раз за всю жизнь мне придется чего-то добиваться, и я намерен приложить все силы. Даже если мне потребуется двадцать лет...

– Вас не затруднит объяснить этому человеку, – повысила голос Нэнси, – до какой степени он смешон?

– Сами объясняйте. – Фокс сел в одно из кресел и жестом пригласил Джордана занять соседнее. – Вы опять перестали с ним разговаривать? Рано или поздно это всем наскучит.

Джеффри развернулся, чтобы видеть новопривывших.

– Нет никакого смысла взывать к ее рассудку, – объявил он. – Она упряма как мул. Но это ничего. Я сразу понял, что у нее сложный характер... Я разглядел в ней красавицу в тот самый момент, когда она вспыхнула в опере. Я понимаю, что она делает: старается держать меня подальше, пока не решит, что достаточно поквиталась за прошлое. Я перестал разговаривать с ней как раз перед тем, как вы подошли. И стоял, повернувшись спиной, потому что она заявила: если я заговорю с ней или хотя бы брошу на нее взгляд, она начнет кричать и звать на помощь.

Поскольку я шел за ней из музыкальной гостиной до передней террасы, а оттуда – прямо сюда, меня эта угроза напугала. Она может заголосить в любую секунду... В чем дело, Беллоуз?

– Сэр, могу ли я предложить подать сюда напитки? – спросил появившийся из дома дворецкий.

– А, верно. Я витал в облаках. Что предпочитаете, мисс Грант?

Нэнси нарушила этикет, когда, глядя в глаза дворецкому, сообщила, что предпочтет апельсиновый сок. Джордан признался, что не откажется от стакана воды, а Фокс и Джеффри попросили принести хайбол. Когда Джеффри, с опаской косясь на Нэнси, подошел к креслу, стоявшему в паре ярдов от нее, Фокс поинтересовался:

– А что, Грант сейчас в доме с Кестером?

Джеффри согласно кивнул:

– Кажется, Вон повел его в библиотеку повидаться с отцом. А может, и нет... Не знаю... Там их не сосчитать, полный набор. К нам явились пять или шесть директоров, вице-президенты, все прочие шишки в том же роде, и все они где-то внутри, плюс петух, как-его-там, вышагивает взад-вперед по передней террасе, что-то бормоча себе под нос...

– Дервин?

– Нет, тот полковник, грудь колесом. Брисс чего-то там...

– Полковник Бриссенден?

– Точно, он самый. Его заставили ждать не меньше часа, и он уже зол как черт. Прошу прощения. Мисс Грант, я по вашему лицу вижу, что мое сравнение вам противно, и я покорно прошу меня простить. Покорнейше. – Вглядевшись в лицо девушки, он вдруг выпалил: – Точно говорю, когда у вас такое лицо, это просто бесчеловечно – запретить мне на вас смотреть! Как мне удержаться от реакции? Вот что я вам скажу, у моей сестры есть отдельный счет в «Хартлспуне». Когда она соберется прицениться к новым тряпкам, я тоже пойду с ней! Вы будете ходить по подиуму в новых нарядах... Богом клянусь, я буду часами сидеть там, смотреть на вас! И что вы сможете с этим поделать? Послушайте, черт побери, пожалуйста... пожалуйста, не надо! Я буду держать себя в руках! Вам даже еще не принесли апельсиновый сок! Поболтаю лучше с Фоксом... – Джеффри отвернулся от девушки. – Все равно я собирался обратиться к вам с просьбой. Помните тот снимок, который вчера вы унесли с собой? Он ведь вам больше не нужен, не так ли? Я бы предпочел, конечно, чтобы она сама мне его вручила, но это займет немало времени...

Фокс встретил просьбу понятными возражениями, но Джеффри проявил настойчивость. По всему выходило, что без этой фотографии жизнь была ему не мила. Наконец принесли напитки. Глотнув виски, Джеффри довел спор до такой точки, когда стало очевидно, что он попросту пытается разговорить Нэнси. Та потягивала апельсиновый сок с видом надменного безразличия, которое могло показаться самую чуточку неестественным для девушки, недавно услышавшей, как представительный во всех отношениях, симпатичный молодой человек признается, что считает ее изображение самым красивым и самым желанным произведением искусства в целом свете. Надо заметить, Нэнси неплохо справлялась со своей ролью, пока их не прервал голос, произнесший имя Фокса.

В дверях стоял Вон Кестер:

– Не войдете ли, мистер Фокс?

Извинившись перед остальными, Фокс проследовал в дом. Его провели по боковому коридору, через комнату, в которой, кроме прочей обстановки, стоял украшенный искусной резьбой рояль, и по еще одному коридору – в комнату даже более просторную, но обставленную менее формально. Две ее стены были сплошь заставлены полками с книгами; в третьей были французские окна, распахнутые настежь, словно приглашали выйти на тенистую лужайку, уединенность которой обеспечивали близко посаженные кусты; четвертую стену занимал громадный камин, с обеих сторон которого тоже располагались книжные полки. Пол устлала про-

хладные на вид, летние ковры, кресла с льняными чехлами тоже манили прохладой, а тишину нарушало лишь знакомое шелканье, доносившееся из-под стеклянного купола биржевого телеграфа, который был установлен на одном из концов большого офисного стола. Перебирая телеграфную ленту и хмурясь, стоял гладко выбритый, причесанный и ухоженный Ридли Торп. Фокс пожелал ему доброго утра.

– Доброе, – откликнулся Торп, выпуская из пальцев телеграфную ленту. – Простите, что вам пришлось проделать весь путь в город и обратно. Вы уже успели уехать, когда Кестер набрал ваш домашний номер. Могу я забрать то письмо от неизвестного психа?

Фокс вынул из внутреннего кармана конверт и передал его:

– Сомневаюсь, что это написано психом, мистер Торп. Возможно, стиль и содержание послания указали вам на личность автора?

– Ничего конкретного, – проворчал Торп. – Позже мы к этому вернемся. Я успел... Кстати, я говорил, что заплачу вам, когда работа будет успешно выполнена. Вон, ты подготовил чек?

Кестер достал чек из ящика стола поменьше и протянул своему работодателю вместе с авторучкой. Торп взглянул на него, подписал и вручил Фоксу. Тот тоже взглянул на чек, поблагодарил и сунул его в карман.

– Вы этого не заработали, – объявил Торп. – Надо было посулить вам пять тысяч. Эта сумма куда более разумная, но я был близок к отчаянию и плохо шевелил мозгами. Не то чтобы вы не справились. Вы были на высоте. Идеально выполненная работа. Если бы вы сами доставили меня в Уайт-Плейнс с рассказом, что нашли катер Джордана и на нем – меня, это вызвало бы немало подозрений и разбирательств. То, как вы это организовали, бросив меня там и позволив Люку и Кестеру быть обнаруженными на вашем катере заодно с вами, было отличной находкой. Я восхищен. Теперь я хочу нанять вас, чтобы выяснить, кто убил Арнольда. Нелепых посулов я не делаю, но заплачу столько, сколько это стоит. Если этого типа не найти и не обезвредить, убьют уже меня самого, и я очень сомневаюсь, чтобы полиция...

– Не уверен, что смогу взяться за это дело, – перебил его Фокс. – Как я понял, вы послали за Эндрю Грантом. Я работаю на него и не могу предпринимать...

– Конфликта интересов не возникнет, если только Грант не убил Арнольда, а я так не думаю.

– Зачем вы его пригласили?

– Меня попросила об этом дочь. К тому же он был в бунгало той злосчастной ночью, и я хотел самолично расспросить его.

– Ну хорошо, – уступил Фокс. – Как-нибудь это утрясу. У меня уже возникла одна идея насчет того анонимного письма...

– С этим придется повременить, – грубо прервал его Торп, взглянув на наручные часы. – Боже правый, уже одиннадцать! Я ждал вас только затем, чтобы получить треклятое письмо. Приехал полковник Бриссенден из полиции штата, и он явно захочет взглянуть на него. Я выпровожу его как можно скорее, но потом мне придется принять кое-кого из деловых партнеров, прибывших сюда из Нью-Йорка. Вся эта история вызвала множество проблем и целую прорву дурацких слухов. Вам придется дожидаться, пока я не освобожусь. Когда проголодаетесь, найдите мою дочь и попросите организовать вам ланч.

– Отсюда всего полчаса езды до моего дома. Пожалуй, я поеду, и вы сможете позвонить, когда...

– Я бы предпочел, чтобы вы подождали здесь. Может, мне удастся освободиться раньше, чем я рассчитывал. Поплавайте в бассейне или займитесь еще чем-нибудь... Вон, пригласи сюда полковника Бриссендена.

Фокс пустился в обратный путь, следуя уже знакомым маршрутом.

В музыкальной гостиной, когда он проходил через нее, стоя беседовали два человека: один – высокий, полный и с багровым лицом, а второй – угловатый, с впалыми щеками и мощной переносицей, занявшей все пространство между глазами. Оба выглядели обеспокоенными и удрученными, а при появлении Фокса сразу прекратили разговор. Двигаясь дальше, Фокс выбрался на вымощенную плоским камнем боковую террасу и обнаружил, что единственным, кто здесь еще оставался, был Генри Джордан, так и не покинувший свое кресло. Фокс поднял стакан со столика, на котором его оставил, и опрокинул в себя содержимое, прежде чем полюбопытствовать:

– И что, все ушли, бросив вас тут?

Джордан кивнул:

– Юная леди вскочила и убежала, а молодой Торп бросился за ней.

– В каком направлении?

– Вон по той тропинке.

Фокс бросил взгляд на тропинку, увидел, что на ней никого нет до самого поворота, где та скрывалась за увитой розами шпалерой, и, пожав плечами, сообщил Джордану:

– Простите, но мы тут застряли. Торпу нужно пообщаться с полицейским, а потом у него начнутся деловые переговоры. Отнимут часа два или даже больше. Вы успели позавтракать?

Джордан совсем приуныл:

– Я в порядке. Дочь угостила меня чаем с бисквитом. Здесь я не съем ни крошки, и Торпа тоже видеть не желаю. Есть хоть шанс, что он сам сюда выйдет?

– Нет, не думаю. Сейчас он занят в библиотеке в другом крыле здания, доминирует и господствует. Мне он тоже не особо нравится. Хотите немного пройтись?

Джордан сказал, что ему хорошо и здесь. Фокс оставил его в покое и неспеша выбрался на лужайку. Здесь ему на глаза попались странные наросты на ветке кизила, и он, хмурясь, подошел поближе. Просто безобразие, подумалось ему, со всеми своими миллионами этот парень не может избавить кизил от вредителей! Отправившись дальше, Фокс обнаружил, что идет вдоль замысловатого ряда шпалер, увитых плетистыми розами. Добравшись почти до конца этой изгороди, он замедлил шаг, испытыв мимолетное желание повернуться к просвету между шпалерами, но потом продолжил прогулку. Перед ним предстала еще одна просторная лужайка, на которой кое-где росли деревья и кусты. Вдали по ней двигались две фигуры. Нэнси Грант шагала вдоль зарослей можжевельника, а в пятидесяти шагах позади нее, бочком двигаясь вперед и тут же замирая, словно бы собираясь с силами, плелся Джеффри Торп. Фокс постоял немного, наблюдая за ними, а потом неожиданно рассмеялся и вернулся на центральную дорожку между шпалерами. Там, пройдя ярдов десять, он остановился и громко произнес:

– Привет! И давно ты туда забрался? – И расхохотался.

Из густых зарослей плетистых роз «голден клаймбер» показались чьи-то широкие плечи, и Дэн Пейви недовольно пробасил:

– Вас что-то насмешило?

– Да, – подтвердил Фокс.

– Вы заметили меня, проходя мимо.

– Да. Только не мог понять, за кем ты следишь из своего укрытия. Я пошел дальше и увидел ту парочку. Забавное зрелище. А еще забавнее то, что ты покраснел. Никогда не видел, как ты краснеешь. Вот, значит, почему вчера ты выдал мисс Грант свой совет. Это было сделано для отвода глаз! В тот момент я даже не сообразил.

Насупясь, Дэн издал неопределенный гулкий звук – отчасти рык, отчасти кряхтение.

– Что это значит? – поинтересовался он. – Что я пытался скрыть?

– Ничего, – отмахнулся Фокс. – Извини. Не мое дело. Долго ты здесь торчишь?

– Приехал в десять сорок семь, – натянуто сказал Дэн. – Джордана рядом с катером не оказалось. Никого там нет. Я позвонил в офис Торпа, и мне передали твое распоряжение ехать

сюда. Приехал. А тут сказали, ты сейчас на приеме у Торпа. Пришел сюда и первым делом увидел Джордана, который прохлаждался на террасе. Я не знал, известно ли вам, что он здесь, и поэтому я...

– Хочешь уверить меня, что наблюдал за ним?

– Да.

– Не надо, а то опять меня насмешишь. Впервые вижу, чтобы ты краснел. Мне придется поболтаться здесь еще немного ради новой беседы с Торпом, а ты тем временем можешь вернуться домой.

– Что, прямо сейчас?

– Ну да. Все и без того довольно запутанно. Езжай домой и посмотри на себя в зеркало. Если потребуешься, я дам знать.

Без возражений или замечаний и даже не пытаюсь предложить более удачную альтернативу, Дэн выпятил челюсть и, тяжело шагая, удалился по дорожке между шпалерами. Глядя сквозь розы на то, как широкая спина Дэна сокращается в размерах, Фокс дождался, пока она не скроется из виду в дальнем конце дорожки, и прошептал:

– Не стоило смеяться. Это было ошибкой.

Пройдя вдоль шпалер с плетистыми розами по поперечной тропинке, он побрел по лужайке назад, мимо усеянного вредителями кизила, к террасе в восточном крыле дома. Джордан все еще сидел там, с угрюмым видом опустив подбородок на грудь, и Фокс направился чуть левее. По дороге он слышал какие-то голоса, и, завернув за угол здания, вышел к более просторной и изысканно обставленной террасе, на которой негромко беседовали двое. Фокс приблизился к ним:

– Доброе утро, миссис Пембертон. Привет, Энди.

Они ответили на приветствие. В белой блузке и желтых слаксах Миранда выглядела стройнее, сдержаннее и проще.

– Вы не видели где-нибудь поблизости мою племянницу? – спросил Грант у Фокса.

Фокс неопределенно повел рукой в сторону:

– Она где-то в том направлении, а младший Торп следует за ней по пятам. Миссис Пембертон, возможно, я буду вынужден просить о замене званого обеда на простой ланч. Как видите, я брожу тут, дожидаясь, пока ваш отец не будет готов принять меня, и ожидание затягивается.

– Буду рада вас накормить, – объявила она, – но приглашения на обед это не отменяет. Я тут пытаюсь убедить мистера Гранта задержаться.

– И я вам помешал, прошу прощения. Могу я побродить еще немного, слегка осмотреться?

Миранда дала свое разрешение, но не предложила сопровождать его, а потому Фокс пошел дальше один. Повернув еще раз за угол, он немного поговорил с человеком, который обрывал завядшие цветы с клумбы восточных маков, и выяснил среди прочего, что здесь не добавляют масла в раствор для опрыскивания кизила. Задерживаясь для изучения различных попадавшихся ему на глаза любопытных объектов, таких как ловушка для кротов, которой он раньше не видел, или новая разновидность садового спринклера, Фокс добрался до дорожки, ведущей к хозяйственным постройкам, и двинулся по ней. Перед каменным гаражом, рассчитанным не менее чем на шесть автомобилей, с жилым этажом наверху, работник поднимал домкратом колесо лимузина. Скоротав таким образом время, Фокс продолжил прогулку. По другую сторону заросшей разнотравьем поляны виднелась большая теплица, и он посвятил ее осмотру еще полчаса, а то и больше. Фокса всегда завораживали теплицы, но, с другой стороны, мало что на свете не могло вызвать в нем любопытства. Поблизости никого не было видно, однако, дойдя до дальнего конца теплицы, Фокс услышал чей-то голос и, обойдя клумбу с аспарагусами, увидел его обладательницу. На ступенях крыльца небольшого каменного домика

сидела маленькая девочка, ведшая беседу с воображаемой миссис Симмонс. Фокс увидел, как девочка жеманно потрясает руками, и расслышал в ее голосе столь же жеманные нотки:

– Знаете, миссис Симмонс, это просто *ужас!* Поверите ли, они ходят в кино *каждый* день! Ах, миссис Симмонс, я просто не знаю, что и делать! Мои дети говорят нам с мужем: если эти люди ходят в кино каждый день, то почему им нельзя? Мои нервы – просто натянутые канаты, они... *Ай!* Ты кто?

– Прошу прощения, – сказал Фокс, улыбаясь ей сверху вниз. – Позволь извиниться. – Он почтительно поклонился пустому пространству чуть левее девочки. – Как поживаете, миссис Симмонс? Думаю, вас я тоже напугал. Мне очень жаль... – И повернулся к другой даме. – Я просто гость, который приехал повидаться с мистером Торпом, а тот разрешил мне тут прогуляться. Моя фамилия Фокс. Ты здесь живешь?

– Да. Ты меня напугал.

– Прости. Я же сказал, что прошу прощения. Ты, наверное, знаешь, кто такой этот мистер Торп?

– Конечно знаю, – довольно улыбнулась девочка. – Он купил моего папу. Так мамочка говорит, я сама слышала. Он и тебя купил?

– Вот и нет, он лишь одолжил меня на время.

Девочка аж взвизгнула, захлебываясь смехом:

– Да ну! Человека же нельзя одолжить!

– И купить человека тоже нельзя... во всяком случае, это некрасиво. Твой папа – здешний садовник?

– Вовсе нет, ты не угадал. Он *самый* главный садовник. А меня зовут Хелен Густава Фландерс.

– Большое спасибо, буду называть тебя Хелен. Меня можешь звать мистером Фоксом. У тебя очень красивые перчатки, но они, кажется, чуточку тебе великоваты?

Девочка с довольным видом уставилась на желтые хлопчатобумажные перчатки с болтающимися пустыми пальцами.

– Они классные! – заявила Хелен.

– Конечно, – признал Фокс, – они чудесные, но все равно немножко велики. К тому же они не пара. Обе на левую руку. Видишь, большой палец не на своем месте? Может, расскажешь, где ты их взяла?

– Отчего же, конечно, мистер Фокс, – хихикнула Хелен. – Я пошла за покупками по магазинам и купила их. Выложила шестьдесят долларов.

– Нет, Хелен, на самом деле. Без выдумок.

– Ну... – Девочка заглянула в глаза Фоксу. – Если без выдумок, то мне дала их мисс Кнудсен.

– Давно она тебе их дала?

– Примерно год назад.

Эту деталь он не стал пока уточнять.

– Ты про мисс Кнудсен, которая готовит еду?

– Она не повариха. – Вновь эта довольная улыбка. – Она горничная миссис Пембертон. А миссис Пембертон – это мисс Миранда. Она плавает гольфом. Я сама видела.

– Так мисс Кнудсен дала тебе перчатки вчера? Или в понедельник?

– Да, – уверенно ответила Хелен.

– М-да, – сказал Фокс. – Думаю, очень мило с ее стороны, что она тебе их дала, но вот что я скажу. Перчатки обе на левую руку. Отдай их мне, и я принесу другую пару, которая будет...

– Нет! – отрезала Хелен.

Чтобы уговорить ее, понадобилось немало времени, терпения и лукавства. Так много времени, вообще говоря, что, когда Фокс вновь обогнул теплицу и зашел за кусты, чтобы в

одиночестве рассмотреть добычу, наручные часы показали ему 12:35. Перчатки были сделаны из желтой хлопчатобумажной ткани отменного качества; уже не очень чистые, они, однако, не выглядели ношенными и были точной копией друг дружки. Обе на левую руку, обе с ярлычком «Хартлспун». Убрав перчатки в карман, Фокс выскользнул из своего укрытия и напрямик отправился к гаражу по дорожке, по которой пришел сюда от дома. Лимузин все еще стоял перед гаражом, но человека не было видно. Хмурясь, Фокс продолжил свой путь, уже не обращая никакого внимания на предметы, какой-то час назад требовавшие внимательного изучения. Внезапно он остановился и, повернув голову, замер. Где-то впереди раздался громкий хлопок. Автомобильный выхлоп? Или чей-то выстрел?

Слишком много топлива в карбюраторе?

Нет, больше похоже на выстрел.

Фокс двинулся вперед, шагая все быстрее, но вскоре сорвался на бег и по прямой побежал к дому, все еще скрытому за деревьями. Заслышав вдали хор возбужденных голосов и отдельные вопли, он помчался со всех ног. Справа от него, чуть в стороне, тоже спешил к дому еще один человек – кто-то из охраны. Он бежал, по-верблюжьи вскидывая прямые ноги, и размахивал зажатым в руке револьвером. Охранник неся к главному входу, тогда как Фокс, настроившись на источник голосов, свернул налево, пересек лужайку, преодолел сопротивление каких-то кустов, увидел открытые французские окна, рванул прямо к ним – и внутрь.

Он снова оказался в библиотеке, среди десятка других людей, включая и распростертого на полу лицом вниз Ридли Торпа. А также и полковника Бриссендена, стоявшего на колене рядом с Торпом и в момент появления Фокса громко произнесшего:

– Он мертв!

Перчатки Хелен Густавы Фландерс были для Фокса шестым сюрпризом за день. Этот стал седьмым.

Глава 14

За объявлением полковника последовали две секунды общего остоленения. Потом зазвучали тревожные звуки – те негромкие шумы, которые мужчины и женщины издают в тот момент, когда внезапное потрясение слишком туго натягивает им нервы; первобытные звуки, на целые геологические эпохи опередившие артикуляцию слов. Под их прикрытием легкие шаги Текумсе Фокса по навощенному полу к двери в холл остались никем не услышаны. В холле стояли, прижавшись друг к другу, две женщины в униформе горничных. Проиригнорировав их, Фокс стремительно прошел в музыкальную гостиную. И уже успел положить ладонь на крышку рояля, когда услышал шаги с противоположной стороны и увидел вбежавшую, захавшуюся Нэнси Грант. При виде Фокса она выпалила:

– Что происходит? Где дядя Энди? Он звал меня по имени, и...

– Туда, – показал Фокс.

Когда Нэнси скрылась из виду, он все-таки поднял крышку рояля, достал из кармана перчатки и засунул их за последнюю басовую струну, а затем вернул крышку на место. После чего прошел в библиотеку и окинул ее внимательным взглядом.

Джеффри Торп стоял над телом, едва на касаясь его носками ботинок; побелевшее лицо опущено, глаза распахнуты, челюсти нервно сжимаются и разжимаются. Рядом и немного позади стояла его сестра, которая держала Джеффри за рукав и глядела не на распростертое тело, а на брата. Эндрю Грант, сжимая обеими руками плечи своей племянницы, подталкивал ее к креслу. Люк Уир прислонился спиной к книжным полкам, склонил голову и закрыл глаза совсем как проповедник, собирающийся прочесть своей пастве молитву. Беллоуз, дворецкий, стоял с прижатыми к груди ладонями, бессознательно имитируя виденный в фильмах драматичный жест. Генри Джордан сидел на краешке стула, не отрывая глаз от той части распро-

стертого на полу тела, которая была ему видна, и скреб подбородок, словно втирая пену для бритья. Вон Кестер, прямой и напряженный, упирался задом в край стола; лица Фоксу не было видно. Двое мужчин, чей разговор в музыкальной гостиной Фокс невольно прервал ранее, и еще трое, кого он раньше не видел, сбились в тесную группу позади невозмутимо шелкавшего биржевого телеграфа. Еще один мужчина в полицейской форме, стоявший согнувшись в три погибели, уже выпрямлялся с мерцающей полоской легкой синей ткани.

– Верни назад! – рявкнул на него Бриссенден. – Ни к чему не прикасайся!

– Это было отброшено в сторону, – возразил полицейский. – Тот мужчина задел ботинком, проходя по...

– Положи на стол! Ничего не трогай! И выведи всех из...

– Это мое! – крикнула Нэнси.

– Что именно? – спросил Бриссенден, развернувшись к ней.

– То, синее! Это мой шарфик! Откуда... – Нэнси попыталась подняться с кресла, но рука дяди на плече удержала ее на месте.

– Хорошо, только не притрагивайтесь к нему! В этой комнате ничего нельзя трогать! Харди, выведи всех в... Чем это вы заняты?

Мужчина из группы позади биржевого телеграфа бочком придвинулся к столу и, протянув через него руку, резко и решительно ответил полковнику:

– Собираюсь воспользоваться телефоном.

– Нет! Уйдите оттуда!

– Мне надо позвонить в свой офис, – заявил мужчина, поднял трубку и начал набирать номер.

В два прыжка Бриссенден оказался рядом с ним, одной рукой выхватил у него трубку, а второй оттолкнул, да так сильно, что тот едва устоял на ногах.

– Шею себе не сверни... – тихо прошипел полковник; угроза была слишком серьезной, чтобы повышать голос.

– Кестер, выруби уже эту тарактелку! Спасибо. – Бриссенден тяжелым взглядом обвел присутствующих. – Торп скончался. Его убили. Ему стреляли в спину, и оружие осталось лежать вон там, на полу. Все здесь слышали выстрел, а кто-то из вас его и произвел. Мне известно, что кое-кто тут из важных персон и считает, что ему важнее позвонить в свой офис, чем позволить мне исполнить мой долг. Вот ты, иди-ка сюда.

Одетый в форменную куртку охранник, с еще зажатым в руке револьвером, наконец отыскал место событий и стоял теперь у окна. Топая, он приблизился к полковнику.

– Откуда ты? У Корлисса работаешь?

– Нет, сэр. В агентстве Бэскома.

– Мозги в голове имеются?

– Да, сэр.

– Воспользуйся ими. Харди, выведи всех в другую комнату – ту, что с роялем. Им запрещается разговаривать, звонить, покидать помещение. Если кто-нибудь вздумает возмущаться, приструни. Если кто-нибудь решит выйти, приказываю стрелять по ногам, если потребуется. Этот человек тебе поможет. Если кто-нибудь выходит в туалет, он проводит. Никто не должен мыть руки. Их потом осмотрят, чтобы понять, кто устроил стрельбу. Я останусь здесь. Мне понадобится этот телефон.

– Вы нарушаете сразу пять или даже шесть законов, полковник, – без всякой агрессии в голосе заметил Текумсе Фокс.

– Правда? Вы, что ли, их сочиняли?

– Нет, но они мне нравятся. А вам следует справляться со своей работой, не объявляя военного положения. Меня это немного печалит, не более того. Если я, захотев с кем-нибудь

поговорить или ополоснуть руки, схлопочу затем пулю в ногу, у вас могут возникнуть кое-какие сложности с вашей собственной шеей.

– То есть вы отказываетесь...

– Пока даже не думаю об этом. Просто сообщаю: мне нравится свод наших законов. Я вам подыграю, в разумных пределах. У вас, бесспорно, есть право очистить эту комнату, но в музыкальной гостиной сейчас жарко как в аду... – Взгляд Фокса скользнул по лицам вокруг. – Предлагаю, леди и джентльмены, перейти всем на боковую террасу.

Все зашевелились, объединенные общей целью.

– Вы! – гаркнул Бриссенден. – Дворецкий! Как фамилия?

– Б-б-беллоуз, сэр.

– Можете отключить все остальные телефоны в доме, чтобы работать остался только этот?

– Разумеется, сэр.

– Сделайте это. Немедленно!

Беллоуз покосился на Джеффри и Миранду. Джеффри был безучастен. Миранда посмотрела на Фокса.

– Поступайте, как вам угодно, миссис Пембертон, – пожал плечами Фокс. – У полиции нет права ограничивать доступ в любую часть дома, за исключением этой комнаты, где произошло убийство. Вы могли бы...

– Будьте вы прокляты, Фокс!..

– Полегче, полковник. Я всего лишь констатирую факт. И собирался добавить, что миссис Пембертон могла бы сотрудничать с вами, если пожелает.

– Беллоуз, выполняйте просьбы полковника Бриссендена, – сказала Миранда.

– Да, мадам.

Все снова пришли в движение, чтобы оставить полковника выполнять его работу в опустевшей библиотеке. Харди и сотрудник агентства Бэскома замыкали шествие, выглядя угрюмо, но не слишком уверенно. Все, не задерживаясь в музыкальной гостиной, вышли на боковую террасу, тем самым оставив их в досадном недоумении касательно надлежащей процедуры стрельбы по ногам в случае мятежа.

Восстания не случилось. Шепоток и бормотание понемногу ширились, возникнув в среде деловых партнеров, но мыть руки не бросился никто. Угловатый мужчина с впалыми щеками подошел к Фоксу спросить, кто он такой, и Фокс ответил. Спросивший представился сам: «Харлан Макэлрой» – и не затруднился добавить, что входит в число директоров корпорации «Торп контрол», равно как и трех десятков других предприятий. Джеффри сидел с сердитым видом, прикуривая сигареты и тут же забывая о них; разок он краем глаза поймал на себе взгляд Нэнси и уже начал приподниматься, но тут же рухнул на стул. Миранда и Вон Кестер какое-то время разговаривали вполголоса, а потом Миранда исчезла в доме. Вскоре после ее возвращения горничные вынесли подносы с едой. Фокс съел свой ланч, да и остальные в той или иной мере приняли участие; лишь Люк Уир и Генри Джордан не притронулись к еде.

Тем временем начали прибывать блюстители закона. Боковая терраса предлагала выгодную панораму части главной подъездной дорожки. Две машины имели знакомый коричневый оттенок, характерный для полиции штата, а большинство остальных Фокс попросту узнал. Одна была старым «кертисом» медэксперта, а во второй, рядом с шофером, сидел сам окружной прокурор Дервин. Очевидно, в дом они вошли с другой стороны. Изнутри стали доноситься звуки некоей бурной деятельности. Вскоре после того, как на террасу были вынесены подносы с едой, из дома вышли трое: полицейский в форме и еще двое в штатском. Появившись на террасе, они молча расселись в разных местах. Пошипав содержимое своего подноса и выяснив, что не может проглотить ни кусочка, Миранда оставила это занятие и обошла по

кругу своих гостей, немного пообщавшись с каждым. Добравшись туда, где сидели Грант с племянницей, она успокаивающим жестом коснулась руки Нэнси, но та тут же ее отдернула.

– Извини, – сказала Миранда.

Нэнси порозовела:

– О! Я не хотела... дело в том, что я... пожалуйста... мне так жаль...

– Мне тоже, – кивнула Миранда и двинулась дальше; остановилась перед Текумсе Фоксом. – Мы не будем считать эту трапезу достойной заменой тому званому обеду, мистер Фокс, – сказала она, чуть дернув плечами. – Какой-то кошмар.

– Да уж, хорошего мало, – кивнул тот.

– Вы поели? Там еще полно салата с курицей.

– Я сыт, благодарю вас.

Сдвинув брови, Миранда заговорила тише прежнего:

– Пожалуйста, скажите: должны ли мы с Джеффри пойти туда? Должны ли мы позволять полиции делать все, что они хотят и как хотят? Ну, копаться в вещах, к примеру?

– Зависит от ситуации. – Фокс вытер губы салфеткой. – Закон дает вам право сильно усложнить им жизнь. В библиотеку вы не можете их не впустить, однако... Если в других комнатах есть что-то, чего вы не хотите показывать, и не важно, помогло бы это следствию или нет, затруднить доступ вы совершенно точно можете. Это ваш дом, в конце концов.

Миранда прикусила губу.

– В ваших устах это звучит... излишне прямо. Мне бы не хотелось затруднять им... мешать им делать свою работу. Я не считаю этот дом своим и уверена, что Джеффри тоже не примет обыск близко к сердцу... но оказаться здесь, на террасе, пока там рыскает множество людей...

– Мистер Кестер! – позвал кто-то из открытых дверей. – Пройдите сюда, пожалуйста.

Поднявшись, Кестер вошел в дом. Харлан Макэлрой и еще кто-то из деловых партнеров устремились на голос с многословными протестами: им, дескать, нужно срочно уехать в Нью-Йорк... им следует разрешить...

– Я понимаю, миссис Пембертон, – заверил Фокс Миранду. – И вот что я скажу: если бы что-то подобное произошло в моем доме, я бы посчитал уместным не позволить полицейским превратить случившееся в повод для полной инвентаризации моего личного имущества, как и для грубого вмешательства в мои частные дела. Более того, мне кажется, вам стоит немедленно позвонить адвокатам вашего отца из конторы «Бьюкенен, Фуллер, Макпартленд и Джонс».

– Спасибо. Так и сделаю, – сказала Миранда и быстро вошла в дом.

Подобрав вилкой остатки салата с цыпленком, Фокс заметил перед собой чьи-то ноги, поднял голову и увидел невеселую ухмылку Джеффри Торпа.

– Я слышал, сестра упомянула мое имя, – пробурчал Джеффри, и Фокс кивнул: он еще жевал. – Черт знает, что тут творится! Меня это окончательно достало. Во второй раз уже.

Фокс наконец проглотил салат и ответил:

– Ваша сестра советовалась со мной насчет дальнейших действий.

– И что вы ей сказали?

– Сказал, что не позволил бы любому следователю насаждать здесь собственные правила. И посоветовал позвонить отцовским адвокатам.

– Это кажется... разумным. – Джеффри стиснул зубы, но через секунду разжал их. – Ночью в воскресенье все было как-то иначе... далеко отсюда, в том бунгало... но сегодня это случилось прямо здесь, в нашем собственном доме. Я же тут родился. Я был... Мне здесь было хорошо, когда я был ребенком, вместе с мамой...

– Не так быстро, сынок, – резко прервал его излияния Фокс, не повышая голоса. – Вам в последнее время здорово досталось. Воскресным вечером был убит ваш отец. Вчера он вернулся к жизни. Сегодня его убили снова. Три нокаута подряд – большое потрясение.

– Я в полном порядке, – отрезал Джеффри. – То есть мне так кажется. Говорите, сестра звонит отцовским адвокатам? Тем ребятам из «Бьюкенен, Фуллер...»?

– Да.

– Чертова свора чванливых воображал!.. Хочу у вас спросить. Не скажете, зачем мой отец пригласил вас сегодня сюда?

– Отчего же, скажу. Он заявил, что не верит в способность полиции найти убийцу Кори Арнольда, и хотел нанять меня поработать над этим.

– И вы согласились?

– Мы собирались обсудить это позже. Я напомнил ему, что уже работаю на Гранта.

– Я тоже желаю, чтобы вы поработали над этим.

– Правда? Но почему? Вы что, тоже не доверяете полицейским?

– Ну... я... да, так и есть, я им не доверяю. Мне не нравится то, как... гляньте на этого петуха Бриссендена...

Фокс, не вставая, отодвинул в сторону столик с подносом, дотянулся до соседнего кресла и подтащил его ближе.

– Сядьте, – пробормотал он, – и мне не придется говорить так громко. У этого человека довольно чуткие уши. – Джеффри рывком поставил кресло напротив Фокса и сел; вздохнув, Фокс продолжил: – Я бы мог просто сказать «нет» и оставить все как есть, но мне искренне жаль вас, поэтому я постараюсь объяснить: это стало бы пустой тратой денег. Если я обнаружу, что стрелял кто-то из членов вашего семейства, тот факт, что вы оплачиваете мои услуги, не предотвратит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.